

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

T. S. Eliot?

1903—1964

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Г. Скребицкий

**ДЛИННОХВОСТЫЕ
РАЗБОЙНИКИ**

Рассказы и сказки

Художник В. Романов

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2009

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С45

Предисловие
Вл. АРХАНГЕЛЬСКОГО

Послесловие
В. СКРЕБИЦКОГО

Портрет автора работы художника
А. СИМАНЧУКА

Скребицкий Г. А.
С45 Длиннохвостые разбойники : рассказы и сказки /
Г. Скребицкий ; [предисл. Вл. Архангельского ;
послел. В. Скребицкого] ; худож. В. Романов. — М. :
Дет. лит., 2009. — 285 с. : ил. — (Школьная библио-
тека).

ISBN 978-5-08-004489-2

В книгу входят рассказы и сказки о родной природе извест-
ного писателя-натуралиста.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

© Скребицкий В. Г., Васькова Т. И., 1944—1956
© Архангельский Вл., предисловие, 1973
© Скребицкий В., послесловие, 2001
© Романов В., рисунки, 2001
© Оформление серии, составление. Издательство
«Детская литература», 2001

ISBN 978-5-08-004489-2

О МОЁМ ДРУГЕ

Тяжело писать о близком человеке, который долго шёл рядом, а теперь его нет. Не раз мы путешествовали вместе по стране, коротали дни на охоте и на рыбалке, в погожие летние и осенние дни собирали грибы в лесах Подмосковья. И часто говорили о литературе для детей. Нас роднило то, что оба мы писали о людях, влюблённых в природу, о животных и птицах, о путешествиях и всяких приключениях с нами.

Георгий Алексеевич за тридцать лет написал немало хороших книг. И читатели — прежде всего дети, подростки — узнавали с его помощью многое в прекрасном мире нашей природы.

Был он удивительным тружеником: написал много, но сказал далеко не всё, что задумал. В записных книжках у него были заметки о новых замыслах, но они так и остались неосуществлёнными.

Работал он каждый день и без всякой натяжки мог сказать, что свой труд за письменным столом считает «сладкой каторгой».

— Начинаю новую книгу. Возникают образы, и все они как шахматные фигуры в длинной и сложной партии, — говаривал он мне. — Зародились они в моей голове и по моей указке живут: страдают и радуются. Великая в этом сладость! А записать все замыслы на бумаге, начать и удачно завершить сюжет — ну просто «каторга»!..

Он не расставался с записной книжкой, раскрывал её часто и вносил в неё зарисовки даже в свободные минуты на охоте и на рыбалке. А если не писал, то рассказывал: сочно, образно, выпукло. И всегда обнаруживал ту удивительную точность языка, которая

отличает подлинно интеллигентного, образованного человека. Он любил народный говор, но ненавидел словесные сорняки, ругань и всякие непристойности, уходящие корнями в далёкую российскую дикость.

Каждую новую книгу он начинал трудно, как и положено истинному мастеру. Запирался дома, к телефону не подходил. Мы это знали и в такое время его не тревожили. Но проходил месяц, другой... и вдруг раздавался звонок.

— Живой? — спрашивал он.

— Ага.

— Я иду в фарватере, как говорят моряки, и скоро доберусь до цели. Но утомился дьявольски, хочу глотнуть свежего воздуха за городом. А между прочим, ледок окреп, и кто-то ринулся уже за окуньками. Не пора ли и нам?

— Самое время.

— Ну, готовься, а я пойду машину проверить.

Это означало, что завтра можно отправляться в путь.

На охоте везло нам не часто. Бывало, послушаем по весне одиночного вальдшнепа в березовой куртинке под Москвой или выпалим по десятку патронов на утином перелёте. А то побегаем на подслух за гончей по чернотропу и подвидим одного косога. Но чтоб ягдташ был полон, как подушка, — такого не припомню.

Рыбалка случалась добычливее, да и то, если ехали мы с очень сильным желанием одарить друзей плотвой или окунями и направлялись за тридевять земель — к голубым озёрам Валдая, или на Оку — почти под Касимов, или за Переславль — на реку Вёксу, или на просторы волжских морей. А частенько и так бывало: посидим летом под ракитой, повздыхаем, что оскудел водоём, послушаем перепелиный бой, коростелёву трещотку да надышимся властью ароматами луговых трав.

— А как же быть с ухой, Егорушка? — спрошу я.

— В другой раз. Нынче во сне уху повидаем, и на том спасибо!

Был он человек добрый, благородный. К тому же обязательный и точный. Дружить с ним было легко, в радость: ведь действительно человеку дороже всего человек!..

В конце 50-х годов стал он грузнеть и однажды пожаловался на резкую боль в почке. Врачи тогда вылечили его.

Летом 1964 года поехал он на Выставку достижений народного хозяйства СССР. Там он долго беседовал с ребятами в павильоне юных натуралистов, сидел на берегу пруда под плакучей ивой и глядел, как незадачливые рыболовы охотились за карпами. Неожиданно он почувствовал себя плохо, и через день пришлось его доставить в больницу с приступом острой боли в сердце. Врачи установили инфаркт. Месяца через полтора здоровье его пошло на поправку. Он уже собирался выписаться из больницы и уехать в санаторий. Но случился второй инфаркт. Сердце отказало. И 18 августа 1964 года мы потеряли писателя и друга.

Моё поколение охотников, следопытов и натуралистов давно свыклось с близким нам именем Георгия Алексеевича Скребицкого. А про детей и говорить нечего: своему «дедушке-юннату» написали они сотни, тысячи восторженных писем и встречались с ним очень часто.

Общаясь с Георгием Алексеевичем из года в год, я никогда не задумывался, какое место принадлежит ему в русской литературе, открыто обращённой к людям на природе, к большим раздумьям об извечной красе наших российских просторов.

Но теперь я вижу отчётливо. Зачинали эту литературу Иван Сергеевич Тургенев и Сергей Тимофеевич Аксаков. В наши годы продолжали её Михаил Пришвин, Виталий Бианки, Иван Арамилов, Александр Шахов, и сейчас продолжают многие их младшие товарищи. В их произведениях весьма большое место уделено пейзажу, природе, натуралисту, великой охотничьей страсти следопыта.

Георгий Алексеевич Скребицкий расширял границы нашего представления о том прекрасном в природе, что помогает нам лучше видеть свою Родину и горячо любить её. Любовь к природе была у него неиссякаемым источником великой любви к Родине.

В «Рассказах охотника» и в «Охотничьих тропах»

Г. Скребницкий — враг браконьерства и вдумчивый советчик молодого человека, впервые взявшего ружьё в руки. В книге «С ружьём и без ружья» он делает упор на то, что радует в природе и достойно пристального внимания думающего наблюдателя. Зоркий глаз и фотографический аппарат дают иной раз так много, что нет необходимости и вспоминать о задуманном выстреле. В «Лесном эхе» собраны его рассказы о первых шагах будущего натуралиста и проводится мысль, как важно с малых лет бережно относиться к природным богатствам. В большой книге «За лесной завесой» — как бы весь Скребницкий: натуралист, прекрасный человек, которому много пришлось встречаться с лесниками, охотниками, рыбаками, учёными, пастухами, юными натуралистами.

Книги Г. А. Скребницкого: «Весёлые ручьи», «Друзья моего детства», «Листопадник», «Лесной голосок», «Лесной прадедушка», его повести о детстве и юности: «От первых проталин до первой грозы», «У птенцов подрастают крылья» — заслужили большую любовь читателей.

В книге «За лесной завесой» Георгий Алексеевич писал, обращаясь к своим читателям:

«Родная земля — родная природа, сколько радости, сколько счастья подарила она мне за мою долгую жизнь. И я от всей души хочу, чтобы эти радости, это счастье выпали на вашу долю».

И эта радость не оставляет нас, когда мы идём от рассказа к рассказу Георгия Скребницкого, путешествуя вместе с автором по просторам Родины.

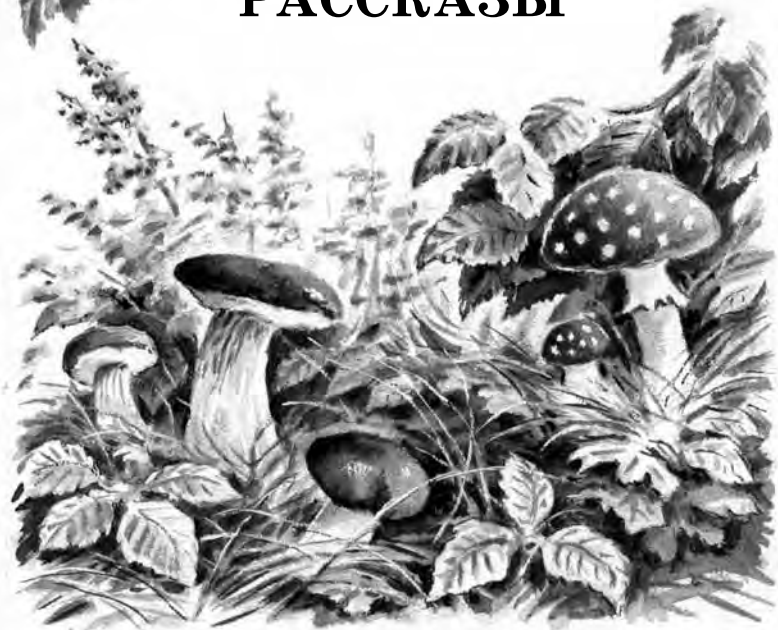
Был он человек большого и светлого таланта, и книгам его уготована счастливая и долгая жизнь.

Вл. Архангельский

РАССКАЗЫ

ЧЕМУ НАУЧИЛА СКАЗКА

Одно из первых стихотворений, которое в детстве я знал наизусть, была «Песнь о вещем Олеге».

С этим стихотворением связано много воспоминаний. Прежде всего мы с братом Серёжей его обычно читали вслух, когда приходили гости. А иногда вечером, если папа не уходил к больным и был в хорошем настроении, он подсаживался к роялю, храбро, хотя и не очень умело, брал первый аккорд и начинал вполголоса напевать эту же песнь. Серёжа и я являлись на помощь и дружно подхватывали.

В исполнение любимой вещи мы все трое старались вложить как можно больше души и страсти. Наши голоса звучали всё громче и всё грознее, совсем заглушая аккомпанемент.

Частенько в самый трагический момент, когда Олег упрекает кудесника: «Ты лживый, безумный старик! Презреть бы твоё предсказанье!» — в комнату торопливо входила мама. Она указывала на открытое окно и с испугом говорила: «Алексей Михайлович, Алексей Михайлович, ради Бога потише, ведь подумают, что у нас пьяные дерутся!..»

Но мы не сдавались. Пусть думают что хотят.

«Песнь о вещем Олеге» продолжала звучать так же громко и так же воинственно.

Я очень любил эту вещь, в особенности за таинственность её слов, многие из которых совершенно не понимал. Что такое «вещий», или «неразумным хозарам», или «обрек»? Даже самые обычные слова здесь воспринимались мной в каком-то совершенно новом, совершенно особенном смысле. Так, например, я приходил в восторг от непонятого выражения «за буйный набег». Я знал слово «буйный». А уж «за буйный» — это, наверное, что-то особенно сильное, отважное и удалое.

Вся песня была таинственна, непонятна, и именно поэтому мне ещё больше нравилась.

Однако лучше всего, конечно, то самое место, где «из мёртвой главы гробовая змея, шипя, между тем выползала...»

До сих пор помню, как в этом месте холодные мурашки пробежали у меня по спине

и я украдкой заглядывал на рояль, не покажется ли из тёмного угла роковое чудовище.

Однажды я спросил Серёжу, как он думает: в каждом ли конском черепе, которые валяются по канавам, живёт гробовая змея? Серёжа ответил утвердительно.

Это открытие было жутко, но увлекательно. Посоветовавшись, мы решили выгнать змею из её убежища, зацементировать деревянной рогатиной и принести в подарок Михалычу.

И вот в первый погожий день, как только Серёжа пришёл из школы, мы вооружились рогатинами и отправились в опасное путешествие. Дома сказали, что идём играть к товарищам.

За городом всё уже зеленело. По склону оврага цвела черёмуха. Бабочки, пчёлы, жуки кружились возле мохнатых веток. А как хорошо пахло от этих цветущих кустов, от свежей травы, от молодых, едва распустившихся листьев!

Как звонко откуда-то с высоты разливались песни жаворонков!

Но нам с Серёжей было не до цветов и не до песен. Мы осторожно пробирались по склону оврага, среди зарослей молодых лопухов и крапивы.

Где же конские черепа? Казалось, раньше они валялись повсюду, в каждой канаве, а вот теперь, когда надо, нет ни одного.

Наконец у самого дна оврага я заметил

белевший череп. Он почти целиком был укрыт листьями лопуха. Череп лежал на земле, оскалив зубы и глядя на нас чёрными впадинами пустых глазниц.

На дне оврага было сыро и темновато от густо разросшихся кустов бузины. Где-то в ветвях тревожно застрекотали сороки, предупреждая нас о грозящей опасности.

Дрожа и подбадривая друг друга, мы приближались к таинственному обиталищу гробовой змеи.

— Давай бросим сначала камень, — сказал Серёжа.

— Давай.

Камень стукнулся о голую кость. Мы взяли рогатины на изготовку. Но змея не появлялась.

— Затаилась, — прошептал Серёжа. — Бросим ещё один.

Бросили. Опять ничего.

Понемногу осмелев, мы подошли поближе к

черепу и наконец решили копнуть его концом рогатины. Серёжа первый подцепил палкой за челюсть, сдвинул череп с прежнего места. И вдруг из-под зелёного лопуха показалось что-то тёмное, изогнутое...

— Змея!

Мы отскочили прочь.

Но тёмный крючок не двигался, не падал на нас.

— Да это рог! — приглядевшись, воскликнул Серёжа. — Коровий рог!

Вот так сюрприз! Значит, и череп был совсем не коня, а коровы. В зарослях лопухов рога-то мы сразу и не заметили. Всё было ясно — в коровьем черепе гробовая змея, конечно, не должна водиться.

Так бесславно кончилось наше первое путешествие, наша первая охота за гробовой змеей.

Однако эта неудача не заставила нас с Серёжей упасть духом, мы вовсе не успокоились и продолжали поиски конских черепов.

Череп мы нашли, но, увы, ни в одном из них гробовой змеи так и не оказалось.

Ну и что ж? Не беда! Пусть гробовая змея обитала только в одном-единственном черепе, на который так неосмотрительно наступил несчастный Олег, пусть так, но от этого наши поиски не стали менее интересны.

Мы с Серёжей воображали себя отважными охотниками, ловцами ядовитых змей. С самого утра мы отправлялись на поиски, лазили по канавам, оврагам, продирались сквозь колючие заросли шиповника. К полудню солнце начинало уже припекать, обжигало шею и спину. Но в кустах долго ещё сохранялась утренняя прохлада, и капли росы, словно круглые прозрачные жучки, сидели на листьях, на розовых лепестках цветов.

Тронешь ветку, и капля-жучок вмиг оживёт, побежит по ней, покатится вниз, спрыгнет в траву, сверкнув напоследок золотым огоньком.

Но вот заросли кончились. Впереди лужайка. Она вся в цветах. Тут и синие колокольчики, и красный клевер, и розовая по-

левая гвоздика... Особенно хороши ромашки — большие, глазастые, с золотой сердцевиной и белоснежными лепестками. Они тянутся к солнцу и сами похожи на золотое солнышко; сотни, тысячи крохотных солнышек здесь на земле, совсем рядом с нами.

Цветы на земле среди густой зелёной травы и «цветы» над землёй, в воздухе, — целый рой порхающих бабочек с крылышками как яркие лепестки: пёстрые крапивницы, перламутровки, адмиралы, тёмно-бурые, почти чёрные траурницы с белой оторочкой на крыльях, жёлтые лимонницы и скромные, как голубые фиалки, мотыльки.

Мотыльков особенно много около луж. Они садятся на бережок и сидят стайками у самой воды.

А в воде своя особая жизнь: по гладкой поверхности лужи, будто по твёрдому льду, носятся взад и вперёд длинноногие водомерки, бегают по воде и не тонут.

Вот вынырнул из глубины подышать чёрный жук-плавунец; а паук-водолаз, наоборот, ныряет в глубину, унося с собой пузырёк воздуха для своего подводного колокола.

Всюду: в воздухе, на земле и в воде — кипела жизнь, жизнь, похожая на чудесную сказку.

И вот, бродя в поисках гробовой змеи, я невольно следил за нею.

Можно ручаться, что, создавая свою ле-

генду, Пушкин никогда не мог и помыслить, что она сослужит когда-нибудь столь странную службу — заставит двух ребят искать таинственных обитателей черепов и попутно знакомиться с жизнью природы. Но именно так и случилось: «Песнь о вещем Олеге» дала первый толчок моим наблюдениям над миром природы; мало того, она сразу же придала им всю прелесть чего-то таинственного и прекрасного. Живая природа и чудесная сказка слились в моей душе воедино и, помимо сознания и воли, уже заранее предначертали весь мой дальнейший жизненный путь.

Наверное, в те самые дни, когда я с замиранием сердца разыскивал по заросшим канавам конские черепа и старался выгнать из них роковое чудовище, именно тогда-то бесповоротно решилась моя судьба. Сказка Пушкина показала мне окружающий мир через волшебное стёклышко красоты и поэзии, она подружила меня с природой и с творческим вымыслом, заставила всей душой поверить в них и служить им всю мою жизнь.

БЕЛЫЙ КОРАБЛИК

Моё любимое время года — весна, только совсем не такая, когда зазеленеет трава и на деревьях распустятся листья, нет, я люблю самое начало весны.

Вот по ложбинкам побежали, забулькали ручейки, раскисли дороги, и по ним важно разгуливают чёрные, белоносые грачи. Вот в полях, по буграм, на припёке показались первые проталины, запели над ними жаворонки. Это и есть моё самое любимое время года — пробуждение земли, её первая улыбка солнцу.

Люблю в эту пору надеть не шубу, а лёгкую охотничью куртку, высокие сапоги и пойти побродить за город.

Иду, не стесняясь, прямо по грязи, по лужам, а потом сажусь где-нибудь у обочины дороги на сваленные брёвна или на кучу камней, снимаю шапку и подставляю лицо горячему апрельскому солнцу.

— Какой вы чёрный, наверное, только что с юга? — спрашивают после такой прогулки знакомые.

— Нет, юг сегодня сам ко мне приезжал, — отвечаю я.

Знакомые удивляются, не могут понять, в чём дело, ну и пусть!

А ещё знаете, ребята, что я люблю весной делать? Пускать с детворой по ручьям бумажные кораблики. Пускаю их, и вспоминается мне то далёкое время, когда я сам был таким же вот малышом. Я даже стихи написал об этом:

Опять весна, воды разлив,
И нет в помине зимней стужи.
Я вновь пускаю корабли
По ручейкам и внешним лужам.

Я снова штурман, капитан.
Мой флот — ребячьих лет наследство.
Я с ним плыву из дальних стран
В страну покинутого детства.

Как славно раннею весной
Вести суда рукой умелой;
Журчит ручей передо мной
И вдаль несёт кораблик белый.

Да, счастливое время жизни — детство, и счастливое время года — весна. Только вспомню о них, и передо мной, как наяву, встаёт наш крохотный городок, весь залитый весенним солнцем. Блестят окошки, крыши домов; весь городок выглядит таким нарядным, весёлым!

Зато под ногами — сплошная грязь, сплошной кисель из тающего снега, ни пройти ни проехать.

Взрослые сердятся, ругают весну, ждут не дождутся, когда же сойдёт весь снег и земля просохнет. Но для нас, ребятишек, это самое хорошее время.

Только, бывало, выбежишь из дома во двор, так и пахнёт в лицо свежим весенним духом. И какой это расчудесный дух: пахнет тающим снегом, размокшей землёй, конским навозцем и сохнувшими тёплыми крышами тоже попахивает.

От одного этого духа уже замирает сердце. Так бы и полетел над землёй прочь из города, туда, где пестреют проталинами оживающие поля. Но лететь над землёй в тёплой ватной

куртке, в глубоких резиновых калошах, да ещё не имея крыльев, увы, никак невозможно. Над землёй — невозможно, зато пролететь по земле, да так пролететь, чтобы брызги кругом выше головы взвивались, это не только возможно, но просто необходимо.

Пускай и штаны, и куртка, и даже шапка на голове — всё будет мокрым-мокро, пускай дома под вечер мама всплеснёт руками и только ахнет: «Ну и хорош, хоть выжми! — и сурово добавит: — Завтра весь день будешь дома сидеть!» Пускай случится всё это, но только потом, под вечер. А сейчас, пока так ярко светит солнце, пока кругом по канавкам журчат ручейки, времени терять нечего. Скорее за дело!

Во всех карманах уже заранее напихана белая бумага. Остаётся только аккуратно оторвать от неё четырёхугольный листочек, перегнуть его несколько раз по строго продуманному плану, потом взять за уголки — раз, два... потянул — вот и получился белый кораблик. Пустишь его на воду и любишься, как мутные волны весеннего ручейка подхватят твоё судёнышко, подхватят и понесут.

Ой, сколько радости! Бежишь рядом по грязи, стараешься не отстать от кораблика. В руках длинная палка. Ею надо вовремя ловко подправить судно, чтобы оно не наскочило на мель или на каменную скалу. Тут уж не зевай, смотри в оба, ведь ты одновременно

и рулевой, и капитан. Не усмотрел — конец. Судёнышко опрокинулось, его захлестнула вода. Теперь ты уже не капитан, а спасательная команда. Концом той же палки подхватываешь потерпевший аварию корабль и ловко выбрасываешь на берег. Правда, восстановить судно невозможно: его корпус совсем размок, раскис, но это и не важно. Важно, что корабль спасён, благополучно доставлен на берег. А взамен его через минуту будет готов уже другой. И снова спуск судна на воду, стремительный бег по волнам, подводные рифы, крушение. И вновь спасательная команда, не щадя сил и собственного обмундирования, спешит на помощь погибающим.

Ну разве при такой адской работе есть время думать о каких-то штанах, башмаках, калошах?! А вот мама этого никак понять не хочет и грозит, пока не подсохнут улицы, совсем из дому не выпускать. Впрочем, это только одни угрозы. За вечер, за ночь одежда высохнет и даже нагреется у жаркой печи. А мама за это же время немножко остынет от гнева и утром снова пустит гулять. Правда, перед гуляньем она берёт с меня слово, что я даже близко к ручьям и лужам не подойду.

Слово, конечно, даёшь и даже веришь сам, что его не нарушишь. Но разве удержишься перед соблазном?!

Сначала решаешь пустить только один кораблик и полюбоваться на него только издали. Потом — ещё один. А потом незаметно для себя увлечёшься — и бултых по колено

в воду! Ну, тут уже всё равно, терять теперь больше нечего, да и как говорится в пословице: «На миру и смерть красна!» Ведь все твои товарищи такие же мокрые, грязные, со всех хоть лопатую грязь скреби.

Весело пускать по весенним ручьям белые бумажные кораблики, но особенно интересно бывало удрать подальше от дома, на нижнюю улицу, к самой речке. Здесь, внизу, уже не ручьи, а настоящие потоки. Они не журчат, а прямо ревут, врываясь с брызгами, с пеной в широкий разлив реки.

Хорошо прибежать на нижнюю улицу, поглазеть на разлив, а

потом запустить свой кораблик в бурный поток, несущийся прямо в реку. Одно только плохо: ни один кораблик до реки не доплывёт, сразу его потоком подхватит, перевернёт, захлестнёт волной, вот и пропал, даже спасательная команда помочь не успеет.

Только один раз, помню, совсем иначе вышло. Был у меня в кармане листочек бумаги, поплотнее других, вроде восковки. «Дайка, — думаю, — из него кораблик сделаю». И хочется сделать, и жалко такой материал испортить, всё равно ведь сразу кораблик водой зальёт. Подумал, подумал и всё же решил — сделаю.

Хороший получился корабль: плотный, крепкий такой. Даже жаль его на верную гибель пускать, ну да уж будь что будет!

Пустил. Гляжу, подхватила вода мой кораблик и понесла. Кругом волны кипят, подбрасывают его, из стороны в сторону кидают. А он и не тонет, ему хоть бы что! Такой крепкий, устойчивый, только покачивается и плывёт всё дальше и дальше.

Я рядом с ним со всех ног бегу, и другие ребята за мной поспешают. Но вот и конец, бежать дальше некуда, дальше река. В этом месте поток с глухим рёвом вниз обрывается.

Пропал мой кораблик! Нет, не пропал! — перелетел на волне через страшное место — и уже на реке.

Гляжу на него и глазам не верю. Поплыл мой кораблик в речную даль. Вот он всё меньше и меньше, вот уже крохотной белой точкой мелькнул и скрылся.

Ребята вокруг шумят, кричат: «Юркин корабль не потонул, в реку уплыл. Может, до самого моря теперь доберётся!»

Отошёл я тогда от ребят в сторонку и побрёл один вдоль реки. Иду, а сам на широкую водную гладь посматриваю — не видать ли где моего кораблика. Нет, нигде не видно. Значит, совсем уплыл.

Так я в тот раз к ребятам и не вернулся, а прямо пошёл домой.

Мама даже удивилась:

— Что это ты так рано и даже сухой совсем? Почему такой невесёлый? Случилось что-нибудь?

Я только головой кивнул.

Мама забеспокоилась:

— Что, что случилось?

А я хотел рассказать и не смог — и вдруг в слёзы, только твержу одно:

— Кораблик, кораблик уплыл, совсем уплыл...

Мама сразу же успокоилась и даже рассмеялась:

— Вот так несчастье! Ещё сделаешь. Я тебе хорошей бумаги дам. Ну, перестань плакать, стыдно из-за таких пустяков.

Не поняла меня мама: не бумаги мне было

жаль. Я знал, что мама мне ещё лучше даст, из неё я наделаю много-много корабликов. Но только того, самого первого, который в речку, а может, даже в море уплыл, никогда не увижу.

Кораблик-герой! Пусть он был сделан из листочка самой простой бумаги. Но ведь он первый преодолел все трудности, все преграды. И вот теперь он уплыл от меня — от своего капитана — и больше уже никогда не вернётся. И от одной этой мысли я вновь был готов горько заплакать.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как-то поздно вечером, набегавшись за день по двору, я сидел вместе с папой и мамой за столом. Мы ужинали.

— Ты знаешь, какой завтра день? — спросила мама.

— Знаю: воскресенье, — ответил я.

— Верно. А кроме того, завтра — день твоего рождения. Тебе исполнится восемь лет.

— Ого, да он уж совсем большой вырос! — будто удивившись этому, заметил папа. — Восемь лет... Это ведь не шутка. Осенью в школу пойдёт. Что бы ему подарить к такому дню? — обратился он к маме. — Игрушку, пожалуй, не годится...

— Да я уж и сама не знаю, — улыбаясь,

ответила мама. — Нужно что-нибудь придумать.

Я сидел как на иголках, слушая этот разговор. Конечно, папа с мамой только нарочно говорили, что не знают, что бы такое мне подарить. Подарок уж, верно, давно был приготовлен. Но какой подарок?

Я знал, что, сколько ни проси, ни папа, ни мама до завтра ни за что не скажут.

Приходилось ждать.

После ужина я сейчас же пошёл спать, чтобы поскорее наступило завтра. Но заснуть оказалось совсем не так просто. В голову всё лезли мысли о подарке, и я невольно прислушивался к тому, о чём говорили в соседней комнате папа с мамой. Может, они, думая, что я уже заснул, скажут что-нибудь о подарке. Но они говорили совсем о другом. Так я, ничего не услышав, наконец заснул.

Наутро, как только я проснулся, сейчас же вскочил с постели и хотел бежать за подарком. Но бежать никуда не пришлось: возле моей постели стояли у стены две новенькие складные удочки и тут же на гвоздике висело выкрашенное в зелёную краску ведёрочко для рыбы, с крышкой, совсем такое же, как у папы, только поменьше.

От радости я даже захолопал в ладоши, подпрыгнул на постели и начал поскорей одеваться.

В это время дверь отворилась, и в комнату

вошли папа с мамой — весёлые, улыбающиеся.

— Ну, поздравляем тебя! Хорош подарок? Доволен? — спрашивает папа. — Это уж настоящие удочки, не то что твои палки с нитками. На такие и щуку вытащить можно.

— Очень, очень доволен! — радовался я. — Только где же я на них буду щук ловить? У нас в речке их нет, а с собой на ловлю ты меня не берёшь — говоришь, что мал ещё.

— Да ведь это я тебя раньше не брал, — ответил папа, — когда тебе только семь лет было. А теперь тебе уже восемь. Ты, по-моему, даже за одну эту ночь сильно подрос. Вон какой огромный.

— Сегодня мы все вместе рыбу ловить поедем, — весело сказала мама. — Умывайся скорей, пей чай — и поедем. Погода чудесная!

Я поскорее позавтракал, захватил свои удочки, ведёрко и выбежал во двор. У крыльца уже стояла запряжённая лошадь.

Вскоре вышли и папа с мамой. Уложили в тележку удочки, чайник, котелок и мешок с провизией.

Мы все уселись и тронулись в путь.

Когда выехали за село, папа дал мне вожжи и сказал:

— Правь, ты ведь теперь уж не маленький, а я пока покурю.

Я с радостью взял в руки вожжи. Но править лошадию, собственно, и не нужно было.

Дорога никуда не сворачивала, а шла ровная, прямая, среди ржаных полей.

Рожь уже выколосилась, и по ней плыли лёгкие тени от облаков.

Наша лошадь весело бежала по гладкой дороге. То и дело впереди с дороги взлетали жаворонки и, отлетев немного, снова садились на землю.

Мы проехали берёзовый лесок и выехали прямо к речке.

На самом берегу её находилась водяная мельница. В этом месте речка была запружена плотиной и разливалась в широкий пруд.

Мы оставили лошадь во дворе на мельнице, взяли из повозки удочки, ведёрки для рыбы и пошли удить.

Ниже плотины находился глубокий мельничный омут.

Мы спустились к омуту и уселись на берегу, в прогалинке между зелёными ивовыми кустами.

Справа от нас возвышалась плотина, которая сдерживала всю массу воды. Вода прорывалась в щели плотины, била оттуда сильными фонтанами и с шумом падала вниз, прямо в омут.

А на другом берегу омута стояла старая водяная мельница. Это был небольшой деревянный домик. Одна его стена подходила к самой воде, и к ней были приделаны два огромных, тоже деревянных, колеса с широки-

ми лопастями, как у парохода. Нижние их края погружались в воду.

Стена и толстые, как деревья, столбы, поддерживавшие колёса, — всё было покрыто зелёными водорослями. Они свисали вниз, к самой воде, как длинные бороды.

Вдруг огромные колёса дрогнули и заворочались. Сначала медленно, потом быстрее, быстрее, и с них с шумом и плеском начали стекать целые потоки воды.

Вода под колёсами запенилась, словно закипела, и побежала через омут и дальше, по речке вниз, бурлящим, кипучим потоком.

Я всё это видел первый раз в жизни и не мог оторвать глаз от чудесного зрелища.

От мощных поворотов колёс вздрагивала вся мельница, и мне казалось, что вот-вот она тронется с места и поплывёт по реке, как пароход.

— Хорошо, что мельница начала работать, — сказал папа, — вода из-под колёс пошла: в это время и рыба веселее ходит и на удочку лучше берёт. Надевай скорей червяка, начинай ловить.

Мы размотали удочки и закинули.

Возле нашего берега в заливчике вода, загороженная кустами ивняка, стояла спокойная.

Я сидел рядом с папой и внимательно смотрел на поплавки. А они тихо лежали на поверхности воды. Какие-то комарики, мошки весело толпились в воздухе над поплавками, постоянно присаживаясь на них и вновь взлетая.

Но вот поплавок моей удочки будто ожил. Он слегка шевельнулся, пуская вокруг себя по воде круги; шевельнулся ещё и ещё раз, потом стал медленно погружаться в воду.

— Ключёт! Тащи! — взволнованно шепнул папа.

Я потащил. Ух как тяжело! Удилище со-

гнулось в дугу, а леска, натянувшись как струна, так и резала воду.

— Не торопись, а то оборвёт! — волновался папа. — Дай я помогу — упустишь, крупная попалась.

Но я вцепился обеими руками в удилице и не отдавал его.

Сильная рыба, туго натянув леску, бросалась то в одну, то в другую сторону. Я никак не мог подтащить её к берегу. Наконец рыба показалась из глубины.

Я изо всех сил рванул удилице — раздался лёгкий треск, и в руках у меня остался обломанный конец. Другой конец вместе с поплавком и леской быстро понёсся по воде прочь от берега.

— Ушла, ушла! — завопил я и, забыв всё на свете, бросился за убегающим концом прямо в воду.

Папа едва успел схватить меня сзади за курточку:

— Утонешь! Глубина здесь!

Но я ничего не видел, кроме жёлтого бамбукового кончика удочки, который, разрезая воду, уходил всё дальше и дальше.

— Ушла, совсем ушла! — с отчаянием повторял я.

На мои вопли прибежала испуганная мама. Она тут же невдалеке собирала хворост для костра.

— Что, что случилось? — ещё издали спрашивала она.

— Не плачь, — успокаивал меня папа, — может, мы её ещё и поймаем.

Но я не верил. Слезы так и текли из глаз, и мне казалось, что в целом свете нет человека несчастнее меня.

Наконец я немного успокоился.

Папа стоял на берегу и пристально вглядывался в противоположный конец омута.

— К кустам потащила. Только бы поближе к берегу подошла, — говорил он.

Я понял, что не всё ещё потеряно. И робкая надежда шевельнулась в душе.

Я тоже нашёл глазами тоненькую белую палочку, которая едва виднелась на воде ближе к другому берегу. Она всё удалялась.

— К кустам, к кустам идёт! — радостно повторял папа. — Не горюй, Юра: мы её ещё подцепим!

Мама тоже следила за удочкой.

— Ах, только бы к берегу подошла!

Наконец рыба подтащила удочку к кустам.

Тут мы все трое — папа, мама и я — со всех ног бросились через плотину на другой конец омута.

Вот и кусты. На воде возле них слегка покачивается сломанный конец удочки. И поплавок тоже спокойно покачивается на воде.

Может, удочка уже пустая? Может, рыба давно уже сорвалась?

Папа крадучись подошёл к берегу, вошёл

по колено в воду и протянул руку к удилищу... и вдруг оно подпрыгнуло, как живое, и бросилось прочь. Папа за ним — бултых прямо в воду. Весь мокрый выскочил на берег.

О радость, о счастье! В руках у него была обломанная удочка. Она сгибалась в дугу, и леска опять, как тугая струна, так и резала воду. Напуганная рыба тянула вглубь и никак не шла к берегу.

Но папа и не пытался пересилить её. Он то отпускал леску, то вновь слегка подтягивал.

Папа старался утомить рыбу. А мы с мамой затаив дыхание следили за этой борьбой.

Наконец утомлённая рыба показалась на поверхности и даже немного повернулась на бок, блестя серебряной чешуёй.

Тогда папа осторожно передал мне обломок удилица:

— Тащи, только потихоньку, не торопись.

Я схватил в руки удочку и, забыв всё на свете, изо всех сил потащил на берег.

— Тише, тише, оборвёт! — закричал папа.

Рыба бросилась в глубину. Я потянул к себе.

У берега в густой траве что-то сильно зашлёпало, завозилось.

Папа и мама кинулись туда. И тут я вновь

почувствовал в руках какую-то лёгкость. «Оборвалась, ушла!»

Но в тот же миг папа выкинул далеко на берег сверкающую чешуёй рыбу.

Она тяжело шлёпнулась в траву и заби- лась, запрыгала в ней.

Мы подбежали к добыче. Подминая зелё- ные стебли, в траве лежал крупный голавль. Я схватил его обеими руками и начал с во- сторгом разглядывать. Спина у него была тём- но-зелёная, почти чёрная, бока серебряные, а голова большая, широкая. Потому, наверное, эту рыбу и называли голавль.

— Ну, поздравляю тебя: теперь ты — на- стоящий рыболов! — радостно говорила мама.

— Да, да, рыболов! — добродушно смеялся папа. — Опять чуть не упустил. Он уж с крюч- ка сорвался, я его еле успел в траве схватить.

— А что же ты от него хочешь, ведь это его первая настоящая добыча, — защищала меня мама.— И всё-таки он её сам вытащил.

— Конечно, конечно, — согласился папа.— Идёмте скорее к удочкам, — может, там без нас ещё что попалося.

Тут мы с мамой взглянули на папу, да так и ахнули. Он был мокрый и весь в грязи. Хорошо ещё, что погода стояла жаркая.

Папа отжал немного одежду и весело мах- нул рукой:

— Ничего, до вечера всё высохнет!

Мы вернулись к нашим удочкам. Действительно, на одной из них у папы сидел большой окунь.

Папа дал мне из своих ещё одну удочку, вместо моей сломанной, и мы продолжали ловить. Но я уже не столько ловил, сколько всё бегал к соседним кустам, под которыми в густой траве, прикрытый от солнца лопухами, лежал мой голавль. И каким же он мне казался огромным и красивым!

Мама тоже то и дело подходила к голавлю, трогала его рукой, качала головой и улыбалась. Наверное, она радовалась моей удаче не меньше меня.

И папа всё поглядывал на меня и говорил: — Что, брат, доволен, а?

Весь этот день я чувствовал себя самым счастливым человеком.

Я поймал ещё двух ершей. А папа наловил много разной рыбы и даже поймал щуку. Вообще день вышел на славу.

Мама развела на берегу костёр, приготовила обед и чай.

Потом мы опять ловили рыбу. Мама тоже ловила с нами и вытащила окуня.

Наконец, когда уже начало темнеть, папа с мамой собрались ехать домой. А мне ужасно не хотелось уезжать. Кажется, так всё лето

и просидел бы здесь, у реки, под старыми ветлами, глядя на поплавок. Но делать было нечего.

Уложили в тележку удочки, рыбу и все пожитки, запрягли лошадь и поехали домой.

Вечер был прохладный, ясный. На западе уже догорала заря. В полях громко кричали перепела, словно выговаривали: «Спать пора, спать пора!»

Слушая их, я и вправду немножко задремал. А перед глазами всё рябила вода и поплавки на ней...

Вдруг мама тронула меня за плечо:

— Смотри, Юра, смотри скорей!

Я очнулся. Мы проезжали через берёзовый лесок. В воздухе пахло свежей берёзовой горечью. Я поглядел в глубь леса, куда указывала мама.

«Что это? Будто крохотный голубой огонёк светится в тёмной ночной траве... А вон, немного подальше, ещё и ещё. Или это в каплях росы отражаются звёзды? Нет, не может быть...»

— Видишь, светлячки, — сказал папа. — Хочешь — набери их в коробочку, а дома выпустим в сад. Пусть у нас живут.

Папа остановил лошадь, и мы с мамой принялись собирать этих светящихся жучков, которых в народе так хорошо прозвали ивановым червячком.

Мы с мамой долго ходили по густой влаж-

ной траве, отыскивая крошечные живые звёздочки. А над головой сплетались тёмные ветви деревьев, и в их просветах тоже, как светлячки, сверкали далёкие голубые звёзды.

И, может быть, именно в этот счастливый день — день моего рождения — я вдруг всем сердцем почувствовал, как хороша наша родная природа, лучше которой нет на всём свете.

ЗАБОТЛИВАЯ МАМАША

Как-то раз пастухи поймали лисёнка и принесли его нам. Мы посадили зверька в пустой амбар.

Лисёнок был ещё маленький, весь серый, мордочка тёмная, а хвост на конце беленький. Зверёк забился в дальний угол амбара и испуганно озирался по сторонам. От страха он даже не кусался, когда мы его гладили, а только прижимал уши и весь дрожал.

Мама налила ему в мисочку молока и поставила тут же рядом. Но напуганный зверёк молоко пить не стал.

Тогда папа сказал, что лисёнка надо оставить в покое — пусть оглядится, освоится на новом месте.

Мне очень не хотелось уходить, но папа запер дверь, и мы ушли домой. Был уже вечер, скоро все легли спать.

Ночью я проснулся. Слышу, где-то совсем рядом тьякает и скулит щенок. Откуда же, думаю, он взялся? Выглянул в окно. На дворе уже светало. Из окна был виден амбар, где находился лисёнок. Оказывается, это он так по-щенячьи скулил.

Прямо за амбаром начинался лес.

Вдруг я увидел, что из кустов выскочила лисица, остановилась, прислушалась и крадучись подбежала к амбару. Сразу тьяканье в нём прекратилось, и вместо него послышался радостный визг.

Я потихоньку разбудил маму и папу, и мы все вместе стали глядеть в окно.

Лисица бегала вокруг амбара, пробовала подрыть землю под ним. Но там был крепкий каменный фундамент, и лиса ничего не могла сделать. Вскоре она убежала в кусты, а лисёнок опять начал громко и жалобно скулить.

Я хотел караулить лисицу всю ночь, но папа сказал, что она больше не придёт, и велел ложиться спать.

Проснулся я поздно и, одевшись, прежде всего поспешил навестить лисёнка. Что такое?.. На пороге возле самой двери лежал мёртвый зайчонок. Я скорее побежал к папе и привёл его с собой.

— Вот так штука! — сказал папа, увидя зайчонка. — Это, значит, мать-лиса ещё раз приходила к лисёнку и принесла ему еду. Попасть внутрь она не смогла, так и оставила снаружи. Ну и заботливая мамаша!

Весь день я вертелся около амбара, заглядывал в щёлки и два раза ходил с мамой кормить лисёнка. А вечером я никак не мог заснуть, всё вскакивал с постели и смотрел в окно — не пришла ли лисица.

Наконец мама рассердилась и завесила окно тёмной занавеской.

Зато утром я поднялся чем свет и сразу побежал к амбару. На этот раз на пороге лежал уже не зайчонок, а задушенная соседская курица. Видно, лиса ночью опять приходила проведать лисёнка. Добычу в лесу ей поймать для него не удалось, вот она и залезла к соседям в курятник, задушила курицу и принесла своему детёнышу.

За курицу папе пришлось заплатить, к тому же здорово досталось от соседей.

— Убирайте лисёнка куда хотите, — кричали они, — а то с ним лиса всю птицу у нас переведёт!

Делать было нечего, пришлось папе посадить лисёнка в мешок и отнести назад в лес, к лисьим норам.

С тех пор лиса в деревню больше не приходила.

ВОРИШКА

Однажды нам подарили молодую белку. Она очень скоро стала совсем ручная, бегала по всем комнатам, лазила на шкафы, этажер-

ки, да так ловко — никогда ничего не уронит, не разобьёт.

В кабинете у отца над диваном были прибиты огромные оленьи рога. Белка часто по ним лазила: заберётся, бывало, на рог и сидит на нём, как на сучке дерева.

Нас, ребят, она хорошо знала. Только войдёшь в комнату, белка прыг откуда-нибудь со шкафа прямо на плечо. Это значит — она просит сахару или конфетку. Очень любила сладкое.

Конфеты и сахар у нас в столовой, в буфете, лежали. Их никогда не запирали, потому что мы, дети, без спросу ничего не брали.

Но вот как-то зовёт мама нас всех в столовую и показывает пустую вазочку:

— Кто же это конфеты отсюда взял?

Мы глядим друг на друга и молчим — не знаем, кто из нас это сделал. Мама покачала головой и ничего не сказала. А на следующий день сахар из буфета пропал и опять никто не сознался, что взял. Тут уж и отец рассердился, сказал, что теперь всё будет запирасть, а нам всю неделю сладкого не даст.

И белка заодно с нами без сладкого осталась. Вспрыгнет, бывало, на плечо, мордочкой о щёку трётся, за ухо зубами дёргает — просит сахару. А где его взять?

Один раз после обеда сидел я тихонько на диване в столовой и читал. Вдруг вижу: белка вскочила на стол, схватила в зубы короч-

ку хлеба — и на пол, а оттуда на шкаф. Через минуту, смотрю, опять на стол забралась, схватила вторую корочку — и опять на шкаф.

«Постой, — думаю, — куда это она хлеб всё носит?» Подставил я стул, заглянул на шкаф. Вижу — старая мамина шляпа лежит. Приподнял я её — вот тебе раз! Чего-чего только под нею нет: и сахар, и конфеты, и хлеб, и разные косточки...

Я — прямо к отцу, показываю: «Вот кто у нас воришка!»

А отец рассмеялся и говорит:

— Как же это я раньше не догадался! Ведь это наша белка на зиму себе запасы делает. Теперь осень, на воле все белки корм запасают, ну и наша не отстаёт, тоже запасается.

После такого случая перестали от нас за пирать сладкое, только к буфету крючок приделали, чтобы белка туда залезть не могла. Но белка на этом не успокоилась, всё продолжала запасы на зиму готовить. Найдёт корочку хлеба, орех или косточку — сейчас схватит, убежит и спрячет куда-нибудь.

А то ходили мы как-то в лес за грибами. Пришли поздно вечером усталые, поели — и скорее спать. Кошёлку с грибами на окне оставили: прохладно там, не испортятся до утра.

Утром встаём — вся корзина пустая. Куда же грибы делись? Вдруг отец из кабинета кри-

чит, нас зовёт. Прибежали к нему, глядим — все олени рога над диваном грибами увешаны. И на крючке для полотенца, и за зеркалом, и за картиной — всюду грибы. Это белка ранёхонько утром постаралась: развесила грибы себе на зиму посушить.

В лесу белки всегда осенью грибы на сучьях сушат. Вот и наша поспешила. Видно, почуяла зиму.

Скоро и вправду наступили холода. Белка всё старалась забраться куда-нибудь в уголок, где бы потеплее, а как-то раз она и вовсе пропала. Искали, искали её — нигде нет. Наверное, убежала в сад, а оттуда в лес.

Жалко нам стало белочки, да ничего не поделаешь.

Собрались топить печку, закрыли отдушник, наложили дров, подожгли. Вдруг в печке как завожигается что-то, зашуршит! Мы отдушник поскорее открыли, а оттуда белка пулей выскочила — и прямо на шкаф.

А дым из печки в комнату так и валит, в трубу никак не идёт. Что такое? Брат сделал из толстой проволоки крючок и просунул его через отдушину в трубу, чтобы узнать, нет ли там чего.

Глядим — тащит из трубы галстук, мамину перчатку, даже бабушкину праздничную косынку там разыскал.

Всё это наша белка себе для гнезда в трубу

затащила. Вот ведь какая! Хоть и в доме живёт, а лесные повадки не оставляет. Такова уж, видно, их беличья натура.

ДЖЕК

Мы с братом Серёжей ложились спать. Вдруг дверь растворилась, и вошёл папа, а следом за ним — большая красивая собака, белая, с тёмно-коричневыми пятнами на боках. Морда у неё тоже была коричневая; огромные уши свисали вниз.

— Папа, откуда? Это наша будет? Как её звать? — закричали мы, вскакивая с постелей и бросаясь к собаке.

Пёс, немного смущённый такой бурной встречей, всё же дружелюбно завилял хвостом и позволил себя погладить. Он даже обнюхал мою руку и лизнул её мягким розовым языком.

— Вот и мы завели собаку, — сказал папа. — А теперь марш по кроватям! А то придёт мама, увидит, что вы в одних рубашках бегаєте, и задаст нам.

Мы залезли обратно в кровати, а папа уселся на стул.

— Джек, сядь, сядь здесь, — сказал он собаке, указывая на пол.

Джек сел рядом с папой и подал ему лапу.

— Здравствуй, — сказал папа, потряс лапу

и снял её с колен, но Джек сейчас же подал её опять.

Так он «здоровался», наверное, раз десять подряд. Папа делал вид, что сердится, снимал лапу, Джек подавал снова, а мы смеялись.

— Довольно, — сказал наконец папа. — Ложись.

Джек послушно улёгся у его ног и только искоса поглядывал на папу да слегка постукивал по полу хвостом.

Шерсть у Джека была короткая, блестящая, гладкая, а из-под неё проступали сильные мускулы. Папа сказал, что это — охотничья собака, легавая. С легавыми собаками можно охотиться только за дичью — за разными птицами, а на зайцев или лисиц нельзя.

— Вот придёт август, наступит время охоты, мы и пойдём с ним уток стрелять. Ну, пора спать, а то уже поздно.

Папа окликнул пса и вышел с ним из комнаты.

На следующее утро мы встали рано, напились поскорее чаю и отправились гулять с Джеком.

Он весело бегал по высокой густой траве, между кустами, вилял хвостом, ласкался к нам и вообще чувствовал себя на новом месте как дома.

Набегавшись вдоволь, мы решили идти играть в «охотников».

Джек тоже последовал за нами. Мы сделали из обруча от бочки два лука, выстругали стрелы и пошли на «охоту».

Посреди сада из травы виднелся небольшой пенёк. Издали он был очень похож на зайца. По бокам у него торчали два сучка, будто уши.

Первым стрельнул в него Серёжа. Стрела ударилась о пенёк, отскочила и упала в траву. В тот же миг Джек бросился к стреле, схватил её в зубы и, виляя хвостом, принёс и подал нам. Мы были этим очень довольны. Пустили стрелу опять, и Джек снова принёс её.

С тех пор пёс каждый день принимал участие в нашей стрельбе и подавал нам стрелы.

Очень скоро мы узнали, что Джек подаёт не только стрелы, но и любую вещь, которую ему бросишь: палку, шапку, мячик... А иногда он притаскивал и такие вещи, о которых его вовсе никто не просил. Например, побежит в дом и принесёт из передней калошу.

— Зачем ты её принёс — ведь сухо совсем! Неси, неси назад! — смеялись мы.

Джек скачет вокруг, суёт в руки калошу и, видимо, вовсе не собирается нести её на место. Приходилось относить самим.

Джек очень любил с нами ходить купаться. Бывало, только начнём собираться, а он уж тут как тут — прыгает, вертится, будто торопит нас.

Речка в том месте, где мы купались, была у берега мелкая. Мы с хохотом и визгом барахтались в воде, брызгались, гонялись друг за другом. И Джек тоже залезал в воду, носился вместе с нами; если же ему кидали в речку палку — бросался за нею, плыл, потом брал в зубы и возвращался на берег. Часто в порыве веселья он хватал что-нибудь из нашей одежды и пускался бежать, мы же гонялись за ним по лугу, стараясь отнять кепку или рубашку. А один раз вот что случилось.

Купались мы на речке вместе с папой. Папа плавал очень хорошо. Он переплыл на другую сторону и стал звать к себе Джека. Пёс в это время играл с нами. Но как только он услышал папин голос, сразу насторожился, бросился в воду, потом неожиданно вернулся, схватил в зубы папину одежду, и не успели мы опомниться, как он уже плыл на ту сторону. Следом за ним, раздуваясь, как большой белый пузырь, тащила по воде рубашка, а брюки уже совсем намокли, скрылись под водой, и Джек едва их придерживал зубами за самый кончик. Мы просто замерли на месте, боясь, что он упустит одежду и она утонет. Однако Джек ничего не растерял и благополучно переплыл на другую сторону.

Пришлось папе плыть обратно, держа в руке одежду. Просохнуть она, конечно, не успела, и, когда мы вернулись домой, мама, увидев папу, так и ахнула:

— Что случилось? Почему ты в таком виде? Ты что, в речку упал? — Но, узнав, в чём дело, потом долго смеялась вместе с нами.

К Джеку мы очень привыкли, не расставались с ним целые дни и всё мечтали о том, когда же настанет август и папа с Джеком пойдёт на охоту. Папа обещал, что и нас тоже возьмёт с собой.

Каждое утро мы первым делом бежали к отрывному календарю, срывали старый листок и считали, сколько ещё листков осталось до августа.

Наконец остался один, последний.

В этот день папа, как только вернулся с работы и пообедал, многозначительно взглянул на нас и сказал:

— Ну-с, кто желает идти со мной готовиться к завтрашней охоте?

Конечно, повторять приглашение не пришлось. Мы с Серёжей бросились со всех ног в кабинет и уселись возле письменного стола.

Папа достал из ящика все охотничьи припасы: порох, дробь, гильзы, пыжи — и начал набивать патроны.

Мы смотрели на эти приготовления затаив дыхание. Наконец патроны были набиты и аккуратно вставлены в широкий пояс с узенькими кармашками для каждого патрона. Такой пояс называется «патронташ».

Повесив патронташ на гвоздик, папа вы-

нул из шкафа чехол и не торопясь достал оттуда самую интересную вещь — ружьё. Оно было двуствольное, то есть с двумя стволами. В каждый ствол вставлялся патрон, так что из такого ружья можно выстрелить два раза: сначала из одного ствола, а если промахнёшься, то, не перезаряжая, сейчас же и из другого. Ружьё было очень красивое, с золотыми украшениями.

Мы осторожно потрогали его и даже попытались прицелиться, но оно оказалось слишком тяжёлым.

Когда папа набивал патроны, Джек спокойно лежал в уголке на своём коврике. Но как только он увидел ружьё — вскочил с места, начал скакать, прыгать около папы и всем своим видом показывал, что он сейчас же готов идти на охоту. Потом, не зная, как ещё выразить свою радость, умчался в столовую, притащил с дивана подушку и так начал её трясти, что только пух полетел во все стороны.

— Что такое у вас творится? — удивилась мама, входя в кабинет.

Она отняла у Джека подушку и унесла на место.

На следующий день было воскресенье. Мы встали пораньше, поскорее оделись и уже ни на шаг не отставали от папы. А он, как нарочно, одевался и завтракал очень медленно.

Наконец папа собрался. Он надел куртку, высокие сапоги, подпоясался патронташем и взял в руки ружьё.

Джек, всё время вертевшийся у него под ногами, пулей вылетел во двор и, радостно взвизгивая, начал носиться вокруг запряжённой лошади. А потом со всего размаха вскочил на телегу и сел.

Папа и мы тоже взобрались на телегу и тронулись в путь.

— До свиданья, смотрите с пустыми руками не возвращайтесь! — смеясь, кричала нам вдогонку мама, стоя на крыльце.

Через десять минут мы уже выехали из нашего городка и покатали по гладкой просёлочной дороге, через поле, через лесок — туда, где ещё издали поблёскивала речка и виднелась обсаженная вётрами мельница.

От этой мельницы вверх по берегу реки густо росли камыши и тянулось широкое болото. Там водились дикие утки, длинноносые болотные кулики — бекасы — и другая дичь.

Приехав на мельницу, папа оставил лошадь, и мы отправились на болото.

Пока мы шли по дороге к болоту, Джек держался рядом с папой и всё поглядывал на него, будто спрашивая, не пора ли бежать вперёд.

Наконец подошли к самому болоту. Тут папа остановился, подтянул повыше сапоги, зарядил ружьё, закурил и тогда только скомандовал:

— Джек, вперёд!

Пёс, видимо, только этого и ждал. Он бросился со всех ног в болото, так что брызги во все стороны полетели. Отбежав шагов двадцать, Джек приостановился и начал бегать то вправо, то влево, к чему-то принюхиваясь.

Он искал дичь. Папа не спеша, громко шлёпая по воде сапогами, шёл за собакой. А мы шли сзади, следом за папой.

Вдруг Джек заволновался, забегал быстрее, а потом сразу как-то весь вытянулся и медленно-медленно стал подвигаться вперёд. Так он сделал несколько шагов и остановился. Он стоял не двигаясь, как мёртвый, весь вытянувшись в струну. Даже хвост вытянулся, и только кончик его от сильного напряжения мелко-мелко дрожал.

Папа быстро подошёл к собаке, приподнял ружьё и скомандовал:

— Вперёд!

Джек переступил шаг и опять остановился.

— Вперёд, вперёд! — ещё раз приказал папа.

Джек сделал ещё шаг, другой... Вдруг впереди него в камышах что-то зашумело, захолопало, оттуда вылетела большая дикая утка.

Папа вскинул ружьё, выстрелил.

Утка как-то сразу подалась вперёд, перевернулась в воздухе и тяжело шлёпнулась в воду.

А Джек всё стоял на месте, будто замер.
— Подай, подай её сюда! — весело крикнул ему папа.

Тут Джек сразу ожил. Он бросился через болото прямо в речку и поплыл за уткой.

Вот она уже совсем рядом. Джек раскрыл рот, чтобы схватить её. Вдруг всплеск воды — и утки нет! Джек удивлённо оглянулся: куда же она делась?

— Нырнула! Раненая, значит! — с досадой воскликнул папа. — Забьётся теперь в камыши, её и не найдёшь.

В это время утка вынырнула в нескольких шагах от Джека. Пёс быстро поплыл к ней, но, как только он приблизился, утка вновь нырнула. Так повторялось несколько раз.

Мы стояли в болоте, у самого края воды, и ничем не могли помочь Джеку. Стрелять ещё раз в утку папа боялся, чтобы не застрелить случайно и Джека. А тот никак не мог поймать на воде увёртливую птицу. Зато он и не подпускал её к густым зарослям камышей, а отжимал всё дальше и дальше, на чистую воду.

Наконец утка вынырнула у самого носа Джека и сейчас же вновь скрылась под водой. В тот же миг Джек тоже исчез.

Через секунду он опять показался на поверхности, держа во рту пойманную утку, и поплыл к берегу. Мы бросились к нему, чтобы поскорее взять у него добычу. Но Джек

сердито покосился на нас, даже заворчал и, обежав кругом, подал утку папе прямо в руки.

— Молодец, молодец! — похвалил папа, беря у него дичь. — Посмотрите, ребята, как он осторожно её принёс — ни одного пёрышка не помял!

Мы подбежали к папе и стали осматривать утку. Она была живая и даже почти не ранена. Дробь только слегка зацепила ей крыло, оттого она и не смогла дальше лететь.

— Папа, можно взять её домой? Пусть у нас живёт! — попросили мы.

— Ну что ж, берите. Только несите поосторожней, чтобы она у вас не вырвалась.

Мы пошли дальше. Джек лазил по болоту, искал дичь, а папа стрелял. Но нам уже это было не так интересно. Хотелось поскорее домой, чтобы устроить нашу пленницу.

Когда мы вернулись с охоты, то сейчас же принялись устраивать для неё помещение. Мы отгородили в сарае уголок, поставили туда таз с водой и посадили утку.

Первые дни она дичилась. Всё сидела, забившись в угол, почти ничего не ела и не купалась. Но постепенно наша утка стала привыкать. Она уже не бежала и не пряталась, когда мы входили в сарай, а, наоборот, даже шла к нам навстречу и охотно ела мочёный хлеб, который мы ей приносили.

Скоро утка стала совсем ручная. Она ходила по двору вместе с домашними утками, никого не боялась и не дичилась. Только одного Джека утка сразу невзлюбила, наверное, за то, что он гонялся за ней по болоту. Когда Джек случайно проходил мимо, утка растопыривала перья, злобно шипела и всё старалась ущипнуть его за лапу или за хвост.

Но Джек не обращал на неё никакого внимания. После того как она поселилась в сарае и ходила по двору вместе с домашними утками, для Джека она перестала быть дичью и потеряла всякий интерес.

Вообще домашней птицей Джек совсем не

интересовался. Зато на охоте искал дичь с большим увлечением. Он мог по целым дням без усталости в жару и в дождь рыскать по полю, отыскивая перепелов, или поздней осенью, в холод, лазить по болоту за утками и, казалось, никогда не уставал.

Джек был прекрасной охотничьей собакой. Он прожил у нас очень долго, до глубокой старости. Сперва с ним охотился отец, а потом мы с братом.

Когда Джек вовсе остарел и не мог разыскивать дичь, его сменила другая охотничья собака. К тому времени Джек уже плохо видел и слышал, а его когда-то коричневая морда стала совсем седой.

Большую часть дня он спал, лёжа на солнышке на своей подстилке или возле печки.

Оживлялся Джек, только когда мы собирались на охоту: надевали сапоги, охотничьи куртки, брали ружья. Тут старый Джек приходил в волнение. Он начинал бестолково суетиться и бегать, тоже, вероятно, как в былое время, собираясь на охоту. Но его никто не брал.

— Дома, дома, старенький, оставайся! — ласково говорил ему папа и гладил его поседевшую голову.

Джек будто понимал, что ему говорят. Он взглядывал на папу своими умными, выцветшими от старости глазами, вздыхал и уныло плёлся на свою подстилку к печке.

Мне было очень жаль старого пса, и я иногда всё-таки ходил с ним на охоту, но уже не для своего, а для его удовольствия.

Джек давно потерял чутьё и никакой дичи найти уже не мог. Но зато он делал отличные стойки на всяких птичек, а когда птичка взлетала, стремглав бросался за нею, стараясь поймать.

Он делал стойки не только на птичек, а даже на бабочек, на стрекоз, на лягушек — вообще на всё живое, что ему попадалось на глаза. Конечно, на такую «охоту» ружья я не брал.

Мы бродили до тех пор, пока Джек не уставал, и тогда возвращались домой, — правда, без дичи, но зато очень довольные проведённым днём.

СИРОТКА

Принесли нам ребята небольшого сорочонка... Летать он ещё не мог, только прыгал. Кормили мы его творогом, кашей, мочёным хлебом, давали маленькие кусочки варёного мяса; он всё ел, ни от чего не отказывался.

Скоро у сорочонка отрос длинный хвост и крылья обросли жёсткими чёрными перьями. Он быстро научился летать и переселился на житьё из комнаты на балкон.

Только вот какая с ним была беда: никак наш сорочонок не мог выучиться самостоятельно есть. Совсем уж взрослая птица, красивая такая, летает хорошо, а еду всё, как маленький птенчик, просит. Выйдешь на балкон, сядешь за стол, сорока уж тут как тут, вертится перед тобой, приседает, топорщит крылышки, рот раскрывает. И смешно и жалко её. Мама даже прозвала её Сироткой. Сунет ей, бывало, в рот творогу или мочёного хлеба, проглотит сорока — и опять начинает просить, а сама из тарелки никак не клюёт. Учили-учили мы её — ничего не вышло, так и приходилось ей в рот корм запихивать. Наестся, бывало, Сиротка, встряхнётся, посмотрит хитрым чёрным глазком на тарелку, нет ли там ещё чего-нибудь вкусного, да и взлетит на перекладину под самый потолок или полетит в сад, на двор... Она всюду летала и со всеми была знакома: с толстым котом Иванычем, с охотничьей собакой Джеком, с утками, курами; даже со старым драчливым петухом Петровичем сорока была в приятельских отношениях. Всех он на дворе задирал, а её не трогал. Бывало, клюют куры из корыта, и сорока тут же вертится. Вкусно пахнут тёплыми мочёными отрубями, хочется сороке позавтракать в дружеской куриной компании, да ничего не выходит. Пристаёт Сиротка к курам, приседает, пищит, клюв раскрывает —

никто её покормить не хочет. Подскочит она и к Петровичу, запищит, а тот только взглянет на неё, забормочет: «Это что за безобразия!» — и прочь отойдёт. А потом вдруг захлопает своими крепкими крыльями, вытянет кверху шею, натужится, на цыпочки привстанет да как запоёт: «Ку-ка-ре-ку!» — так громко, что даже за рекой слышно.

А сорока попрыгает-попрыгает по двору, в конюшню слетает, заглянет к корове в стойло... Все сами едят, а ей опять приходится лететь на балкон и просить, чтобы её из рук кормили.

Вот однажды некому было с сорокой возиться. Целый день все были заняты. Уж она приставала-приставала ко всем — никто её не кормит!

Я в этот день с утра рыбу на речке ловил, вернулся домой только к вечеру и выбросил на дворе оставшихся от ловли червей. Пусть куры поклюют.

Петрович сразу заметил добычу, подбежал и начал сзывать кур: «Ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!» А они, как назло, куда-то разбрелись, ни одной во дворе нет. Уж петух прямо из сил выбивается! Зовёт, зовёт, потом схватит червяка в клюв, потрясёт им, бросит и опять зовёт — ни за что первый съесть не хочет. Даже охрип, а куры всё не идут.

Вдруг, откуда ни возьмись, сорока. Подлетела к Петровичу, растопырила крылья и рот раскрыла: покорми, мол, меня.

Петух сразу приободрился, схватил в клюв огромного червяка, поднял, трясёт им перед самым носом сороки. Та смотрела, смотрела, потом цоп червяка — и съела! А петух уж ей второго подаёт. Съела и второго, и третьего, а четвёртого Петрович сам склевал.

Гляжу я из окна и удивляюсь, как петух сороку из клюва кормит: то ей даст, то сам съест, то опять ей предложит. А сам всё приговаривает: «Ко-ко-ко-ко!..» Кланяется, клювом червей на земле показывает: ешь, мол, не бойся, вон они какие вкусные.

И уж не знаю, как это у них там всё получилось, как он ей растолковал, в чём дело, только вижу, закокал петух, показал на земле червяка, а сорока подскочила, повернула головку набок, на другой, пригляделась и съела прямо с земли. Петрович даже головой в знак одобрения тряхнул; потом схватил сам здоровенного червяка, подбросил, перехватил клювом поудобнее и проглотил: вот, мол, как по-нашему. Но сорока, видно, поняла, в чём дело, — прыгает возле него да поклёвывает. Начал и петух червей подбирать. Так наперегонки друг перед другом стараются — кто скорей. Вмиг всех червей склевали.

С тех пор сороку кормить из рук больше не приходилось. В один раз её Петрович выучил с едой управляться. А уж как он это ей объяснил, я и сам не знаю.

ПУШОК

В доме у нас жил ёжик, он был ручной. Когда его гладили, он прижимал к спине колючки и делался совсем мягким. За это мы его прозвали Пушок.

Если Пушок бывал голоден, он гонялся за мной, как собака. При этом ёж пыхтел, фыркал и кусал меня за ноги, требуя еды.

Летом я брал Пушка с собой гулять в сад. Он бегал по дорожкам, ловил лягушат, жуков, улиток и с аппетитом их съедал.

Когда наступила зима, я перестал брать Пушка на прогулки, держал его дома. Кормили мы теперь Пушка молоком, супом, мочёным хлебом. Наестся, бывало, ёжик, заберётся за печку, свернётся клубочком и спит. А вечером вылезет и начнёт по комнатам бегать. Всю ночь бегаёт, лапками топает, всем спать мешает. Так он у нас в доме больше половины зимы прожил и ни разу на улице не побывал.

Но вот собрался я как-то на санках с горы кататься, а товарищей во дворе нет. Я и решил взять с собою Пушка. Достал ящичек, настелил туда сена и посадил ежа, а чтобы ему теплей было, сверху тоже сеном закрыл. Ящик поставил в санки и побежал к пруду, где мы всегда катались с горы.

Я бежал во весь дух, воображая себя конём, и вёз в санках Пушка.

Было очень хорошо: светило солнце, мороз щипал уши, нос. Зато ветер совсем утих, так что дым из деревенских труб не клубился, а прямыми столбами упирался в небо.

Я смотрел на эти столбы, и мне казалось, что это вовсе не дым, а с неба спускаются

толстые синие верёвки и внизу к ним привязаны за трубы маленькие игрушечные домики.

Накатался я досыта с горы, повёз санки с ежом домой.

Везу — вдруг навстречу ребята: бегут в деревню смотреть убитого волка. Его только что туда охотники привезли.

Я поскорее поставил санки в сарай и тоже за ребятами в деревню помчался. Там мы пробыли до самого вечера. Глядели, как с волка снимали шкуру, как её расправляли на деревянной рогатине.

О Пушке я вспомнил только на другой день. Очень испугался, не убежал ли он куда. Сразу бросился в сарай, к санкам. Гляжу — лежит мой Пушок, свернувшись, в ящичке и не двигается. Сколько я его ни тряс, ни тормозил, он даже не пошевелился. За ночь, видно, совсем замёрз и умер.

Побежал я к ребятам, рассказал о своём несчастье. Погоревали все вместе, да делать нечего, и решили похоронить Пушка в саду, закопать в снег в том самом ящичке, в котором он умер.

Целую неделю мы все горевали о бедном Пушке. А потом мне подарили живого сыча — его поймали у нас в сарае. Он был дикий. Мы стали его приручать и забыли о Пушке.

Но вот наступила весна, да какая тёплая! Один раз утром отправился я в сад: там вес-

ной особенно хорошо — зяблики поют, солнце светит, кругом лужи огромные, как озёра. Пробираюсь осторожно по дорожке, чтобы не начерпать грязи в калоши. Вдруг впереди, в куче прошлогодних листьев, что-то завозилось. Я остановился. Кто это — зверёк? Какой? Из-под тёмных листьев показалась знакомая мордочка, и чёрные глазки глянули прямо на меня.

Не помня себя, я бросился к зверьку. Через секунду я уже держал в руках Пушка, а он обнюхивал мои пальцы, фыркал и тыкал мне в ладонь холодным носиком, требуя еды.

Тут же на земле валялся оттаявший ящичек с сеном, в котором Пушок благополучно проспал всю зиму. Я поднял ящичек, посадил туда ежа и с торжеством принёс домой.

НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

Я отправился за город, в лес, поглядеть, заметно ли там приближение весны, а кстати и осмотреть места прошлогодних тетеревиных токов.

День был солнечный. В городе сильно таяло. Но я всё-таки захватил с собой охотничьи лыжи. Лыжи у меня не простые. Я привёз их из экспедиции с далёкого Севера. Они широкие и снизу подбиты лосиными шкурами. На таких лыжах и в оттепель ходить можно — снег не подлипает.

Приехал я на маленький полустанок, надел лыжи — и прямо в лес. Хорошо, очень хорошо в нём в эту предвесеннюю пору. Весна чувствуется ещё только в воздухе. Солнце так и слепит глаза. Небо уже по-весеннему голубеет, и по нему, как льдинки в весенний разлив, плывут лёгкие белые облака. Небесный ледоход уже тронулся, а земля всё ещё покрыта льдом и снегом. Деревья и кустарники тоже в снегу, совсем по-зимнему.

Я шёл по лесной тропинке, глядя по сторонам. Вот и широкая поляна, где каждую весну токуют тетерева. А сколько здесь заячьих следов! Весь снег истоптан. Теперь зайцы нередко разгуливают и днём: выскочат на полянку и греются на солнышке.

А вот и ещё один признак приближающейся весны: около старого пня, на самом солнцепёке, уже виднеется крошечная проталинка. Я наклонился и стал осматривать этот первый клочок оттаявшей земли.

Он был покрыт серой прошлогодней травой. Среди неё копошились какие-то жучки. Они проспали всю зиму под корой старого пня или под опавшими листьями и теперь выбрались на проталинку.

Я сел на пень отдохнуть. Кругом было тихо, только где-то далеко в лесу, как серебряный колокольчик, звенел голосок синицы — первая песня весны.

Вдруг среди лесной тишины я ясно услышал хруст снега и шум раздвигаемых веток. Кто-то с трудом продирался сквозь чащу березняка. Но кто же это? Человеку незачем ходить по таким местам. Охотник и тот не пойдёт теперь в лес. Зимняя охота уже кончилась, а весенняя ещё не началась. Наверное, какой-нибудь лесной зверь. Я затаился.

Шаги и треск сучьев слышались всё ближе, ближе. И вот из чащи березняка, у самой полянки, показалось что-то большое, тёмное. Неужели лошадь? Зачем же она забрела сюда? Но в тот же миг я ясно увидел, что это не лошадь, а огромный лесной бык — лось. Он вышел из мелколесья на полянку и, высоко подняв голову, огляделся.

Я сидел не шевелясь. Ветер дул в другую сторону, так что осторожный зверь не мог меня учуять.

Как он был хорош, весь освещённый весенним солнцем, на белом фоне березняка! И какой своеобразный облик у этого лесного гиганта! Длинная горбоносая морда, огромные, как вывороченные корни, рога. Сам такой тяжёлый, грузный, а ноги высокие, стройные, точно у скакового коня. И какая окраска шерсти — весь тёмно-бурый, а на ногах — словно белые, туго натянутые чулки.

Лось постоял секунду, чутко прислушива-

ясь. А потом широко зашагал по краю полянки, как-то странно поматывая головой, будто стараясь что-то сбросить.

Впереди густо росли несколько уже довольно толстых берёзок. Лось не обошёл их, а полез между стволами, всё так же мотая головой. И тут я увидел, что один рог у него вдруг отломился, да так и застрял, качаясь в ветвях. Из березняка лось вышел только с одним рогом и не торопясь скрылся в лесу.

Вот почему он так странно мотал головой, словно стряхивал что-то. Это лесной великан сбрасывал свой головной убор. Только поздно что-то собрался, ведь лоси ещё зимой рога сбрасывают. А за лето у них вырастут новые, больше прежних, с новыми отростками. По числу этих отростков охотники и узнают, сколько лосю может быть примерно лет.

Когда лось совсем скрылся за деревьями, я подошёл к берёзам, вытащил из ветвей сброшенный рог и, захватив с собой, отправился обратно на станцию.

Весь вагон сбежался глядеть на мою находку. Все охали, ахали, вертели лосиный рог в руках. А какой-то старичок пощёлкал по нему пальцем и сказал:

— Это лось зимнюю шапку ломает, с весной здоровается.

ЗДРАВСТВУЙ, ВЕСНА!

Какое утро, ширь какая!
Дымки далёких деревень...
Кругом всё искрится, сверкает,
Встречая первый вешний день.

Синеет небо, солнце светит,
Снега лучами сожжены.
Нет дня счастливее на свете,
Чем день рождения весны!

Именно вот в такое яркое предвесеннее утро я открыл примёрзшую за ночь дверь и вышел на деревянное крылечко.

Дом, где мы с моим сыном остановились на ночлег, находился в конце деревни. Он весь, до самых окон, был завален снегом, покрытым блестящей ледяной коркой.

Вчера днём начало таять, но к вечеру вновь подморозило, ступеньки крыльца обмёрзли, а с крыши прозрачными пиками повисли вниз ледяные сосульки.

Мартовский крепкий мороз ещё не отпустил. Даже вода на крыльце, в бадейке, застыла, а сама бадья от инея сделалась белой и мохнатой.

Я сел на лавочку и огляделся. Кругом снег, всё бело, как будто совсем по-зимнему. Но это уже не зима, это самое начало весны, её первое, ещё робкое пробуждение.

Напротив нашего дома росли старые, корявые вётлы. На их сучьях виднелось много грачиных гнёзд. Всю зиму они пустовали. А вот теперь возле гнёзд чинно сидели парочками большие чёрные птицы. В это утро, пока ещё крепко морозило, грачи нахохлились, распушились. Они молчали и не двигались.

Я с радостью глядел на этих красивых иссиня-чёрных птиц, первых вестников наступающей весны. Но долго глядеть на них было некогда. Вот уже мой сын Ваня, собрав все наши доспехи для зимней рыбалки, вооружившись пешнёй и рюкзаком, сбегает с крыльца на дорожку. Я следую за ним.

Наш путь лежит через лес к широкому

заливу Волги. Ваня спешит: ему не терпится поскорее прорубить лунку во льду, опустить туда удочку и попытать счастья.

Я, наоборот, совсем не спешу. Мне нравится куда больше самой рыбалки брести по узкой лесной тропинке среди заснеженных деревьев и кустов. Брести, наблюдая за тем, как наступает тихое предвесеннее утро.

Ваня давно уже убежал вперёд. Я остался один на один с лесом, с утром, с самим собою. Иду, останавливаясь на каждой полянке, рассматриваю следы зверьков на снегу, слушаю звонкую трескотню дятлов. Дятлы выбивают барабанную дробь — это один из первых признаков наступления весны.

Но мне хочется не только слышать, но и поглядеть, как трудится лесной барабанщик. Вот впереди нелепо торчит сухое обломанное дерево. На него уселся дятел. Я осторожно подкрадываюсь поближе. Дятел меня не видит. Он деловито передвигается вверх по стволу, потом устраивается поудобнее. Устроился, теперь всё готово, можно и начинать. Дятел откидывает назад голову и с поразительной быстротой начинает ударять — барабанить клювом по дереву: тррррррррр! — далеко разносится громкий треск, похожий на протяжный скрип сухого дерева.

Я смотрю на крылатого барабанщика, смотрю и удивляюсь: голова у него так быстро мотается взад и вперёд, что мне даже

страшно — как бы она не оторвалась от шеи. Но дятлу, по-видимому, хоть бы что. Он сыплет одну дробь за другой. Вот уж настоящий, природный артист!

Иду дальше. Гляжу — на сучке осины усе-лась и поёт серенькая овсянка. «Зинь-зинь-зинь-зиинииииии...» — старательно выводит она свою мелодичную песенку.

И непоседы синицы тоже не отстают от неё. Где-то в лесу так и куют стеклянными молоточками: «Чи-чи-ку, чи-чи-ку...»

Барабанная дробь дятла, пенье синицы, овсянки, и лёгкий звон падающих с деревьев сосулук, и тихий шелест ветра в голых вершинах, всё это — первые звуки весеннего утра в лесу. Это первая песня самой весны, ещё робкая, неуверенная, но зато самая светлая, самая радостная.

Вот потому-то я и не спешу в залив на рыбалку, потому-то мне и хочется подольше побыть одному в лесу, послушать его первые робкие песни, его первый радостный разговор с весной.

Наконец лес обрывается, впереди — про-свет. Тропка выводит к широкому волжскому заливу. Здесь уже не слышать голосов птиц — полная тишина. Но зато здесь настоящий праз-дник красок и света.

Передо мной — заснеженная ровная гладь, а дальше чётко виднеется кромка леса. Тут, на лесной опушке, у меня обычная передыш-

ка. Я сажусь на пенёк и смотрю вдаль, на залив. Сейчас, в утреннем свете, снег совсем не кажется белым, на солнце он искристый, розоватый, а в тени — голубой. И лес на том берегу тоже всё время меняет окраску. Недавно ещё, когда на него не светило солнце, он был пепельно-сизый и вдруг сразу порозовел, весь будто затеплился, засветился. Заснеженный лес надел свою самую лучшую праздничную одежду. Да разве можно пропустить этот счастливый миг.

Но вот солнце всплывает всё выше, гасит тёплый розовый свет на земле. Теперь и снежная даль залива, и берег, и лес на нём становятся белыми, серебристыми. Такими и будут они весь день, не изменятся до тех пор, пока солнце вновь не опустится к горизонту и, прощаясь на ночь с землёй, не нарядит её в розовые и голубые одежды.

Но до этого ещё далеко, впереди ещё длинный мартовский день, который я проведу на льду на рыбалке.

Теперь скорее туда, в залив, скорей бы разыскать Ваню. Во мне пробуждается страсть рыбака и нетерпеливое любопытство: что-то Ваня поймал без меня? Как было бы хорошо, если бы его ловля оказалась удачной. Нечего таить греха — его удаче я радуюсь куда больше, чем своей.

Зорко осматриваю белую гладь залива. Вдали, у противоположного берега, под са-

мым лесом замечаю чёрную точку. Это мой сын. Далеконько забрался! Но делать нечего, придётся идти туда.

Наконец подхожу. Ещё издали вижу — около Вани на снегу что-то темнеет — конечно рыба. Ого, сколько натаскал!

Увидя меня, Ваня улыбается:

— Скорей иди сюда. Я тебе уже лунку прорубил. Здорово клюёт.

Сажусь возле готовой лунки и беру удочку.

Мы с сыном ловим на мормышку. Мормышка — это крохотный свинцовый грузик, в который впаян крючок. Мормышка прикрепляется к концу тонкой лески, на крючок насаживается приманка — мотыль. Приманка надета. Мормышка исчезает в воде. Она увлекает за собою вниз и туго натягивает леску. Теперь надо слегка покачивать конец удилица. При этом где-то там в глубине, у самого дна, мормышка будет также

слегка покачиваться и своими движениями поддразнивать проплывающую мимо рыбу.

Но вот цель достигнута: рыба заметила приманку, схватила её, пора подсекать и тащить добычу. Обо всём этом рыбаку даст знать очень тоненький приставной кончик удилица — сторожок. К нему-то и прикреплена леска.

Рыба только слегка коснулась приманки, а сторожок уже закивал — значит, ловец будь начеку. Ещё секунда, сторожок клонится вниз — пора тащить. Лёгкая подсечка, и рука чувствует на леске что-то тяжёлое, живое. Оно упирается, с трудом подвигается к поверхности. Осторожнее, торопиться никак нельзя. Надо помнить, что ловишь на очень тонкую леску, рыба может легко её оборвать. Но если тащить умело, не торопясь, — успех почти всегда обеспечен.

Мы с Ваней в этом деле не новички. То он, то я, сделав подсечку, начинаем осторожно выбирать леску. Вот в лунке показалось что-то тёмное, живое. Ещё немного усилий — и крупный полосатый окунь уже ворочается на снегу.

Как он красив, только что вынутый из воды, ещё весь мокрый, блестящий! Спина горбатая, тёмно-зелёная, почти чёрная, по бокам тоже тёмные полосы, а плавники ярко-оранжевые, как лепестки какого-то цветка.

Глаз не хочется отвести от такого красавца.

Гляжу, люблюсь, но краем глаза всё время слежу за сыном. Вот и он тоже подсек, потащил, осторожно выволакивает из лунки на снег такого же полосатого красавца.

Нет, этот, пожалуй, крупнее, граммов на триста, а то и больше потянет.

Так ловим мы до полудня. Иногда рыба перестаёт клевать, тогда сын прорубает где-нибудь неподалёку новые лунки, мы садимся к ним, а старым «даём отдохнуть». Пусть возле них рыба снова накопится.

Хорошо посидеть вот в такой солнечный предвесенний денёк на льду. Снег и лёд так блестят, что больно глазам, приходится надевать тёмные очки. Даже жарко. Я снимаю шубу, сижу в одном пиджаке. Но солнце и тут донимает.

— Папа, можно я рубашку сниму, позагораю немножко? — спрашивает Ваня.

Я соглашаюсь, и он тут же раздевается до пояса.

Забавно глядеть на него. Кругом ослепительно ярко блестит свежий, незатоптанный снег, и на его фоне живописно выделяется склонённая над лункой фигура — голая до пояса, но зато в стёганных ватных брюках и в огромных валенках с калошами. В таком фантастическом полукостюме может очутиться только рыбацк.

Мы продолжаем ловить. Днём окуни клюют хуже, чем с утра, и попадается только мелочь. Очевидно, крупная рыба в эти часы отдыхает где-нибудь на дне, в подводных корягах.

Но вдруг Ваня, сделав подсечку, начинает тащить особенно осторожно.

— Папа, папа, что-то здоровое попало! — говорит он, задыхаясь от волнения. — Наверное, оборвёт.

Я бросаю на снег свою удочку и слежу за борьбой Вани с невидимой добычей. Как же ему помочь? Кажется, сам бы залез под лёд, да нельзя.

— Осторожней, не торопись, пожалуйста, не торопись! — почему-то шёпотом говорю я. — Ну, оборвётся, уйдёт, наплевать. Подумаешь, какое несчастье!

Этим я хочу смягчить огорчение сына, если рыба действительно оборвёт леску и уйдёт. Да разве можно утешить какими-нибудь словами настоящего, заядлого рыбака, если он упустил крупную рыбу. Я по себе знаю — в эти минуты переживаешь такое горе, такое отчаяние, в пору хоть самому броситься в омут, вслед за ушедшей добычей.

Но, пожалуй, ещё мучительнее находиться рядом с товарищем, когда он вот-вот упустил рыбу. Просто невозможно видеть всё это и сознавать, что ты ничем не в силах помочь.

У меня от волнения даже во рту пересох-

ло, даже кровь к вискам прилила, так и стучит, как молотками.

Кажется, прошла целая вечность.

И вдруг!.. Никогда не забуду я этого «вдруг» — из лунки показывается тупорылая рыба морда. Показалась и как бы застыла на месте от удивления. В тот же миг Ваня, отшвырнув в сторону удилице, коршуном бросается прямо на лёд.

— Вот он, теперь не уйдёшь! — радостно кричит Ваня. — Теперь попался, иди-ка сюда.

С этими словами он привстаёт на колени и с торжеством поднимает вверх крупного золотистого леща.

Тяжёлая рыба всем своим плоским округлым телом как-то вяло, безжизненно обвисла вниз. Но вот лещ будто ожил, он шевельнул хвостом, трепыхнулся да так и засверкал на солнце крупной золотистой чешуёй.

Ваня бережно кладёт его на снег к ранее пойманым окуням. И какие они рядом с этим гигантом стали вдруг маленькие, невзрачные. Ваня торжествует победу. Весь сияя от счастья, он говорит мне:

— Ну как, красив?! Хорошо, что я лунку пошире вырубил, будто знал, что такой попадётся, в узкую он бы и не пролез.

— Да, это удача! — радуясь не меньше Вани, отвечаю я. — После такого великана эту мелюзгу и ловить не хочется.

И действительно, пойманный лещ как-то сразу охладил наше рвение к ловле окуней. Правда, появилась надежда, что, может, и ещё такой великан попадётся, но вместо него на крючок бойко шли один за другим мелкие окуньки. Мы решили сделать перерыв, отдохнуть и закусить.

Тот, кому не приходилось целый день просидеть на весеннем солнце, на ветерке, и пережить все волнения заядлого рыболова, тот даже не представляет, как бывает вкусен слегка подмёрзший чёрный хлеб с колбасой или с сыром. А если к этому ещё душистый тёплый чай из термоса, то это уже верх блаженства.

После обеда мы перешли на прежние, утренние, лунки. Окунь клевали и там хорошо, но ничего крупного не попадалось. Мелочь ловить надоело. Мы собрали рыбу в рюкзак и отправились бродить по водоёму, искать добычу покрупнее.

Ваня пробовал пробивать лунки и у берега, и на глубине — всюду было одно и то же, попадались только мелкие окуни и ерши.

Наконец солнце скрылось за горизонтом, начало быстро темнеть. Ну, пора и домой. Мы не торопясь тронулись в обратный путь. Я предложил сыну идти вперёд, не дожидаясь меня.

— Попросишь пока разогреть ужин, са-

мовар поставить, а тем временем и я подойду.

Ваня легко вскинул на спину тяжёлый мешок с рыбой, взял пешню и зашагал вперёд. Вот он уже перешёл залив и скрылся в лесу.

Рыбалка закончена. Я опять один, один среди лиловых вечерних сумерек, среди этой торжественной тишины уходящего предвесеннего дня. Не спеша подхожу к лесу, сажусь на свой пенёк. Как спокойно, как отрадно у меня на душе. Вспоминаются отдельные эпизоды сегодняшней ловли и, конечно, самый интересный — эпизод с лещом. «Хорошо, что он не ушёл, а то бы всё дело испортил». Потом мысли уходят куда-то вдаль, в даль прошлых лет. Вспоминаются другие вёсны, солнечные мартовские дни, проведённые далеко-далеко отсюда. В памяти встают бескрайние просторы степей, полей, лесов, которые я исходил, изъездил за долгие годы жизни.

Уже совсем стемнело. Небо усыпано звёздами. Передо мною снова широкий залив и лес на другом берегу. Но утром, когда восходило солнце, лес казался прозрачным и розовым, а теперь он густо-синий. И вдруг, совсем неожиданно, он начинает почему-то светлеть; светлеет, серебрится всё заметнее, всё сильнее. Я оглядываюсь — из-за деревьев медленно поднимается круглая голубая луна. Ночь светлеет прямо на глазах.

Легко и весело пройти теперь до самой деревни по этому посветлевшему голубому лесу. Я иду и вдруг замечаю, что совсем не морозит.

Снег, звёзды, луна, а мороза нет. Да ведь это уже начало весны. Наверное, завтра, как только поднимется солнце повыше, разогреет к полудню, так снег с полей и потечёт. И грачи загомонят у гнёзд на старых ракетах.

Лунная мартовская ночь без мороза, первая весенняя ночь. И как хорошо всё кругом: и мягкий, совсем не хрустящий снег, и узенькая тропинка, ведущая из хмурого леса на простор голубых лунных полей, и протяжный гудок далёкого паровоза... А главное, так хорошо от сознания, что завтра свершится величайшее чудо в природе, то самое чудо, ради которого всё живое: и звери, и птицы, и крохотные букашки — терпит лютый холод и голод зимы, — то самое чудо, ради которого стоит всё перетерпеть и жить.

ЗА СЕЛЕЗНЯМИ

Как только в воздухе запахнет весной, потянут с юга перелётные птицы, тут с нами, охотниками, начинает твориться что-то неладное. В эту пору охотника сразу можно

узнать и отличить от обыкновенного человека.

Вот посреди мостовой стоит пожилой человек и, подняв кверху лицо, взволнованно шепчет:

— Раз, два, три... пять... восемь... одиннадцать...

Кругом несутся автомобили, обдают потоками грязи, а он всё смотрит и смотрит вверх и считает: «Двенадцать... пятнадцать... семнадцать...»

— Гражданин, — трогает его за плечо какая-то сердобольная женщина, — тебе что — померещилось что-нибудь?

Но он, не отвечая, продолжает считать:

— Двадцать... Двадцать два, двадцать три...

И так он будет стоять и глядеть вверх как зачарованный, пока вереница гусей не скроется в голубой весенней дали.

В эту пору и самих охотников неудержимо тянет вслед за птицами в леса, на разливы озёр и рек, туда, где природа справляет весёлый праздник весны.

Хорошо тогда сидеть с ружьём в шалаше на берегу тихой заводи и подкарауливать диких селезней. А чтобы подманить их к шалашу, охотник пускается на хитрость: он сажает на воду перед шалашом привязанную за ногу ручную утку.

Утка покрякивает, селезень подлетает. Только стреляй вернее, не промахнись, и ты

всегда вернёшься домой с хорошей добычей.

У кого есть ручная, или, как её охотники называют, «подсадная», утка, тот охотник — счастливец. Ну, а как же быть тому, у кого такой утки нет? Тут уж надо идти на двойную хитрость: вместо живой утки сажать на воду чучело (деревянное или резиновое), а чтобы ветер его не угнал, снизу привязывать на длинной верёвке грузик.

Крякать такое чучело, конечно, не может, поэтому приходится самому. Одни охотники крякают в манок, другие просто в кулак, кто как сумеет. Но всё-таки как ни крякай, а вот как настоящая утка — никогда не сумеешь.

Охота без утки плоха ещё тем, что чучело сидит на воде неподвижно. На то оно и чучело. Хорошо, если есть ветерок, тогда деревянная уточка плещется на волнах, будто живая. А когда ветер стихнет, чучело торчит на воде, как колчужка, к нему никакой селезень не подлетит.

Долго думали мы, охотники-безутятники, как бы нам «оживить» нашу приманку. Наконец кто-то придумал и напечатал в журнале отличный способ: к той самой бечёвке, на которой подвешен к чучелу грузик, надо ещё привязать сбоку тоненький поводок с крючком, а на крючок прицепить живую рыбку. Рыбка будет дёргать за поводок, и чучело начнёт шевелиться, будто живая утка. Просто и хорошо.

...И вот я уже сижу в шалаше, а передо мной на неподвижной воде весело плавает моя «ожившая» уточка. На крючок я прицепил шустрого карасика, он живой, энергичный, так и дёргает за бечёвку.

Я достаю из сумки манок и начинаю усиленно крякать. Крякаю полчаса, крякаю час... И вдруг откуда-то издали слышится ответный крик селезня. «Шварк, шварк», — отвечает он мне и, свистя крыльями, опускается на воду... Как он хорош в своём весеннем наряде: голова сизая, грудь тёмно-коричневая, а спина серая с синим зеркальцем на крыле.

Высоко подняв голову и зорко оглядываясь, он плывёт всё ближе и ближе к моей уточке. Ещё секунда — и можно стрелять.

Но тут происходит что-то невероятное: моя деревянная утка неожиданно бросается в сторону, ныряет, вновь появляется на воде и во всю прыть пускается наутёк.

Чучело «ожило». Забыв об охоте, я выскакиваю из шалаша. Селезень улетает. Но я уже и не думаю о нём, бегу к лодке и пускаюсь в погоню за уткой. Не тут-то было: она удирает и от меня. С трудом настигаю беглянку, хватаю за шею, тащу из воды, утка упорно сопротивляется. Наконец она в лодке, но какая-то невидимая сила пытается вырвать её у меня из рук и утащить обратно в воду. Я хватаюсь за бечеву и после короткой борьбы подтаскиваю к лодке крупную щуку —

значит, попалась на моего карася и теперь на крючке. Ещё миг — щука обрывает бечёвку, скрывается под водой.

Вот и конец. Я сижу в какой-то растерянности, сам не могу понять, кто же я: охотник или рыбак? А впрочем, не всё ли это равно, главное то, что у меня нет ни щуки, ни селезня. Получилось совсем как в пословице: «За двумя зайцами погнался, ни одного не поймал».

ДЛИННОХВОСТЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Это было в самом начале весны.

В лесу под деревьями ещё лежал снег, но зато на открытых местах уже темнели первые проталины.

Древесные почки начали надуваться, и от этого ветки кустов и деревьев казались не такими голыми, как зимой, а чуть-чуть мохнатыми. Кругом в вершинах деревьев на разные голоса распевали овсянки, синицы, и где-то вдали отбивал барабанную дробь лесной барабанщик — дятел.

Мы с сыном шли по тропинке, прислушиваясь к голосам весеннего леса. Вдруг слышим — впереди нас застрекотали сороки, да тревожно так, словно что-то заприметили.

Вышли мы из-за кустов на лужайку. Смотрим — и понять ничего не можем, что там происходит. По лужку взад-вперёд мечется

заяц, а около него — две сороки; то взлетят, то на землю сядут. Заяц на них так и наскочивает. Только какая-нибудь близко подлетит, он — прыг! — прямо к ней, норовит передними лапами ударить.

Отлетит сорока, а вторая уже сзади подлетает. Обернётся заяц и на ту бросится. Глядим мы и никак не разберём, кто же на кого нападает.

Стали подходить ближе. Заметил нас заяц и поскакал в лес. Сороки тоже прочь полетели. Летят, а сами стрекочут: видно, очень не хочется им улетать.

Подошли мы к тому месту, где сороки с зайцем дрались. Вдруг видим — прямо под ногами лежит в ямке маленький серый комочек.

Да ведь это зайчонок! Совсем крошечный, только недавно родился.

Тут мы и поняли, почему заяц на сорок нападал. Это зайчиха своего детёныша так храбро защищала. Значит, неверно говорят, что заяц — трусишка.

Взяли мы зайчонка, отнесли в ближайшие кусты, куда зайчиха только что ускакала, и посадили под самый кустик.

Мать его там непременно найдёт. Звери постоянно своим же следом назад возвращаются. Побежит зайчиха обратно и наткнётся на него. А сорокам зайчонка в кустах ни за что не найти.

Вышли мы обратно на лужайку. Глядим — сороки уж опять на том же месте вертятся. Прыгают, к земле приглядываются, зайчонка ищут. Вот ведь какие! Разбойники, да и только.

ЗЕЛЁНЫЙ ШУМ

Природа южных стран богаче нашей,
Цветы нарядней там и много краше.
Но мне всего милей берёзовый лесок,
Тенистый островок среди лугов и пашен.

Май — это месяц первой зелени, первых цветов, первых весенних гроз.

Помню, однажды такая гроза застала меня в далёкой лесной деревушке. Я возвращался с охоты, спешил в Углич на пароход. И вдруг — гроза, первая гроза в этом году.

Я переждал её в сенном сарае. Как только кончился ливень, я выбрался за деревенскую околицу, прямо в лес, на поляну, да так и остановился. Нужно спешить, а я стою и глаз не могу оторвать от того, что вижу. Передо мной — молодой берёзовый лес, умытый дождём. Он

ещё голый, без листьев. Стволы берёзок тонкие, белые, а ветви лиловые. На концах ветвей серёжки висят, а на серёжках — капли дождя.

Снизу от влажной земли пар поднимается, плывёт над поляной. А воздух, воздух какой! Тёплый, влажный, пахнет сырой землёй и горечью набухших берёзовых почек.

Я постоял, посмотрел и пошёл по лесной дороге.

Кругом по деревьям птицы поют: зяблики, овсянки, скворцы, дрозды... Вдали кукушка кукует. Каждый певец на свой манер старается. Одни звонкую трель выводят, другие свистят, третьи щебечут.

А из каждой весенней лужи слышится нежное урчанье лягушек. Вон их сколько, весёлых лупоглазых певцов. Это травяные лягушки. Они первые открывают весенний концерт. Потом, попозднее, когда вода в водоёмах хорошенько прогреется, запоют другие — водяные лягушки. Вот те уже настоящие певцы. Но такие концерты ещё впереди.

Я проходил открытые поляны, они начинали уже зеленеть. А по окраинам, под кустами орешника виднелись цветы медуницы, той самой медуницы, о которой вспоминает Садко, сидя в подводном дворце морского царя:

Теперь, чай, и птица,
и всякая зверь

У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний
пробившись теперь,
Синеет в лесу медуница!

Пройдя поляну, потом сухой бугорок, я спускался под гору в просторную луговину, ещё покрытую талой водой. Там, прямо из мелководья, поднимали золотые головки крупные цветы калужницы. И как они были красивы на синем фоне воды! Смотришь сверху и видишь сразу два цветка — сам цветок и его отражение. И оба одинаково чётко видны. Невольно подумаешь: какой же из них настоящий?

Миновав заросли осинника, я вышел вновь на светлые, солнечные поляны и в молодые березняки. Идти среди них было особенно легко и радостно.

Но что за чудо! В начале пути, когда я только вошёл в этот лес, ветви берёз были усеяны набухшими почками, даже признаков листьев нигде не было видно. А теперь на каждом деревце что-то слегка зеленело. Я наклонил одну из веток. Почка на ней уже лопнула, и из-под бурых чешуек высунулись нежные зелёные язычки. Мне посчастливилось быть свидетелем радостного события в жизни природы, того события, когда лес одевается в свой весенний убор.

Будто в сказке, с каждой минутой, прямо на моих глазах лес распускался и зеленел. Набежал ветерок, качнул мохнатые нежно-

зелёные ветви берёзок, и я вдруг услышал лёгкий, едва уловимый шум, не посвист ветра в голых ветвях, а именно совсем особый, похожий на сдержанный шёпот, первый шум молодой листвы.

Услышав его, я сорвал от радости с головы кепку и по-мальчишески крикнул куда-то в лесную даль:

— Здравствуй, весна! Здравствуй, зелёный весенний шум!

Было уже совсем темно, когда я пришёл в Углич на пристань.

Подвалил ярко освещённый теплоход. Я уселся на палубе и поплыл по ночным волжским просторам домой, в Москву.

Вот и всё, что случилось в этот весенний день, проведённый мною в дороге. Собственно, ничего особенного и не случилось. Почему же я решил рассказать о нём?

Я уверен, что тот, кто любит природу, сразу поймёт меня. Поймёт и оценит — что значит услышать весною в лесу первый зелёный шум.

ЧИР ЧИРЫЧ

Журчат ручьи, настал апрель.
Кричат грачи, звенит капель.
Им вторит громко, во весь дух,
На кол забравшийся петух.

Кругом царит и шум и гам.
Все рады светлым вешним дням.

Вечером папа принёс из сарая доску, распилил её и сколотил домик. Вместо окон и дверей в одной из стенок выпилил круглую дырочку, а вместо крыльца внизу, у входа, палочку прибил.

— Готово, — сказал папа. — Ну-ка, теперь отгадай загадку: на колу дворец, во дворце певец — кто это?

— Скворец! — закричал я.

— Правильно. Вот мы для него квартиру и смастерили. Завтра утром скворечник в саду пристроим. Добро пожаловать, дорогие гости!

Проснулся я утром — в окно солнце светит, капёль с крыши льёт, и воробьи на весь двор расчирикались.

В саду везде ещё был снег. Мы с папой еле пробрались к старой яблоне. Папа прибил скворечник к длинному шесту и прикрутил шест проволокой к стволу яблони. Скворечник оказался очень высоко — со всех сторон видно.

Прошло пять дней. В саду зачернели проталины, а кругом них разлились огромные лужи. В лужах, как в зеркале, отражаются небо, облака, а когда выглянет солнце — даже больно глядеть, так вода и сверкает.

Один раз зовёт меня папа в сад:

— Погляди, какие гости к нам заявились.

Прибежал я, смотрю — на крыше скворечника сидит скворец и распевает. Потом

другой скворец к нему подлетел и прямо в домик юркнул.

Поселились в домике скворцы, только почему-то всё один скворец летает. По вечерам сядет на веточку и поёт, а скворчихи и не видать.

Как-то раз стояли мы с папой под яблоней. Смотрим — скворец к домику подлетел, в клюве у него что-то белеется, наверное какая-то большая, толстая личинка. Сел он на жёрдочку, вдруг видим — из домика высовывается головка скворчихи. Открыла она клюв, скворец сунул ей в рот личинку, а сам засвистел, затрещал и опять улетел.

— Видишь, — говорит папа, — как скворец о своей скворчихе заботится! Даже кормит её, чтобы она с гнезда не улетала. Ведь она теперь яйца насиживает.

Скоро у скворцов вывелись птенцы. Тут уж оба — и отец и мать — начали детям корм носить. Ходят, бывало, по грядкам и высматривают добычу. Заметит скворец гусеницу, схватит её и тащит детям. Так это здорово получалось! Скворчатам еда — и нам с папой помощь. За день, бывало, всех гусениц с огорода соберут.

Папа глядит да радуется:

— Хорошая у нас капуста будет! Червяк её уже не тронет. Вон наши длинноносые сторожа как на грядках стараются!

Выросли скворчата, начали уже из домика наружу выглядывать. Целый день пищат — есть просят. Родители им только успевают корм приносить. А наступит вечер, усядутся старики на веточку возле домика, сидят и переговариваются, будто дела свои обсуждают.

Вот как-то под вечер сидели скворец со скворчихой на яблоне. Вдруг из-за веток — ястреб! Схватил скворца и потащил.

Мы с папой в саду были. Закричали, вдогонку бросились. Я во весь дух бегу, кричу: — Брось, брось, брось!

Ястреб испугался, бросил добычу и улетел.

Подбежал я: лежит скворушка на земле, клюв открыт, дышит тяжело; наверно, ястреб его здорово помял.

Принёс я его домой, настелил в клетку свежей травы и положил скворца. Наутро он немного оправился — не лежал, а сидел в уголке. Дал я ему гусениц, червей. Одного червяка он съел, а больше не стал.

Папа сказал:

— Ничего, поправится. Только уж он теперь в семье не работник — ему самому сил набираться нужно. Придётся тебе помогать скворчихе детей растить. Ей одной такую семью не прокормить.

Взяли мы с папой фанерный ящичек, по-

ставили его в саду на дорожку, недалеко от старой яблони, и каждый день я в него стал разных личинок и гусениц приносить. Скворчиха это живо заметила. Только, бывало, я принесу еду, отойду в сторону, а она уж тут как тут, подлетит, сядет на край ящичка, схватит гусеницу — и прямо в скворечник. В один миг всё детям перетаскает.

Скворец мой тоже поправляться начал. Appetit у него после болезни отличный стал. Я прямо с ног сбился, не успеваю еду носить.

Наконец скворчата подросли и начали из гнезда вылетать, а потом и совсем улетели из сада. Тут уж я посвободнее вздохнул — один у меня только иждивенец остался.

Скворец скоро совсем поправился. Стал я его понемногу из клетки выпускать. Летает он по комнате, а как проголодается, спешит назад в клетку. Ручной, ничего не боится, на плечо сядет, на голову. Как только соберёмся обедать, загремят тарелки, он прямо на стол летит, крошки со скатерти собирает. Видно, не на шутку, бедняжка, проголодался!

Очень любил он мясо. Подадут котлеты — скворец так и норовит со сковородки клюнуть. Мама, бывало, смеётся, гонит его: «Обожжёшься ведь!» А он на маму сердится: что, мол, не даёшь! Пёрышки топорщит, кричит: «Чир-чиррр!» Мы его Чир Чирычем и прозвали.

Накрошат ему котлету на тарелку, остудят и дадут. Он в один миг всё подберёт.

Как-то дали мясца старому коту Иванычу. Только он уселся поест, вдруг видим: скворец бочком-бочком — и к тарелке. Мы глядим, что дальше будет. Подбежал скворец, изловчился и прямо из-под носа Иваныча кусочек мяса выхватил. Тут даже добродушный Иваныч возмутился, замахнулся на обидчика лапой; а скворец не боится — так на него и наскакивает: «Чир-чиррр!» И вдруг — тюк Иваныча клювом в нос! Фыркнул тот, затряс головой, а потом повернулся и пошёл прочь от тарелки.

С тех пор коту от скворца житья не стало: только разляжется толстый Иваныч на солнышке погреться, скворец уж тут как тут, старается за хвост или за ухо клювом схватить.

Мама его полотенцем прочь гонит:

— Ну что ты к Иванычу пристаёшь?

А скворушка норовит маму за полотенце дёрнуть: «Чир-чирррр!» Потом прыг — и на голову ей сядет. Разбойник, да и только!

Зато с Джеком, папиной охотничьей собакой, скворушка очень подру-

жился. Джек овсянку из миски ест — и скворец на краешек сядет, тоже поклёвывает. Уляжется Джек у себя на коврике, скворец ему на спину взлетит, выбирает что-то из шерсти, да так осторожно — никогда больно не сделает. Джек даже глаза зажмурит — видно, приятно ему.

Как-то напились мы чаю. Мама налила в полоскательницу тёплой воды, чашки помыть. Только отвернулась, откуда ни возмись, скворец — и прямо в полоскательницу. Как начнёт в ней плескаться! Весь стол водой залил.

Мама засмеялась:

— Ах ты, негодный!

А скворец уж на двери сидит, отряхивается, пёрышки чистит.

До того осмелел — всюду лезет, всё тащит, беда с ним, да и только!

Мама терпела-терпела и наконец не выдержала.

— Заприте, — говорит, — этого разбойника в клетку. Или выпустите его.

Очень не хотелось мне со скворушкой расставаться, да ничего не поделаешь — не запирать же его, на самом деле, в клетку!

Наутро открыл я окно и снял с него сетку. Скворец мигом из клетки выскочил, слетел на подоконник и не знает, куда же дальше лететь — в комнату или в сад. А тут солнце выглянуло. Отряхнулся скворец, расправил крылья и полетел на волю. Уселся в саду на

дерево, начал пёрышки чистить, охорашиваться, довольный такой.

Весело мне на него смотреть, как он радуется, и грустно немножко — не будет у меня больше ручного скворца!

Посидел он на дереве, потом вспорхнул и полетел куда-то. А я совсем загрузил, весь день места себе найти не мог.

Наконец позвали меня обедать. Все сели за стол. Только застучали тарелками, вдруг слышим за окном: «Чир-чиррр!» Летит мой скворец прямо в окно — и на стол. Тут уж и мама не выдержала, говорит:

— Умница ты моя! Назад прилетел, соскучился.

А скворец будто понимает — лезет к ней, прямо из тарелки варёное мясо тащит. Наелся и на шкаф взлетел.

С этого дня Чир Чирыч получил полное право разгуливать всюду, где ему только заблагорассудится: хочет — по саду летает, хочет — по комнате. Но как только, бывало, заечерет, так уж он обязательно к себе в клетку спешит.

Наступила осень. Пожелтел сад, в полях убрали хлеб, а на лугах у речки, как огромные зелёные кочки, выросли стога сена. Скворцы собрались в стаи; целые дни летали по полям и лугам или сидели на стогах.

Скворушка мой тоже стал пропадать по целым дням, иногда и ночевать домой не воз-

вращался. То ночь, то две, а потом и совсем не вернулся. Может, ястреб его поймал, а может, улетел с другими скворцами в тёплые страны.

Пришла зима. Часто вспоминали мы о скворушке, особенно вечерами, когда топили печку и у огонька собирались все мои приятели: Джек, Иваныч и ручной заяц Ушан. Где-то теперь наш скворушка? Жив ли он?..

Наконец и зима кончилась. В саду появились огромные синие лужи. В полдень солнышко припекало совсем по-летнему, и тогда в столовой даже отворяли окно.

Как-то возился я у себя в комнате со своими удочками. Вдруг слышу за дверью: «Чир-чиррр!» Я даже вздрогнул: что такое? Выскочил в столовую и глазам не верю: сидит на подоконнике мой скворушка, так и заливаётся, так и поёт.

— Скворушка! Скворушка! Откуда же ты прилетел?

Хотел я к нему подойти, а он — назад в окно и уселся в саду на яблоню. Отвык, значит, за зиму от нас.

Опять поселился мой скворец в своём старом скворечнике. И скворчиха с ним, только не знаю, старая или новая.

Часто бывало — прилетит скворушка к нам на подоконник, сядет и поёт. Я ему еду поставлю, полоскательницу с водой — он всё съест,

воды напьётся и выкупается в полоскательнице. А в комнату залетать так и не захотел. Наверное, ему скворчиха не разрешила.

ЗАГАДОЧНАЯ НАХОДКА

В окна школы светит яркое солнце. Горячим жёлтым квадратом ложится на пол, греет щёки ребят, рисует на их носах забавные веснушки.

Ах, как трудно в такой весенний солнечный день чинно сидеть за партой и решать задачи! Как хочется выбежать во двор, поиграть в снежки! Снег в оттепель так славно лепится. Недаром же наступил первый весенний месяц — март.

Конечно, впереди ещё будут морозы и вьюги, но им уже недолго осталось хозяйничать.

Теперь скоро снег всюду растает, зазеленеет земля и из дальних стран вернуться перелётные птицы.

Для юных натуралистов это большое событие. Нужно как следует к нему подготовиться. Надо развесить новые птичьи домики и внимательно просмотреть старые — нет ли в них щелей или каких-нибудь других изъянов. Надо всё заблаговременно починить, а главное — вычистить скворечники и дуплянки, выбросить из них гнездовую подстилку. Прилетевшие птицы натаскают новую,

старая им не нужна. К тому же в ней ещё с прошлого года могли остаться разные паразиты. Летом они будут беспокоить птенцов.

Поэтому юные натуралисты решили прямо после занятий всем кружком отправиться в загородный парк, чтобы как следует осмотреть и вычистить там скворечники.

Славная это работа. В парке, ещё по-зимнему укрытом снегом, сразу стало шумно и весело. Ребята тащили высокие лестницы, подставляли к деревьям, лезли осматривать скворечники.

Вот Боря уже на верхней ступеньке. Ему попался хороший скворечник, крепкий, без всяких щелей, а главное — у него снимается крышка. Всегда нужно делать такие домики: чистить их очень удобно.

Боря снимает крышку, засовывает в скворечник руку и невольно отдёргивает: внутренность домика заполнена какими-то комочками, покрытыми шерстью.

Оправившись от неожиданности, Боря вновь опускает руку. Нет, он не ошибся. Но что же это может быть? Мальчик берёт в руку покрытый шерстью комочек и вынимает.

Мёртвый мышонок! А вот и ещё и ещё — целая груда мышей, и все мёртвые, даже совсем закоченели.

Боря быстро спустился на землю и по-

казал свою находку ребятам. Все изумились: зачем же мыши залезли так высоко на дерево, зачем забрались в скворечник и почему там погибли?

Но сколько ребята ни ломали голову над этим странным явлением, ничего не смогли придумать.

К тому же долго раздумывать было некогда — нужно спешить продолжать работу.

В этот день ребятам не удалось вычистить все скворечники. Незаконченную работу отложили на следующий день.

Придя снова в парк, Боря вдруг вспомнил, что ведь он так и не вычистил тот самый скворечник, где вчера нашёл мёртвых мышей; только выкинул из птичьего домика этих зверьков.

Боря подставил лестницу, забрался наверх, запустил руку в скворечник и даже вздрогнул: его пальцы вновь нащупали твёрдый, покрытый шерстью комочек.

Мальчик вынул его. Опять мёртвый мышонок, а вот и второй. Но ведь Боря хорошо помнил, что вчера выбросил из скворечника всех зверьков. Значит, эти только сегодня забрались в домик и тоже погибли в нём.

— Может, их кто-нибудь сюда приносит? — сказал один из ребят.

А кто? Кошкам ни к чему прятать мышей так высоко на дерево. Куница? Зачем она сюда заберётся, в парк, на окраину города? Хорёк

или ласка? Но ведь эти зверьки по деревьям не лазают. Белка? Нет, белка мышей никогда не ловит. Вот птичьи яйца или даже новорождённых птенцов, если найдёт в гнезде, обязательно съест, а мышей ловить не будет. Кто же тогда?

Ребята терялись в догадках.

— Давайте покараулим здесь, — предложил Боря. — Устроим дежурство круглые сутки, наверное, кого-нибудь выследим.

— Верно, — согласились все ребята. — Завтра воскресенье, в школу идти не нужно, вот и будем дежурить по очереди всю ночь и завтра весь день.

Так и договорились.

Боре, поскольку он обнаружил эту находку, предоставили право дежурить первому. Дежурство решили начать с вечера, как только станет смеркаться.

И вот над парком засинели ещё по-зимнему ранние сумерки. В окнах соседних домиков зажглись огни.

Звонкая вечерняя тишина нарушалась только отдельными звуками. Где-то неподалёку закрипела калитка, застучали вёдра, слышался смех ребят. Очевидно, шли за водой к ближайшей колонке. Потом заворчал, прокатил по дороге пустой грузовик и, провожая его, залилась лаем собака.

Боря сидел под деревом и не спускал глаз со скворечника, за которым он наблюдал.

С каждой минутой становилось темнее, так что трудно было что-нибудь разглядеть среди сучьев и веток старых деревьев. Но Боря выбрал себе такой наблюдательный пункт, чтобы скворечник был от него прямо на запад, то есть на вечернюю зарю. Её последний свет ещё не погас, и на желтоватом фоне зари чётко вырисовывался птичий домик.

Боря напряжённо прислушивался: не раздастся ли хоть малейший шорох, когда поджидаемый им зверёк начнёт взбираться с добычей вверх по стволу. Но никакого шороха мальчик не слышал.

И вдруг что-то бесшумно мелькнуло среди ветвей. В следующее мгновение Боря увидел, как на сучок возле скворечника села птица. Она была небольшая, величиною немного крупнее скворца, но с виду совсем на него не похожа.

Птица была толстенькая, коротенькая, с большой головой. Она держала мышь.

Птицу нетрудно было узнать. Конечно, это ночной глазастый охотник — сыч.

Маленький крылатый хищник посидел на сучке, потом так же бесшумно подлетел к скворечнику и забрался внутрь.

Вскоре он вылетел обратно, уже без добычи, и тут же исчез в темноте. Боря быстро вылез из своей засады. Больше дежурить не нужно, всё выяснилось: этот птичий домик сыч приспособил для своей кладовки.

НАСЕДКА

Весна. В ложбинке у дорожки
Журчит невидимый ручей.
Осины длинные серёжки
купают в золоте лучей.

В бору пестреет бугорок,
Покрыт травой буроватой,
Из-под неё глядит сморчок,
Как гномик в шапочке помятой.

С бугра беззвучно речь ведёт:
— Встречай весну, лесной народ! —
И зяблик, сидя на сосне,
Уже поёт привет весне.

Такая картинка ранней весны, конечно, знакома каждому, кто в эту пору может заглянуть в ближайший лес и побродить по влажной, едва только освободившейся от снега земле.

Такая картинка пробуждённой природы открылась и перед глазами ребят, когда они шумной ватагой отправились с лесником дядей Фёдором помогать ему жечь в лесу хворост. Этот хворост остался от зимней рубки деревьев, и его нужно было убрать.

Мальчики шли по дороге, весело переговариваясь и поглядывая по сторонам.

Хорошо в эту пору в лесу! Он ещё не оделся листвой, весь казался прозрачным, будто умылся весенними водами, каждая ветка блестела на солнце.

Ветви осинки были сплошь увешаны длин-

ными серёжками, а молодые берёзки уже начинали чуть-чуть зеленеть.

По кустам и деревьям на все лады распевали птицы, и, словно передразнивая их, в ближайшем болоте весело урчали лягушки.

— Гляди, гляди, сколько лягушачьей икры! — воскликнул один из ребят, шедший по краю дороги.

Он поднял с земли сучок и начал им легонько трогать огромные комья прозрачной слизи, плававшие в придорожной канаве. Товарищи обступили его.

— И ведь из каждой икринки головастик выведется, — говорили ребята. — Тьма их тут будет, прямо не счесть!

— Ну, молодёжь, чего остановились? Пошли, пошли! — окликнул шедший впереди дядя Фёдор.

Все опять двинулись в путь, поминутно открывая новые и новые признаки весны. Вон в стороне сухой высокий бугор, лиловый от крупных, похожих на колокольчики цветов, — это цветёт сон-трава. А вот у самой дороги большая муравьиная куча. Она уже ожила под лучами весеннего солнца. Издали кажется, что поверхность кучи вся движется, будто кипит тёмной блестящей смолой. Это тысячи муравьёв суетятся, бегают взад и вперёд, чинят свой муравейник.

— Ой, ребятки, сморчков-то сколько! —

отозвался в сторонке чей-то радостный голос.

И все побежали скорей собирать эти первые весенние грибы.

— Вы что, по грибы в лес пришли? — опять добродушно окликнул ребят дядя Фёдор. — Вот не возьму вас с собой, оставайтесь здесь.

— Нет, нет, дядя Федя, мы тебя мигом догоним! — кричали ребята, собирая грибы кто в шапку, а кто прямо в карман.

Наконец добрались и до вырубки. Тут лежали большие кучи хвороста. Лесник показал ребятам, как нужно их поджигать.

В эту пору, пока земля ещё сырая, бояться пожара нечего. Но всё-таки дядя Фёдор зорко поглядывал за тем, как в разных концах вырубки закурились синие дымки и начал весело потрескивать уже подсохший на солнце хворост. К запахам весеннего леса прибавился горьковатый запах дымка.

Дядя Фёдор повёл ребят на край вырубки. Там тоже виднелась куча хвороста, а за ней начинался лес.

Ребята нарвали прошлогодней травы, подложили под хворост и подожгли. Пламя лизнуло сухую листву, и красноватые языки стали весело перебегать с ветки на ветку.

Налетел ветерок, сразу раздул костёр. Золотой сноп огня метнулся в сторону.

И в тот же миг под хворостом что-то зах-

лопало, зашумело. Большая пёстрая птица вырвалась из-под веток и полетела вдоль вырубки низко, над самой землёй.

— Тетёрка! — вскрикнул лесник, бросаясь к месту, откуда вылетела птица.

На земле из-под хвороста виднелось гнездо и в нём — крупные светлые яйца.

— Гнездо сгорит! — закричали ребята.

Но лесник уже заминал ногами огонь.

— Оттаскивай сучья! — командовал он.

Все бросились на подмогу. Через минуту огонь был погашен.

— Вот ведь что значит наседка — детей выводит, — покачал головой дядя Фёдор. — Люди рядом, огнём чуть не спалило, а она сидит, до последнего терпит. Придётся эту кучу не трогать, — добавил он.

Поправив растасканный возле гнезда хворост, мальчики с лесником пошли на другой конец вырубки. Смотреть ещё раз гнездо тетёрки дядя Фёдор не разрешил.

— Нельзя её больше тревожить, — сказал он. — Дня через два придём, тогда поглядим, вернулась к гнезду или нет.

Делать нечего, пришлось ждать.

Очень хотелось ребятам на другой же день сбежать посмотреть спасённое гнездо. Хотелось, да нельзя: ну-ка дядя Фёдор узнает! Никогда больше в лес с собой не возьмёт.

Наконец прошли эти два дня. И вот ребята и дядя Фёдор опять в лесу. Осторожно, ста-

раясь не хрустнуть сучками, подкрадываются они к куче хвороста. Сидит или нет?

— Сидит, сидит, — первым заметил и зашептал лесник.

Ребята сначала ничего не могли разглядеть.

— Где? Где?

— Да вон под ветками...

Дети подвинулись ещё ближе и тут наконец увидели сидящую в гнезде тетёрку. Вся пёстрая, на пёстрой земле она была совсем незаметна.

— Рядом пройдёшь — не заметишь! — негромко сказал один из ребят.

— Сидит-то как тихо, ни одним пёрышком не шевельнёт! — отозвался другой. — Боится нас, а гнезда не бросает. Значит, гнездо ей дороже жизни.

— Ну, ребята, нечего зря и тревожить, — сказал дядя Фёдор. — Пусть сидит да птенцов выводит.

И лесник с детьми потихоньку пошли домой.

РАННИЕ ГОСТИ

Весна наступила ранняя. Уже в конце февраля на полях показались проталины и по ложбинам зажурчали ручьи.

Возвращаясь из школы, Ваня спешил приготовить уроки и потом весело бежал к отцу.

— Папа, я уже всё выучил! Идём в мастерскую.

— Вот егоза, никакого покоя нет, — добродушно ворчал Пётр Михайлович. Он встал из-за стола, надевал ватную телогрейку и вместе с сыном шёл, минуя лужи, через оттаявший двор в небольшую пристройку, которую они оборудовали под столярную мастерскую.

В мастерской стоял самодельный верстак, по стенам на полках лежали необходимые инструменты — рубанки, стамески, молотки, а в углу белели обрезки досок. Вокруг них весь пол был засыпан свежими опилками и стружками. Тут особенно хорошо пахло смолой, будто в лесу.

Ваня отлично знал, что отец ворчит на него только для виду, а сам ждёт не дожждётся, когда, кончив работу, вернётся домой и они оба начнут что-нибудь мастерить.

Сколько дел по дому уже переделали! Скамейки, полки, даже кухонный стол — всё это их работа. Правда, мастерит в основном Пётр

Михайлович, а Ваня только ему помогает. Ну и что же? В этом году он уже научился пилить, строгать и совсем не так уж часто попадает молотком по пальцам, когда забивает гвозди. Папа подбадривает его, говорит, что из него выйдет дельный столяр, нужно только стараться. И Ваня старается изо всех сил. Вот и сегодня: только вошли в мастерскую, Ваня скорее снял со стены пилу, достал топор, молоток.

— Ну, папа, что будем нынче делать?

Пётр Михайлович лукаво взглянул на сына:

— Сегодня, Ванюша, я ничего делать не буду, а будешь мастерить ты сам.

Ваня очень обрадовался:

— Ну что ж, я готов.

Отец достал из угла обрезки нестроганных досок и передал сыну.

— Размерь, распили их и сколоти птичий домик — скворечник.

— Папа, прежде всего доски обстругать нужно. Видишь, какие они серые, некрасивые.

— Совсем не нужно. Скворечник не должен быть выструган, не должен резко бросаться в глаза. Такой домик птиц будет только отпугивать.

Ване было немножко жаль, что не удастся сделать скворечник беленьким, нарядным, но ничего не поделаешь: папа ведь лучше знает. Мальчик взял пилу и принял-

ся за работу. Трудился до самого вечера. Отец смотрел, поправлял, но не помогал сыну.

Наконец поздно вечером скворечник был готов. Ваня приколотил его к длинному шесту и поставил возле дома.

На другой день Ваня и Пётр Михайлович прикрутили проволокой шест к берёзе возле самого дома. Всё было в порядке, оставалось только ждать крылатых гостей.

Но долго ждать не пришлось. В конце марта, отправляясь в школу, Ваня выбежал на крыльцо. Яркое солнце слепило глаза, в лицо пахло свежестью и талой землёй.

В палисаднике неистово чирикали воробьи. А что это ещё за скрипящие, щебечущие звуки раздаются откуда-то сверху? Ваня поднял глаза. На берёзе возле скворечника сидел скворец. Он запрокинул головку, растопырил крылышки и что есть мочи скрипел, щебетал и свистел на разные голоса.

— Вот это здорово! — воскликнул от радости Ваня и помчался в школу — сообщить товарищам важную весть.

С этого дня каждое утро, уходя в школу, Ваня останавливался на одну минутку, чтобы полюбоваться на скворушку. А днём, возвратившись из школы, мальчик поминутно выбегал на крыльцо удостовериться — тут ли скворец, не улетел ли он, не покинул ли свой домик.

Скворец был не один. С ним вместе при-

летела скворчиха. Вначале обе птицы хлопотали с утра до ночи — таскали в домик прутики, пёрышки... А потом скворчиха стала появляться всё реже и реже. Большую часть времени она проводила в скворечнике, верно, устраивала там гнездо, готовилась снести яйца.

— Папа, а кошки не заберутся в наш домик? — спросил как-то Ваня.

— А ты устрой им преграду, — ответил Пётр Михайлович. — Наруби в лесу елового лапника и обвяжи им ствол берёзы: обвяжи так, чтобы колючие лапы торчали вниз. Ни одна кошка тогда на дерево не полезет.

На следующий день Ваня так и сделал.

Прошла неделя, другая. Уже на берёзе надулись почки, того гляди, лопнут. И вдруг случилась беда. Ещё ночью сквозь сон Ваня слышал, как за стеной что-то гудело и выло. А проснулся утром, глянул в окно, да так и ахнул: на дворе зима. Всё кругом — земля, крыши домов — было в снегу. Ваня сразу вспомнил о своих скворцах: как бы ещё не замёрзли.

Мальчик быстро оделся — и к отцу.

— Папа, опять зима. Наши скворушки не замёрзнут?

Пётр Михайлович покачал головой:

— Холод птицам не страшен. Другое дело: где им еду добыть? Земля под снегом, ни червяков, ни жуков не достанешь.

— А если хлеба на снег покрошить?

Отец пожал плечами:

— Попробуй. Только вряд ли они будут крошки в снегу подбирать. Скорее их воробьи поклюют.

Ваня надел куртку, выбежал во двор. Резкий, холодный ветер трепал ветви берёзы. На шесте угрюмо торчал скворечник, а возле него сидели, нахохлившись, оба скворца.

Ваня взял ломоть чёрного хлеба, раскрошил, разбросал под деревом и, спрятавшись за дверь, стал ждать. Всё напрасно. Скворцы даже не пошевелились, наверное, и не заметили предложенную им еду. Как же быть? Но думать об этом уже было некогда, нужно спешить в школу.

С тяжёлым чувством брёл Ваня по улице на другой конец деревни, где находилась школа. Дорогой мальчик всё оглядывался: не слетят ли скворцы на землю? Но две тёмные точки неподвижно чернели на сучке берёзы. Ваня последний раз взглянул на них и уныло вошёл в класс.

Зима воротилась не на шутку. Третий день не отпускал мороз, и сердитый ветер гнал по полям струйки позёмки.

Все птицы попрятались кто куда. Одни грачи, как чёрные головешки, торчали у своих гнёзд в берёзовой роще.

Оба скворца тоже всё сидели на одном месте возле скворечника. Они будто примёрзли к своему сучку и, казалось, так ни разу не сдвинулись с места.

— Плохи дела, — качал головой Пётр

Михайлович. — Пожалуй, этак помрут с голодухи. Ведь не скажешь им, чтобы на снег слетели, что там им еда приготовлена.

— Папа, а если им корм прямо в скворечник насыпать? — спросил Ваня.

— Нет, спугнёшь только, — ответил отец и, вдруг улыбнувшись, сказал: — А ты, сынок, хорошую мысль подал. В скворечник еду мы сыпать, конечно, не будем, а вот что попробуем: сколотим из дощечек кормушку, положим туда хлеба, творогу, каши и подвесим кормушку к скворечнику. Может, так они скорее сообразят, что им делать.

К вечеру кормушка была готова. К ней приделали верёвки так, что она могла висеть на сучке, как люлька.

Когда стемнело, Пётр Михайлович осторожно приставил к берёзе лестницу и забрался с кормушкой на самый верх. Там он перекинул верёвку через толстый сук и укрепил кормушку под скворечником.

Потом спустился на землю и нижний конец верёвки обвязал вокруг ствола.

— Понимаешь, в чём дело, — сказал он Ване, — кормушка у нас получилась подъёмная: хотим — на землю спустим, а захотим — опять кверху подтянем. Мы теперь в неё можем сыпать корм прямо с земли, не залезая на дерево, не тревожа птиц. Вот только будут ли они есть его?

Наутро отец и Ваня проснулись чуть

свет, и оба сейчас же бросились к окну. На дворе было по-прежнему хмуро и холодно. Печально торчал на шесте скворечник, а под ним темнела, слегка покачиваясь, кормушка.

Но где же скворцы? Может быть, греются в домике или они улетели куда глаза глядят? А может, замёрзли?

Вдруг Ваня схватил отца за рукав:

— Папа, гляди!

Из скворечника выглянула чёрная головка. Птичка глянула направо, налево и вылетела прямо в кормушку.

— Вот это разумно, — одобрил Пётр Михайлович.

— А где же другой скворец? — забеспокоился Ваня.

— Ну, брат, теперь оба целы будут, — успокоил его отец. — Уж если еду нашли, не помрут.

И действительно, вскоре в кормушке завтракали уже оба скворца.

СОЛОВЬИНАЯ ДУДОЧКА

Конец мая — лучшая пора весны. В лугах уже поднялась, загустела трава, и вся земля как будто оделась в зелёное платье с золотистым горошком из цветков одуванчика.

Разве усидишь в такую пору дома в вос-

кресный день? Вот я и не усидел. Уже под вечер взял удочку... и через час очутился далеко за Москвой, среди цветущих лугов, среди таинственного шороха молодой листвы.

Пройдя немного, я выбрался к небольшой речке с забавным названием — Незнайка, уселся на бережок и закинул удочку. Просидел с полчаса. Не клюёт. Зато кругом так хорошо! Солнце спускается к горизонту всё ниже и ниже, уже за верхушками деревьев спряталось. Над берёзами закружились майские жуки. У берега квакнула лягушка. И вот где-то невдалеке, в черёмуховых кустах, раздался протяжный певучий посвист, следом за ним — громкая трель и снова посвист: запел соловей.

Я слушал его, глядел на заходившее солнце и думал о том, как много обаяния в нашей родной природе. Эти луга, и холмы, и зелёные острова берёзок среди полей — как хорошо всё это! Недаром же неповторимый художник Левитан всю силу души, весь свой талант отдал этому краю. И недаром все мы беззаветно любим свою родную землю.

Я так задумался, что даже вздрогнул, услышав за спиною лёгкий шорох. Обернулся, гляжу: возле меня мальчик стоит, да такой забавный — в светлой рубашке и в большой коричневой шляпе, наверное отцовской. Ну настоящий белый грибок! Стоит, в моё пустое ведёрко заглядывает.

— Ничего не поймали?

— Как видишь.

«Грибок» сочувственно кивнул головой:

— Плохи дела.

— Совсем не плохи, — улыбнулся я.

Мальчуган недоверчиво поднял на меня глаза, а я продолжал:

— Разве дело в том, чтобы побольше рыбы поймать? Совсем не в этом. Я вот сижу на берегу, смотрю, как солнце садится, как зеленеют берёзы. А вот осинки ещё не распустились, потому что каждое дерево, каждый кустик в свой срок весной оживает. Знаешь, как интересно понаблюдать за всем этим! Иной раз так засмотришься, что и про рыбу забудешь.

Мальчуган внимательно слушал, видимо сочувствуя моим словам. Когда я кончил, он помолчал немного и вдруг спросил:

— А как папоротник цветёт, вы тоже видели?

— Не видал. Да этого и не бывает: у папоротника цветов нет.

Мальчик недоверчиво взглянул на меня:

— А вот бабка Дарья говорит — он ночью цветёт.

Я хотел ответить, что всё это сказки, но тут вдруг вспомнил, как и сам когда-то, вот таким же мальчишкой, вместе с другими ребятами бегал в ночь под Ивана Купала в лес искать сказочные цветы папоротника. Потом,

когда стал постарше, узнал, что папоротник вообще не цветёт. Но от этого ничуть не померкла в памяти прелесть таинственных поисков среди тёмной пахучей листвы, при тусклом свете летних мерцающих звёзд.

Я взглянул на мальчика. Но он, видимо, уже забыл о сказочном ночном цветке и к чему-то прислушивался.

Совсем близко от нас защёлкал, запел соловей.

— Слышите?

Я кивнул головой.

— А знаете, почему он так звонко поёт? Дудочка у него такая есть.

Я не сразу понял.

— Какая дудочка?

— Махонькая. Из пёрышка сделана. Он клювом пёрышко у себя из крыла выдернет, обчистит его, потом в клюв возьмёт и заиграет. Потому так звонко и получается.

— Это тоже бабка Дарья рассказывала?

Мальчик утвердительно кивнул головой.

И я как-то сразу представил себе эту старушку. Выйдет она на крылечко под вечер, соберёт детвору и начнёт рассказывать о таинственном полуночном цветке или о звонкой соловьиной дудочке.

Слушают ребятишки сказки про чудеса родной природы, учатся крепче чувствовать и любить её.

— А давай подкрадёмся к соловью, погля-

дим, как он играет на дудочке, — предложил я.

И вот мы осторожно пробираемся среди кустов к невидимому певцу. Но уже темнеет. В густых ветвях и не разглядеть невзрачной маленькой птички. Мы останавливаемся за-таив дыхание.

Из кустов вырывается мощный поток звуков. Он разносится далеко-далеко по уснувшим речным просторам. Не верится, что такой сильный голос может быть у крохотного крылатого певца. Уж и впрямь не играет ли он на волшебной дудочке?

Кругом темно. Весенняя ночь ревниво хранит свои тайны.

Неожиданно кто-то из нас наступил ногой на сучок.

Лёгкий хруст — и певец умолк.

— Темно, не разглядишь... — вздохнул мальчуган и вдруг встрепенулся: — Ой, поздно уже! Мамка браниться будет.

Не успел я опомниться, как мой спутник исчез в кустах.

Я остался один среди черёмуховых кустов, среди прозрачных сумерек наступавшей весенней ночи. Не торопясь, вернулся к реке, смотал удочку и побрёл на станцию.

Тропинка, по которой я шёл, то выводила меня на бугор, то вновь скрывалась в кустах, и я погружался в белую черёмуховую пену, в гремящие волны соловьиных трелей.

Казалось, из каждого куста, усыпанного крупными пахучими гроздьями, несётся песня без слов, песня самой весны. Её исполняли десятки, сотни невидимых музыкантов на своих сказочных дудочках.

Я старался идти медленно, чтобы подольше остаться наедине с этой ночью, полной цветов и песен. А в душе возникали светлые, радостные мысли и тут же легко и просто складывались в слова. Как будто сама весенняя ночь говорила мне:

Ты счастья ждёшь давно,
Глядишь пытливым взглядом.
Но кто его дарит,
Не знаешь, добрый друг.
А счастье — вот оно,
Оно с тобою рядом.

Ты только посмотри
Внимательней вокруг.
Вон у реки в кустах
Теряется тропинка.
Иди по ней к реке,
Иди куда-нибудь.
И первая звезда,
Как голубая льдинка,
Сверкнувши вдалеке,
Тебе укажет путь.

ДРУЖБА

Сидели мы как-то с братом зимой в комнате и глядели на двор в окно. А на дворе, у забора, вороны и галки копались в мусоре.

Вдруг видим — прилетела к ним какая-то птица, совсем чёрная, с синевой, а нос большой, белый. Что за диво: ведь это грач! Откуда он зимой взялся? Глядим, ходит грач по помойке среди ворон и прихрамывает немножко — наверное, больной какой-нибудь или старый; улететь на юг не смог с другими грачами, вот и остался у нас зимовать.

Потом каждое утро повадился грач к нам на помойку летать. Мы нарочно хлебца ему покрошим, каши, творожку от обеда. Только мало ему доставалось: всё, бывало, вороны поедят — это уж такие нахальные птицы. А грач тихий какой-то попался. В сторонке держится, всё один да один. Да и то верно: своя братия улетела на юг, он один остался; воро-

ны — ему компания плохая. Видим мы, обижают серые разбойницы нашего грача, а как ему помочь, не знаем. Как его покормить, чтоб вороны не мешали?

День ото дня грач становился всё грустнее. Бывало, прилетит и сядет на забор, а спуститься на помойку к воронам боится: совсем ослаб.

Один раз посмотрели мы утром в окно, а грач под забором лежит. Побежали мы, принесли его в дом; он уж еле дышит. Посадили мы его в ящик, к печке, попонкой закрыли и дали всякой еды.

Недели две он так у нас просидел, отогрелся, отъелся немножко. Думаем: как же с ним дальше быть? Не держать же его в ящике всю зиму! Решили опять на волю выпустить: может, он теперь покрепче будет, перезимует как-нибудь.

А грач, видно, смекнул, что мы ему добро сделали, значит, нечего людей и бояться. С тех пор целые дни так вместе с курами во дворе и проводил.

В это время жила у нас ручная сорока Сиротка. Мы её ещё птенцом взяли и выкормили. Сиротка свободно летала по двору, по саду, а ночевать возвращалась на балкон. Вот видим мы — подружился наш грач с Сироткой: куда она летит, туда и он за

ней. Однажды глядим — Сиротка на балкон прилетела, и грач тоже вместе с ней заявился. Важно так по столу разгуливает. А сорока, будто хозяйка, суетится, вокруг него скачет.

Мы потихоньку высунули из-под двери чашку с мочёным хлебом. Сорока — прямо к чашке, и грач за ней. Позавтракали оба и улетели. Так они каждый день начали на балкон вдвоём прилетать — кормиться.

...Прошла зима, вернулись с юга грачи, загалдели в старой берёзовой роще. По вечерам усядутся парочками возле гнёзд, сидят и переговариваются, будто дела свои обсуждают. Только наш грач не нашёл себе пары, по-прежнему всюду летал за Сироткой. А под вечер сядут они возле дома на берёзку и сидят рядышком, близко так, бок о бок.

Посмотришь на них и невольно подумаешь: значит, и у птиц тоже дружба бывает.

НА РАЗЛИВЕ

Весеннее половодье было в самом разгаре. Кругом разлилась река, затопила луга, болота и даже прибрежный лес.

Среди этого моря воды, будто острова, темнели холмы, поросшие кустами и низкорослым корявым дубняком.

Ярко светило солнце. Над водою кружились чайки, изредка проносились утки. Вытянув длинные шеи и быстро махая крыльями, они летели к берегам в тихие, спокойные заводи.

Ни одна из них не подлетала на выстрел, и я только напрасно держал наготове ружьё.

Мой приятель Иван Кузьмич, старый охотник, сидел на корме и, ловко подгребая одним веслом, направлял лодку к небольшому островку. Там мы хотели устроить шалаши и на заре покараулить селезней.

Вода прибывала. Это можно было заметить по усилившемуся течению и по тому, что мимо нас по разливу всё чаще и чаще проплывали сучки, ветки и охапки сухого прошлогоднего сена.

— Погляди, что с птицей-то делается, — указал мне Иван Кузьмич.

Тут я только заметил, что количество птиц над разливом значительно увеличилось. Помимо чаек, над водой и в особенности около мелких островков, исчезающих прямо на наших глазах, летали и кружились воробны, коршуны, сарычи.

Поминутно то одна, то другая птица камнем бросалась в воду и взлетала, держа пойманную добычу.

— Ну, теперь мышам карачун пришёл, — пояснил мой приятель. — Вода прибывает, куда деваться? Приходится плыть, а на открытой

воде не больно схоронишься. Ишь как хватают! Теперь птице раздолье.

Неожиданно Иван Кузьмич резко повернул лодку в сторону.

— Постой, постой, куда ты, дурень? Утонешь ведь! — И с этими словами он быстро опустил руку за борт, поддел кого-то ладонью и посадил в лодку.

Ну и пассажир! На дне лодки, фыркая и отряхиваясь от воды, сидел ёжик.

Иван Кузьмич тронул его кончиком сапога. Ёж сейчас же сердито запыхтел и свернулся в клубок.

— Вот тебе и раз! — засмеялся товарищ. — Я же его, можно сказать, от гибели спас, а он со мной знаться не хочет. Ну пыхти, пыхти, если ты такой сердитый. — И Иван Кузьмич,

не обращая больше внимания на ежа, снова направил нашу лодку к намеченному заранее острову.

Мы проплывали мимо полузатопленного дерева. Взглянув на его нижние ветви, почти касавшиеся воды, я сразу даже не понял, что такое на них — не то серые прошлогодние листья, не то какие-то комочки грязи. Да

вовсе нет — это всё мыши-полёвки и водяные крысы взобрались на сучья, спасаясь от полой воды. В густых сучьях их не могли заметить и пернатые хищники.

— У-у, поганцы! — сурово проворчал Иван Кузьмич. — Брысь отсюда! — И он сильно стукнул веслом по сукам.

Что тут только поднялось! Вода под деревом будто закипела от бросившихся в неё сотен зверьков.

Мы быстро отплыли в сторону, а возле затонувшего дерева уже кружились вороны и другие птицы, выхватывая из воды добычу.

— Как скоро заметили, — усмехнулся Иван Кузьмич. — Ну и глазищи! Вот бы нам с тобой! Ни одна бы дичь тогда не ушла.

— А это кто же плывёт? — спросил я, указывая на движущуюся в воде тёмную головку зверька.

Мы догнали бойкого пловца. Заяц! Вот так история! Я и раньше знал, что этот зверёк в случае крайней нужды может плавать, но никогда не думал, что он плавает так хорошо.

И всё-таки вряд ли ему удалось бы благополучно добраться до берега. Плыть предстояло ещё далеко, а главное, крылатые хищники разве дали бы ему добраться?

Заметив приближение лодки, заяц пытался от нас удрать, но быстрее плыть он уже не

мог. Зверёк начал шлёпать по воде лапами, поднимая брызги.

Мы тут же его настигли. Я схватил косого за уши и тоже втащил в лодку.

— Ну, дед Мазай, а куда сажать будешь? — весело крикнул мой спутник.

Действительно, сажать зайца было некуда, а отпускать нельзя — он сейчас же опять прыгнет в воду.

— Ба! А сетка на что?

— Это верно.

Я опять поднял зверька за уши. Иван Кузьмич подставил сетку для дичи, и в один миг живой заяц сделался охотничьим трофеем.

— Вот теперь надень сетку через плечо и будешь не дед Мазай, а барон Мюнхгаузен! — рассмеялся товарищ. — Скажешь, что у тебя зайцы сами живьём в сетку прыгают.

— Ладно, ладно, нечего смеяться, — ответил я. — У нас ещё твоя сетка есть. Посмотрим, какого зверя ты в неё посадишь.

Мы поплыли дальше, внимательно осматривая тихую гладь воды и желая поскорее заметить ещё кого-нибудь из тех, кому понадобилась бы наша помощь.

— Эй, кумушка, куда же ты забралась? — воскликнул мой приятель и повернул лодку в сторону.

Впереди из воды торчало толстое сплен-

ное дерево, и на его верхнем конце над водой копошилось что-то ярко-рыжее.

Да ведь это лиса! Вот куда её загнала вода!

Заметив нас, лисица засуетилась и, не подпустив лодку шагов на сто, бросилась в воду и поплыла.

— Тебя не догонишь! — покачал головой Иван Кузьмич. — Ну что ж, плыви, если в компанию к нам не хочешь.

Мы поплавали ещё по разливу, но сетка приятеля так и осталась пустой, больше «добычи» нам не попало.

Наконец мы подплыли к намеченному островку, вытащили на берег лодку и покрепче привязали к дереву. Вода всё прибывала, лодку могло унести.

Остров, на который мы высадились, был низкий, его быстро заливало водой.

— На другой надо ехать, какой повыше, — решил Иван Кузьмич.

— А давай-ка пройдемся по этому, — предложил я, — посмотрим, кто здесь спасается.

Мы пошли в глубь острова.

— Держи, держи! — неожиданно крикнул приятель.

Из-под самых ног у него выскочил заяц и огромными прыжками пустился наутёк.

Пройдя немного, мы выпугнули из кустов ещё двух зайцев.

— Жаль косых, — сказал Иван Кузь-

мич. — Зальёт островок — и капут им. Куда поплывёшь?

— А нельзя ли их как-нибудь поймать и на берег переправить? — спросил я.

— Да разве их голыми руками поймаешь? — ответил приятель. — Если бы сеть была, тогда другое дело.

Мы вошли в небольшой дубовый лесок.

— Кто же там ходит? Кажется, лошадь. Но зачем она сюда попала?

Мы подошли поближе.

— Это же лось, — тихо сказал Иван Кузьмич. — Чудно! Чего ж он тут околачивается? Давно бы уплыл. Ведь ему переплыть такой разлив — раз плюнуть.

Но лось, даже заметив нас, видимо, не собирался покидать остров. Он только беспокойно забегал между деревьями, прижимая уши и сердито топая ногами.

Почему он не убегает? Мы подошли ещё ближе. Тогда лось отбежал на самый мыс и остановился там у воды, тревожно поглядывая в нашу сторону.

— Э-э, глянь-ка сюда! — окликнул меня приятель, указывая под дубовый куст.

Я подошёл.

Под кустом, среди прошлогодней листвы, лежал лосёнок. Он лежал неподвижно, прижавшись к земле и совершенно сливаясь с окружающей серовато-жёлтой листвой.

Издали малыша можно было принять скорее за холмик земли, чем за живое существо.

— Вот, значит, в чём тут дело, — сказал Иван Кузьмич. — Он тут на островке и родился, а это матка его, лосиха, — кивнул он в сторону мыса, где всё так же взволнованно перебегал с места на место огромный, похожий на бурую лошадь дикий зверь.

— Ах ты, малышка! — добродушно засмеялся Иван Кузьмич, глядя на затаившегося лосёнка. — Лежит не шелохнётся, а у самого небось душа в пятки ушла. Да и как не уйти, когда два таких страшилища появились! Стоят над тобой и не уходят. А ты, дружок, нас не бойся, мы тебе зла не сделаем, наоборот — от беды спасём. — Иван Кузьмич поглядел на меня и сказал: — Надо его на берег переправить, а то как вода придёт, так ему здесь и крышка.

— А как же лосиха? Где же она его там, на берегу, искать будет?

— Найдёт, об этом не беспокойся. — Иван Кузьмич снял с себя ватную куртку и, осторожно нагнувшись, сразу накрыл ею лосёнка. — Вот и попался!

Лосёнок мигом очнулся от своего оцепенения; он забился, стараясь вырваться, и жалобно запищал.

В тот же миг в стороне послышался треск сучьев, какой-то глухой храп.

Я оглянулся и невольно схватился за ружьё: бешено всхрапывая, угрожающе топая ногами, к нам бежала лосиха.

Страшен вид разъярённого зверя, когда он защищает своего детёныша. Шерсть на загривке у лосихи поднялась дыбом, уши приложены, ноздри яростно раздулись, из полуоткрытого рта вырывался не то сдавленный стон, не то какое-то мычание.

Не замечая ничего кругом, она наткнулась на молодую берёзку. Удар ноги — и деревце, будто срубленное, полетело в сторону.

— Пальни, вверх пальни! — крикнул мне товарищ, пятясь за дерево, но не выпуская из рук лосёнка.

Я вскинул ружьё и выстрелил.

Лосиха шарахнулась в сторону, отскочила на несколько шагов и остановилась.

— Дурёха, мы ж твоего дитёнка спасаем, а ты на нас! — укоризненно проговорил Иван Кузьмич.

Мы направились к берегу, и лосиха, громко, отрывисто охая, побежала за нами лесом. Она поминутно останавливалась и тревожно глядела на нас. Страх за детёныша на время победил у неё даже страх перед человеком.

Мы отвязали лодку и поплыли. Товарищ снова взялся за весло, а мне передал лосёнка.

Малыш, угревшись в тёплой куртке, совсем успокоился. Он больше не вырывался и

не кричал, а только пугливо озирался по сторонам своими большими тёмными глазами. Казалось, он искал свою мать.

— Назад обернись, гляди, — сказал мне Иван Кузьмич.

Я оглянулся. Позади лодки, немного в стороне, из воды высовывалась горбоносая морда плывущей лосихи.

— Видал? Вот что значит мать-то.

Вдали показался берег. Всё ближе и ближе. Вот уже лодка чиркнула о дно мелководья и остановилась.

Мы вынесли лосёнка на берег, опустили на землю и отошли к кустам. Но малыш, видимо, настолько растерялся, что даже не побежал прочь. Он встал на свои ещё некрепкие ножки, огляделся и вдруг побрёл прямо к нам.

— Ну, вот те и на! — развёл руками Иван Кузьмич. — Иди-ка ты лучше к матери, вон она уже на берег выскочила.

Выбежав на сухое место, лосиха издала негромкий, очевидно призывный, звук. Лосёнок мигом обернулся, насторожил уши и нетвёрдыми шагками побежал на зов.

— Беги, беги. Тут-то, брат, попривольнее будет, — ласково проговорил ему вслед Иван Кузьмич.

Мы сели в лодку и поплыли к острову городить шалаши.

КУРОЧКА-КАМЫШНИЦА

Поехали мы как-то с сыном Володей на лодке за утками. Долго плавали среди камышей, а уток всё нет и нет. Но вот наша лодка выплыла в широкий залив. По краям у берегов камыши топорщатся густой зелёной щетиной, а середина залива чистая, ни травинки, одна вода.

Только видим, вдали на воде что-то чернеет, а что — разглядеть не можем. Стали подъезжать ближе, смотрим — плывёт какая-то птица. Плывёт от нас, торопится, а почему-то не улетает.

Володя поднял ружьё, но в тот же миг птица исчезла под водой. Через несколько секунд она вынырнула в другом месте. Володя снова прицелился и выстрелил. Дробь так и брызнула по воде, а птицы уже нет. Значит, нырнула и ушла из-под выстрела.

Мы подплыли поближе, ждём, пока она снова вынырнет. Вдруг

я вижу — невдалеке от нас из-под воды показалась какая-то тёмная точка. Показалась и скрылась. Потом опять появилась и опять исчезла.

Приметил я получше это место, взялся за вёс-

ла и направил туда лодку. Володя глядит на меня, ничего понять не может:

— Куда ты, папа, плывёшь?

А я молчу, смотрю в одну точку, боюсь это место на воде потерять. Подплыл, гляжу через борт и вижу: сидит под водою небольшая птица, лапками за водоросли держится, а головка у самой поверхности, чуть-чуть только водой прикрыта. Значит, это она головку из воды высовывала. Наберёт воздуха, поглядит — тут ли мы, и опять под воду спрячется.

Опустил я осторожно руку да как схвачу птицу. Вытащил наружу и сыну показываю:

— Вот смотри, как охотиться нужно.

— Кто это? Кто это? — спрашивает Володя.

А птица бьётся у меня в руках, вырваться хочет. Вся она тёмная, почти чёрная, головка маленькая, клюв остренький, короткий, а лапы огромные, зелёные, и пальцы длинные, как у цапли.

— Это, — говорю, — болотная курочка-камышница. Она очень хорошо по болоту бегает, и плавает, и ныряет, а вот летает плохо. Потому она и не любит на крыло подниматься. Она и от нас хотела под водой спрятаться, да не удалось. Мы её и под водой поймали.

— А знаешь, папа, — сказал Володя, — давай-ка её в камыши выпустим. Ведь мы

же её не застрелили. Это не по-охотничьи — руками ловить.

— Что ж, давай выпустим, — согласился я.

Мы подплыли поближе к камышам. Дальше плыть было трудно — вся вода покрыта широкими плавучими листьями кувшинок.

— Ну, Володя, гляди, пускаю! — И я выпустил нашу пленницу из рук.

Она тяжело пролетела несколько метров, опустилась на воду, прямо на листья, и вдруг побежала по ним, да так ловко, прямо как по земле — с листа на листок, с листа на листок! — и скрылась в камышах.

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО

Весенняя безлунная ночь.

Я выхожу из лесного кордона и сразу же погружаюсь в непроглядную тьму. Но дорога мне хорошо знакома. Я уверенно спускаюсь в низину, перехожу дощатый мостик через ручей, выбираюсь на пригорок и иду дальше по лесной дороге. Иду, руководствуясь вовсе не зрением, а догадываясь об окружающей меня местности по различным звукам и запахам.

Вот в стороне от дороги слышится вкрадчивое, ещё негромкое урчание лягушек. Значит, я прохожу мимо заболоченной низины. А дальше пойдёт сосновая грива. Как славно

запахло смолой! Под ногами чувствуется не грязь, а сухая земля — песок. За сосняком начинается берёзовое мелколесье. Лёгкий ветерок доносит горьковатый и очень приятный запах набухающих, готовых раскрыться почек.

О том, что кругом мелколесье, я догадываюсь ещё по лёгкому шуму при каждом порыве ветра. Так тихо, едва слышно могут шуметь только очень молодые верхушки деревьев.

Мелколесье кончается.

Я — на большой поляне. Теперь мне надо найти здесь мой шалаш. Его я смастерил ещё накануне днём, сделал из таких же тоненьких, срубленных мною берёзок. А все щели между ветками аккуратно заткнул клоками старого сена. Оно валялось тут же, подле кустов.

Наконец я ощупью нахожу шалаш и забираюсь внутрь. Входное отверстие я тщательно заделываю ветками и клоками сена.

Вот теперь хорошо. Теперь я могу спокойно сидеть в своей засаде и ждать рассвета.

На утренней зорьке сюда, на поляну, обязательно прилетят чёрные лесные петухи — тетерева. На это место они собираются каждую весну, чтобы попрыгать, погоняться друг за другом, померяться силами и громкой, задорной песней возвестить на весь лес о начале весны.

В моей засаде они меня не заметят, и, когда хорошо рассветёт, я сумею застрелить одного, а может, и парочку краснобровых лесных красавцев.

А пока до рассвета можно и подремать немного. Но дремать не приходится: ночью лес полон самых различных звуков. То филин заухал, то, свистя крыльями, пронеслась стая уток, а вот тоненьким голоском не то заржал, не то заверещал заяц. Только ранней весной и можно услышать голос этого робкого, молчаливого зверька.

Ночью весенний лес не замолкает ни на минуту. Ухо невольно ловит все эти странные, полные таинственной прелести звуки. Слушаешь их и стараешься угадать, кому из лесных крылатых или четвероногих обитателей они принадлежат.

Но, чу, где-то высоко в небе послышался негромкий, протяжный звук, будто там, в вышине, заблеял барашек. Это взлетел над болотистой низиной и затоковал бекас. Значит, скоро рассвет. Нужно устроиться поудобнее, положить рядом ружьё и сумку с патронами, чтобы всё было под руками.

Только я закончил необходимые приготовления, и вдруг возле самого шалаша как зашипит кто-то: «Чуфшшш...» Помолчал немного и снова: «Чуфшшш...» Вот он, желанный гость, — старый тетерев-токовик первым пришёл пешком на поляну и первым ещё до света подал голос тетеревиному сборищу, или току, как его называют охотники.

В ответ на призыв старого токовика из разных концов леса донеслось громкое чуфыканье. Тетерева начали слетаться на место тока.

Тяжёлые, крупные птицы садились вокруг моего шалаша. Я слышал их, но ничего не мог разглядеть в серой предутренней мути. Задорное чуфыканье раздавалось с разных сторон. С громким хлопанием крыльев тетерева подскакивали и перелетали с места на место. Потом они замирали и заводили звонкую воркующую трель: «Уру-ру-ру-ру... уру-ру-ру-ру...» Казалось, что вокруг меня переливаются и журчат невидимые весенние ручейки. Затем снова раздавалось чуфыканье, хлопание крыльев и поднималась какая-то возня: раззадорившиеся петухи начинали весёлую потасовку.

С каждой минутой становилось светлее. Теперь вся поляна казалась наполненной туманной серой мутью, и среди неё, то появляясь, то исчезая вновь, бегали, прыгали и перелетали с места на место какие-то тёмные силуэты.

Хорошо я их ещё рассмотреть не мог, но твёрдо знал по прошлому опыту, что это тетерева.

Ещё посветлело. Я уже ясно начал различать отдельных петухов. Они распускали лирой свои чёрные, на белой подкладке хвосты и, припав к земле, долго монотонно ворковали.

А вон в стороне, у куста, с громким чuffyканьем сходятся два лесных драчуна. Подступают друг к другу всё ближе, ближе, сейчас сцепятся.

Я направил на них ружьё, чтобы одним выстрелом взять сразу пару тетеревов. Но тут что-то случилось. Все тетерева разом сорвались с поляны и исчезли в лесу. Кто же спугнул их? Неужели ещё какой-нибудь охотник подкрадывается к токовищу?

Лёгкий треск сучьев заставил меня обернуться и поглядеть в сторону.

Из кустов на поляну выбирался кто-то на четвереньках. Охотник? Да нет, это вовсе не человек, а какой-то зверь. Медведь! Вот он совсем вылез из-за веток, а следом за ним выскочили два медвежонка.

В первую минуту мне сделалось как-то не по себе. Ружьё заряжено дробью на птицу, и ни одного пулевого патрона.

Но тут же я устыдился сам себя: «Какой же ты после этого натуралист, если испугался зверя в лесу, да ещё какого зверя — самого

трусливого! Ведь только свистни — его уж и след простыл».

Так, подбадривая себя и держа на всякий случай ружьё наготове, я следил из своей засады за косолапой семейкой.

Между тем мамаша с детьми вышли на полянку и занялись своими делами. Медведица начала разламывать лапами старые, трухлявые пни, засовывала морду в труху и, очевидно, выбирала оттуда разных жуков и личинок, а медвежата бегали возле матери, гонялись друг за другом и боролись, как толстые, неповоротливые щенки.

Потом один из них подбежал к матери и стал тоже тыкаться мордой в труху. Тем временем другой медвежонок отправился бродить по полянке.

Вдруг он остановился как вкопанный: очевидно, что-то заметил на земле.

Мне было очень интересно узнать, что именно увидел малыш, но я ничего не мог разглядеть.

Вот мишка приподнимается на дыбки и вперевалочку делает шаг, другой к заинтересовавшему его предмету. Потом снова опускается на четвереньки и осторожно, с опаской тянет лапу вперёд. Тронул что-то и скорее отдёрнул лапу прочь.

Стараясь не хрустеть сучками, я привстал, взял лежавший рядом бинокль и поглядел в него.

Ну и потеха! Перед медвежонком на зем-

ле сидит большая лягушка. Она, видно, только недавно очнулась от зимней спячки — сидит вялая, полусонная. Медвежонок тянет к ней лапу. Лягушка делает в сторону небольшой скачок. Мишка принимает это за игру. Он тоже неуклюже подскакивает вслед за лягушкой. Так они добираются до ближайшей лужи. Лягушка прыгает в воду, медвежонок суёт туда лапу, отдёргивает, трясёт ею и с удивлением смотрит, куда же девался его новый приятель.

Постояв в недоумении возле лужи, медвежонок нехотя отходит и бредёт дальше, прямо к моему шалашу. Он уже всего в каких-нибудь пятнадцати — двадцати шагах.

Я не могу оторвать глаз — до чего он хорош! Такой с виду мягонький, толстый, неповоротливый... Хочется взять его и потискать, побороться с ним, как с кутёнком. Даже не верится, что это вовсе не дворовый щенок, а лесной дикий зверь.

Он подходит ко мне ещё ближе. Это уже не совсем хорошо: ну-ка, заметит меня, испугается и закричит. Тут мамаша может броситься на защиту.

Конечно, по теории, медведя легко отпугнуть, но ведь одно дело — теория, а другое — опыт «на собственной шкуре».

Я пробую пугнуть непрошеного гостя — еле слышно щёлкаю пальцем по биноклю.

Медвежонок мигом услышал. Вот какой слух! Он поднимается на дыбки и пытается

заглянуть в шалаш. Наверное, он уже заметил меня, только не может понять, кто это сидит за ветвями.

Любопытство его разбирает. Он наклоняет головку то в одну, то в другую сторону. Какая плутоватая у него мордочка! Ни дать ни взять озорной мальчишка! Кажется, сейчас скажет: «Дяденька, ты что тут делаешь?»

Постояв немного, медвежонок неуверенно делает шаг, другой в мою сторону.

Нет, это уж слишком. Так, пожалуй, он и в шалаш ко мне заберётся. Пора кончать игру.

— Кши ты! — И я захлопал в ладоши.

Эффект получился полный. Медвежонок рывкнул, чуть не перекувыркнулся через голову и со всех ног кинулся к матери.

В один миг вся семейка исчезла в кустах.

Я тоже выбрался из шалаша. Вот и конец охоты. Значит, придётся домой возвращаться без дичи, пустым.

Ну и что же? Неужели такое знакомство в лесу не стоит убитого тетерева?

Конечно, стоит.

СТАРЫЙ БЛИНДАЖ

Пошёл я как-то весной в лес. В эту пору побывать в нём особенно интересно: у птиц и зверей появляются на свет детёныши.

Хорошо, например, разыскать где-нибудь в чаще ветвей гнездо дикой птицы и понаблюдать за тем, как заботливая мать кормит своих птенцов. Ещё интереснее последить за лесными четвероногими малышами — зайчатами или лисятами. Но зато и отыскать их совсем нелегко.

Всё утро бродил я в лесу. Где только не побывал: и в ельнике, и в молодом березнячке. Измучился. «Ну, — думаю, — теперь отдохну немного, а потом — домой».

Вышел я на полянку. Вот где благодать-то!

Вся поляна в цветах. Каких-каких только нет: красные, жёлтые, голубые... Словно разноцветные бабочки расселись и греются в ярких лучах весеннего солнца.

Люблю я лесные цветы — не рвать, а лечь среди них и рассматривать каждый цветок. Ведь у любого из них свой особый вид и как будто даже особый характер.

Вот большие, глазастые ромашки — «любишь — не любишь». Они весело растопырили белые лепестки, точно глядят вам прямо в лицо. А розовый клевер совсем иной: он так и прячет в густой траве свою круглую стриженую головку. И тут же склонились, будто о чём-то задумались, большие лиловые колокольчики.

Помню, в детстве старушка няня мне говорила о них: «Как поспеет трава в лесу, на-

ступит время её косить, тут лесной колокольчик и зазвенит и подаст свой голосок: берите, мол, косы, идите скорее в леса, в луга, запасайте на зиму душистое, свежее сено».

Вспомнились мне эти нянины сказки, и захотелось, как в детстве, спрятаться в траву, затаиться в ней, чтобы слушать звенящую тишину летнего полдня.

Я пошёл через поляну — укрыться в тени под старыми берёзами — и неожиданно на самом краю, среди кустов, увидел что-то тёмное, похожее на вход в пещеру. Сверху его покрывали толстые, обросшие мохом брёвна. Многие из них уже сгнили и провалились внутрь.

«Да это же старый блиндаж!» Я подошёл поближе и заглянул внутрь. Оттуда тянуло сыростью, запахом плесени.

Невольно вспомнились страшные годы войны, когда людям приходилось рыть эти мрачные земляные убежища.

Я отошёл в тень под берёзы, улёгся в траву и ещё раз взглянул на разрушенный старый блиндаж.

Вдруг мне почудилось, что внутри его кто-то зашевелился.

Я вздрогнул: кто это?

Из-под обломков брёвен показалась полосатая мордочка барсука.

Зверёк долго осматривался по сторонам, принюхивался. Но лёгкий ветерок дул от него

ко мне, и потому чуткий зверь не обнаружил моего присутствия.

Убедившись наконец, что поблизости нет никакой опасности, барсук вылез из-под бревна и суетливо забегал по полянке, словно отыскивая что-то. Потом он вновь исчез в блиндаже.

«Странно! — подумал я. — Барсук — ночной зверёк. Ночью он бродит по лесу, а днём спит в норе. Зачем же теперь он вылезал из своего убежища?»

И, будто отвечая на мой вопрос, из блиндажа опять показался тот же зверёк. В зубах он что-то тащил.

Я пригляделся, стараясь рассмотреть его ношу. Да ведь это молодой барсучонок!

Вытащив детёныша из-под бревна, барсук положил малыша у входа, а сам торопливо вернулся в блиндаж и сейчас же вновь выбежал оттуда со вторым барсучонком. Так он вынес на солнышко четырёх барсучат. Они были маленькие и очень толстые, как дворовые кутята.

Я крайне удивился, глядя на такой поздний выводок; обычно барсучата рождаются ранней весной.

Молодые барсучки, неуклюже переваливаясь, бродили на своих коротеньких ножках по полянке. А старый барсук (очевидно, их мать) зорко наблюдал за детворой. Стоило только какому-нибудь из малышей отойти

немного подальше от других, как барсучиха подбегала к нему, осторожно брала зубами за шкурку и тащила назад.

Погуляв на солнышке, барсучата один за другим подобрались к матери и начали толкать её своими чёрными носиками под живот.

Тогда старая барсучиха разлеглась на боку, а барсучки, как поросята, улеглись возле неё и стали сосать молоко.

Мне было не очень удобно наблюдать зверьков из густой травы. Я приподнялся, нечаянно хрустнул сучком и этим испортил всё дело.

Барсучиха вскочила, и не успел я опомниться, как она

мордой и передними лапами в один миг затолкала всех четырёх детёнышей обратно под брёвна. Сунула и следом исчезла там же сама.

И поляна вновь опустела, будто на ней никого и не было. Только большая нарядная бабочка махаон не торопясь перелетала с цветка на цветок.

Я выбрался из-под берёз, размял затёкшие ноги и ещё раз взглянул на старый блиндаж. Но теперь он мне уже не казался угрюмым и мрачным.

Да теперь это вовсе и не блиндаж, а просто барсучья нора, где спокойно живёт семейство лесных зверей.

И глазастые ромашки тоже забрались на самый верх, на сгнившие брёвна, и глядят на меня, как глядели когда-то в детстве; и лиловые колокольчики столпились у самого входа, качают головками, будто тихонько звенят о том, что уже наступает пора выходить на луг, косить густую, пахучую траву, а вечером зажигать костры, смеяться и петь весёлые песни.

Я огляделся кругом, и на душе у меня стало так хорошо, так радостно! В каждой цветке, расцветшем на сгнивших брёвнах, в каждой зелёной ветке чувствовалось столько свежести и молодой, здоровой силы... Они тянулись к солнцу, они хотели жить и всем

своим видом твердили о торжестве жизни, которая сможет выдержать самые тяжёлые испытания, выдержать и победить.

ЧУДО ТЕХНИКИ

Однажды весной мы с товарищем отправились на охоту за тетеревами; я — с ружьём, приятель — с фотокамерой.

На место прибыли только поздно ночью.

До утра просидели на полустанке, а едва занялась заря, поспешили в лес.

Чудесно в нём в эту пору ранней весной. Какой запах от влажной земли, от набухающих почек! Каждое деревце, каждый кустик тянет к вам свои ветки — нá, мол, понюхай и запомни потом на всю жизнь.

Начало быстро светать. Кругом зачирикали первые птички. На далёком лесном болоте звучно затрубили журавли.

И вдруг, где-то совсем близко от нас, раздалось долгожданное «чу-фшшшш...». Мы так и замерли на месте.

Снова и снова слышалось громкое чуфыканье, потом хлопанье крыльев. Это тетерева слетались на токовище.

Мы начали осторожно пробираться через кусты.

Впереди уже видна поляна, и на ней взапуски бегают, гоняясь друг за другом, тетерева-косачи. Они то наскакивают один на дру-

гого с громким задорным чуфыканьем, то припадают к земле и заводят длинную монотонную трель: «У-ру-ру-ру-ру...»

Пора. Я тоже начинаю чуфыкать — манить к себе драчунов.

И вот один из тетеревов услышал мой призыв. Он лихо подскакивает на месте, распускает лирой хвост и бежит прямо к нам.

Я сжимаю в руках ружьё, бросаю искоса взгляд на приятеля. Он уже нацелился аппаратом. Раздаётся еле слышный щелчок — снимок сделан. Приятель готовится ко второму.

Но тетерев неожиданно приостанавливается. Дальше бежать не хочет. «Чу-фшшшш!..» — громко и вызывающе кричит он.

Я молчу. На таком близком расстоянии отвечать не следует — птицу теперь уже не обманешь, вмиг улетит — и выстрелить не успеешь.

«Да чего же ждёт мой приятель? Снимал бы скорее!»

Тетерев снова подскакивает на месте и хлопает крыльями: а ну-ка, мол, выходи на бой!

Я больше не в силах ждать, приподнимаю ружьё, целюсь и... вдруг над самым ухом: «Чу-фсссс!..» — точно автомобильная шина лопнула...

Косач срывается с места. Я стреляю почти не целясь. Промех. Перепуганные тетерева разлетаются.

— Ты что же наделал? Зачем свистел? — вне себя кричу я на приятеля.

От смущения тот не знает, куда деваться.

— Да я хотел подманить поближе, — лепечет он. — Зуб у меня со свистом. Приеду, сразу выдерну!

— Теперь хоть все повыдержай, — возмущаюсь я. — Сорвал охоту. Эх ты, свистун несчастный!

Мы возвращаемся домой в мрачном молчании. Так кончается день.

Но к вечеру мир между нами уже опять восстановлен, и мы как ни в чём не бывало садимся вместе проявлять фотографии.

— Ну и что же, что не убили? — весело говорит приятель. — Неужели тебе кусок мяса нужен? А ты лучше представь, какой снимок я сделал: тетерев прямо на нас бежит, крылья распустил, хвост лирой... Ведь это же память на всю жизнь!

Я невольно заражаюсь его пылом, тороплю поскорее начать проявление.

И вот лента негативов уже готова. Она промывается в воде. Потом сушится. Но нам не терпится взглянуть на последний снимок: ведь именно там и запечатлён финал нашей охоты.

— Плотноват негатив, — говорю я. — Трудно разобрать детали.

— Не беда, — утешает приятель, — передержал немножко. Это легко исправить.

Я всё же пытаюсь разглядеть снимок, и наконец мне это удаётся.

— Ага, вот и тетерев! Какая поза! Так, кажется, и налетит сейчас. А что такое под ним внизу?

— Бугорок, — поясняет приятель. — Видишь, и кустики на нём.

— Кустики-то я вижу, но сам бугорок какой-то странный. Вот будто два уха, и нос, и рот... Голова какая-то, а вместо волос — кусты и сверху тетерев. Что за чепуха?!

Приятель всматривается и вдруг хватается за виски.

— Ах я болван! — восклицает он. — Настоящий болван!

Я ещё толком не понимаю, в чём дело, но уже чувствую, что случилось что-то непоправимое.

— Плёнку не передвинул: два снимка на одном кадре! — в отчаянии говорит он. — Видишь: твоя голова, а на ней кусты и тетерев.

— Вот те и снимок, и память на всю жизнь! — Я не могу больше сдержать своего гнева и на чём свет стоит ругаю злосчастного фотографа. — Испортил охоту да и снять-то как следует не сумел! Никуда больше с собой не возьму. И не проси лучше.

Но самое возмутительное, что приятель

уже оправился от смущения. Он смотрит на меня будто ни в чём не бывало, даже улыбается.

— Да ты стой, не кипятись, — весело говорит он. — Я обещал тебе и повторяю — замечательный снимок выйдет. Ты сам посуди: обычного тетерева на земле ведь каждый дурак снимет. А вот чтобы на голове у охотника сидел, — ну где ты такое видал? Ведь это же не просто снимок, а художественная композиция, настоящее чудо техники!

ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК

Солнечный день в самом начале лета.

Я брожу неподалёку от дома, в берёзовом перелеске. Всё кругом будто купается, плещется в золотистых волнах тепла и света. Надо мной струятся ветви берёз. Листья на них кажутся то изумрудно-зелёными, то совсем золотыми. А внизу, под берёзами, по траве тоже, как волны, бегут и струятся лёгкие синеватые тени. И светлые зайчики, как отражения солнца в воде, бегут один за другим по траве, по дорожке.

Солнце и в небе, и на земле... И от этого становится так хорошо, так весело, что хочется убежать куда-то вдаль, туда, где стволы молодых берёзок так и сверкают своей ослепительной белизной.

И вдруг из этой солнечной дали мне слышался знакомый лесной голосок: «Ку-ку, ку-ку!»

Кукушка! Я уже слышал её много раз, но никогда ещё не видал даже на картинке. Какая она из себя? Мне почему-то она казалась толстенькой, головастой, вроде совы. Но, может, она совсем не такая? Побегу — погляжу.

Увы, это оказалось совсем не просто. Я — к ней на голос. А она замолчит, и вот снова: «Ку-ку, ку-ку», но уже совсем в другом месте.

Как же её увидеть? Я остановился в раздумье. А может, она играет со мною в прятки? Она прячется, а я ищу. А давай-ка играть наоборот: теперь я спрячусь, а ты поищи.

Я залез в куст орешника и тоже кукукнул раз, другой. Кукушка замолкла, может, ищет меня? Сижу молчу и я, у самого даже сердце колотится от волнения. И вдруг где-то неподалёку: «Ку-ку, ку-ку!»

Я — молчок: поищи-ка лучше, не кричи на весь лес.

А она уже совсем близко: «Ку-ку, ку-ку!»

Гляжу: через поляну летит какая-то птица, хвост длинный, сама серая, только грудка в тёмных пестринках. Наверное, ястребёнок. Такой у нас во дворе за воробьями охотится. Подлетел к соседнему дереву, сел на сучок,

пригнулся да как закричит: «Ку-ку, ку-ку!»

Кукушка! Вот так раз! Значит, она не на сову, а на ястребка похожа.

Я как кукукну ей из куста в ответ! С перепугу она чуть с дерева не свалилась, сразу вниз с сучка метнулась, шмыг куда-то в лесную чащу, только ее я и видел.

Но мне и видеть её больше не надо. Вот я и разгадал лесную загадку, да к тому же и сам в первый раз заговорил с птицей на её родном языке.

Так звонкий лесной голосок кукушки открыл мне первую тайну леса. И с тех пор вот уж полвека я брожу зимою и летом по глухим нехоженным тропам и открываю всё новые и новые тайны. И нет конца этим извилистым тропам, и нет конца тайнам родной природы.

ПОЛУНОЧНИК

Мы с дедом, лесником, возвращаемся с охоты на вальдшнепов, по-нашему, по-охотничьему, — с тяги.

Весна. Ночь. Весь лес, и небо над ним, и всё кругом залито прозрачным лунным светом. Молодой месяц тонким лимонным ломтиком желтеет в вершинах деревьев, и кажется, что от него разлилась в воздухе душистая, терпкая свежесть.

Мы идём по лесной вырубке. На зеленоватом небе будто тушью выведены чёрные силуэты одиноких сосен. Лес спит. Спят в вершинах деревьев чуткие лесные птицы.

Вдруг перед самым моим лицом кто-то бесшумно взлетает. Невольно вскидываю ружьё и тут же опускаю. Ведь это не дичь — это ночная ласточка-козодой, по-деревенски «полуночник».

В тот же миг раздаётся выстрел. Козодой спотыкается в воздухе, падает.

— Дедушка, зачем ты стрелял? Ведь это же полуночник.

— Знаю, потому и стрелял, — ворчит дед.

Я поднимаю убитого козодоя. Странное существо. Ни на одну птицу не похож. У всех птиц клюв как клюв, а у этого настоящая пасть, как у лягушки.

В тусклом лунном свете на теле птицы перьев не видно, и вся она, серая, как мышь, с длинным хвостом и широко раскрытой пастью, кажется каким-то фантастическим животным, неизвестно откуда залетевшим в наши трущобы.

— А жаль, дедушка, что ты его убил, — говорю я, — хорошая птица. Для леса пользу приносит — ночных бабочек и других вредных насекомых ловит.

— Это кто, полуночник-то?

— Ну да.

Дед неодобрительно качает головой:

— Вот уж кого нашёл похвалить — полуночника!

— А почему ж его не хвалить?

— Не к добру он. Как залетает, закружит перед тобой, так и знай — беспрерывно в лесу и сам закружишься. Сойдёшь с тропы — и пошёл без дорог колесить. Одно слово — тёмная птица.

Мне смешно, что старик об этом говорит так серьёзно.

— А откуда, дедушка, ты про неё такое знаешь?

— Про неё-то? А ты-то вот знаешь, откуда эта птица?

— Расскажи, пожалуйста.

— То-то, «расскажи»! Да что толку? Не поверишь небось, что зря рассказывать.

— Почему же не поверю? Ты всю жизнь в лесу, немало нагладелся.

Дед молчит. Потом нехотя начинает:

— Да я-то этого не видал, а старые люди рассказывают. Значит, верно, что было... Небось знаешь, над речкою, в крутояре, что за деревней, на самой излучине ласточки-береговушки живут?

— Ну и что же?

— А вот. Появилось раз в нашей стороне серых жаб видимо-невидимо. Ночью с крыльца не сойти, так под ноги и лезут. Проведали, значит, жабы про гнёзда в крутояре, выбрали время, когда все береговушки разлетелись пищу птенцам добывать, залезли в гнёзда,

пожрали птенцов, сидят в норах; темно, прохладно, чем не житьё.

Прилетели береговушки птенцов кормить. Впотьмах-то ничего не разберут. А жабы хитры: разинули рты, будто птенчики. Береговушки-то весь корм им посовали, а сами опять за добычей. Так и остались жабы вместо птенцов в норах жить. Кормят их птицы, да как станут в рот пищу совать, наперёд слюной её смачивают. От той слюны у птенцов крылья растут, на теле перо появляется.

Пришло время детёнышам из гнёзд вылетать. Вылезли жабы из нор. Глянули на них птицы, так и ахнули. Вот дети-то уродились! И перо и крылья есть, да только всё не такое, как надо, — мягкое, серое, словно свиное. Ну, а уж морда-то жабья как была, так и осталась. Сколько её перьями ни прикрывай, всё жабья.

Взгоревались птицы, стали жаб от себя гнать. Тем делать нечего — нужно убираться. Разлетелись по лесам, будто птицы, а жабы повадки так и оставили. Летают ночью, всё по земле, низом. Ловят поганым жабым ртом всякую нечисть. А то ещё сядет на пенёк и заведёт лягушачью трель. Пакость — да и только. День настал, все птицы проснутся, поют, а эти вместе с земляными жабами куда подальше от света хоронятся. Одно слово — полуночник. Неправильная птица — оборотень. Уж если закружит она над тобой,

значит, жди беды. Оборотит так, что в своём лесу пути не найдёшь али ещё что похуже приключится... А ты хвалить... Тоже нашёл кого!

Дед замолчал. Молчу и я. Думаю о призрачной ночной птице-оборотне и о той стране, где она живёт, — чудесной стране народной фантазии.

Да вот я и сам наяву забрёл в эту таинственную страну. Только посмотреть кругом — ночью в лесных тущобах, тонущих в лунной мгле, всё кажется сказочным, неправдоподобным.

Мы у Гнилого лога. Когда шли днём на охоту, здесь была сырая низина с редкими лохматыми деревьями, а теперь перед нами лунное озеро, озеро сизого ночного тумана. На нём чёрные силуэты кораблей, мачты и паруса...

Набежал ветерок. Всё в движении. Колышутся лунные волны, качаются мачты, надуваются паруса. Чёрная флотилия тронулась в путь.

Вдруг где-то за болотом дико захохотал филин, и сейчас же в другом конце леса ему отозвался полуночник.

— Слышишь, дедушка, леший с оборотнем перекликаются? Должно, хотят нас закружить.

Дед понял намёк, рассердился, даже плюнул:

— Так и знал, не поверишь! Даром только язык чесал.

Он шагнул вперёд, нырнул и исчез в сизых волнах тумана.

Я спешу следом. Мы проходим мимо окутанных туманом деревьев. Это уже не корабли, как казалось издали, чёрные чудовища тянут к нам огромные косматые лапы. Каждый миг всё кругом меняется, движется, оживает.

Я смотрю на эти фантастические превращения и, кажется, начинаю понимать, как зародилась сказка о таинственной птице полудночнике.

БЕЛАЯ ШУБКА

В ту зиму снег долго не выпадал. Реки и озёра давно льдом покрылись, а снега всё нет и нет. Зимний лес без снега казался хмурым, унылым. Все листья с деревьев давно опали, перелётные птицы улетели на юг, нигде не пискнет ни одна птичка; только холодный ветер посвистывает среди голых обледенелых сучьев.

Шёл я как-то с ребятами по лесу, возвращались мы из соседней деревни. Вышли на лесную поляну. Вдруг видим — посреди поляны над большим кустом вороны кружат. Каркают, летают вокруг него, то вверх взлетят, то на землю сядут. Наверное, думаю, они там какую-то еду себе нашли.

Стали ближе подходить. Заметили нас во-

роны — одни в сторону отлетели, по деревьям расселись, а другие и улетать не хотят, так над головой и кружат.

Подошли мы к кусту, смотрим — что-то под ним белеет, а что — сквозь частые ветки и не разберём.

Раздвинул я ветки, гляжу — заяц, белый-белый как снег. Забился под самый куст, прижался к земле, лежит не шевельнётся. Кругом всё серое — и земля и опавшие листья, а заяц среди них так и белеет.

Вот почему он воронам на глаза попался — оделся в белую шубку, а снега-то нет, значит, и спрятаться ему, белому, негде. Дай-ка попробуем его живьём поймать!

Просунул я руку под ветки, тихонько, осторожно, да сразу цоп его за уши — и вытащил из-под куста!

Бьётся заяц в руках, вырваться хочет. Только смотрим — одна ножка у него как-то странно болтается. Тронули её, а она переломана! Значит, сильно его вороны потрепали. Не приди мы вовремя, пожалуй, и совсем бы забили.

Принёс я зайца домой. Папа достал из аптечки бинт, вату, забинтовал зайцу сломанную ножку и посадил в ящик. Мама положила туда сена, моркови, мисочку с водой поставила. Так у нас зайка и остался жить. Целый месяц прожил. Ножка у него совсем срослась, он даже из ящика выскакивать начал и меня вовсе не боялся. Вы-скочит, побегает по комнате, а как зайдёт ко мне кто-нибудь из ребят, под кровать спрячется.

Пока заяц у нас дома жил, и снег выпал, белый, пушистый, как зайкина шубка. В нём зайцу легко прятаться. В снегу не скоро его заметишь.

— Ну, теперь можно его и обратно в лес выпустить, — сказал нам однажды папа.

Так мы и сделали — отнесли зайца в ближайший лесок, попрощались с ним да и выпустили на волю.

Утро было тихое, накануне ночью насыпало много снегу. Лес сделался белый, мохнатый.

В один миг наш зайка в заснеженных кустах исчез.

Вот когда ему белая шубка пригодилась!

АИСТЯТА

Один год мы прожили на Украине, в небольшой станице, среди сплошных вишнёвых садов.

Неподалёку от нашего дома росло старое дерево. И вот однажды ранней весной на него прилетел и уселся аист. Он долго что-то осматривал, неуклюже переступая на своих длинных ногах по толстому суку. Потом улетел.

А на следующее утро мы увидели, что на дереве хлопотали уже два аиста. Они устраивали гнездо.

Скоро гнездо было готово. Аистиха снесла туда яйца и стала их насиживать. А аист то улетал за кормом на болото, то стоял около гнезда на суке, поджав под себя одну ногу. Так, на одной ноге, он мог простоять очень долго, даже мог немного вздремнуть.

Когда в гнезде вывелись аистята, для старых аистов начались большие хлопоты. Птенцы были очень прожорливы. Они целый день требовали еды, и аисты-родители по очереди с утра до вечера таскали им из болота лягушек, рыбёшек, ужей.

Пока один из аистов летал за кормом, дру-

гой стоял на краю гнезда — караулил птенцов. Как только он замечал подлетевшего к гнезду второго аиста, он закидывал голову на спину и громко трещал клювом, словно трещоткой. Ведь аисты кричать не умеют и приветствуют друг друга, часто-часто щёлкая клювом.

Прилетевший отдавал добычу детям и садился отдыхать у гнезда, а другой аист тут же улетал охотиться за лягушками на болото.

Так аисты целые дни по очереди кормили птенцов. А когда те подросли и стали ещё прожорливее, тут уж оба родителя начали вместе летать и добывать детям корм.

Прошло ещё недели полторы, и вдруг один из аистов-родителей исчез. Что с ним случилось, неизвестно: может, его убили, а может, и сам от чего-нибудь погиб.

Вот когда настала трудная пора для оставшегося аиста! Птенцы стали уже совсем большими. Их было трое, и они требовали очень много еды.

Как только начинало светать, аист уже спешил на болото за добычей, приносил её, совал в рот одному из птенцов и, не отдыхая ни минуты, летел обратно на охоту.

Так он трудился до позднего вечера.

Нам было очень жаль бедную птицу, но мы не знали, чем ей помочь.

Один раз мы пошли ловить на речку рыбу. Возвращаемся домой и видим, что все три

аистёнка тянут из гнезда свои длинные шеи, открывают клювы и просят есть. А аиста около гнезда нет. Значит, на болоте лягушек ловит.

— Что, если попробовать их рыбой покормить? — предложил мой товарищ.

В тот же миг мы залезли на дерево. Увидев нас, аистята заволновались, засуетились, чуть из гнезда не попадали.

Но вот один из них заметил в руках у меня рыбёшку. Аистёнок потянулся к ней, схватил клювом и проглотил. Другие сейчас же последовали его примеру.

Мы отдали аистятам всю нашу рыбу, слезли с дерева и тут только увидели старого аиста. Он поспешно подлетел к гнезду и стал беспокойно осматривать, всё ли там в порядке.

С этих пор мы каждый день начали кормить аистят: ловили специально для них рыбок и лягушек.

Аистята очень быстро смекнули, в чём дело. Как только мы влезали на дерево, они все разом тянули к нам из гнезда свои длинные шеи и раскрывали рты, прося, чтобы мы их накормили.

Наконец наши питомцы совсем выросли. Они покрылись перьями и начали вылетать из гнезда. И тут нам от них просто житья не стало — аистята не давали нам проходу. Стоило только показаться на дворе, как они слетали с гнезда и опрометью бросались к нам, требуя еды.

А взрослый аист как будто понял, что и без него дело обойдётся: всё реже и реже приносил детям корм. Большую часть дня он или бродил по болоту, поедая лягушек, или дремал на дереве возле гнезда. Аист дремал на дереве, а в это время аистята гонялись за нами по двору, требуя еды.

Однажды они увязались с нами на болото. Там было много лягушек. Аистята начали ловить их сами и вовсе забыли про нас. С этого дня они каждое утро стали летать на болото — охотиться за лягушатами и другой добычей.

Лето кончалось. Все аисты собирались в стаи, готовясь к отлёту. Наши тоже перестали ночевать на дереве у гнезда — наверное, примкнули к какой-нибудь стае, и мы уже начали забывать о своих питомцах.

Но вот как-то раз идём мы с рыбной ловли домой. Смотрим — по лугу разгуливает стая аистов. Заметили нас, насторожились — сейчас полетят. Вдруг видим — от стаи отделяются три аиста и направляются прямо к нам.

— Да это же наши аистята! — обрадовались мы и начали манить их рыбой.

И вот эти большие дикие птицы подбежали к нам, захлопали крыльями, засуетились — так и хватают рыбу из рук!

Схватит рыбёшку клювом, подбросит вверх, перехватит поудобнее и проглотит, а потом от удовольствия даже голову на спину закинет и клювом защёлкает.

Наши аисты рыбу из рук едят, а вся стая издали смотрит. Шеи вытянули, глядят — ничего, видно, понять не могут.

Наелись аистята, клювами в благодарность похлопали и обратно к стае вернулись. А мы домой пошли.

Больше мы их не видели.

Холодно стало. Улетели они на тёплый юг.

СКРИПУН-НЕВИДИМКА

Хорошо летом в деревне встать пораньше, ещё до восхода солнышка.

Небо прозрачное, с лёгкой прозеленью, будто морская вода. Воздух влажный, прохладный. Из-за плетней так славно пахнет отсыревшими лопухами, крапивой и горьковатой полынью! А потом набежит ветерок, дохнёт прямо в лицо свежим печёным хлебом. Значит, хозяйки уже не спят, хлопочут возле печей.

Вот и дымок синей ленточкой потянулся из труб. Настало утро, раннее утро в деревне.

Петя и Вася с удочками и ведёрком для будущей рыбы вышли на крыльцо. Мешкать нечего, нужно бежать на речку. Дедушка вчера говорил: «На заре хорошо клюёт». Он и место показал ребятам, где нужно ловить. В

бочагé под крутояром — там самая рыба: голавли, язи... а то и лец попадает.

Петя с Васей только на днях приехали погостить к деду на лето.

В деревне куда привольней, чем в городе. Можно и в лес за ягодами сходить, и на речку — искупаться и порыбачить. Ребята рыбачили каждый день. А к обеду уха, да ещё какая! Из свежей рыбы, пойманной собственными руками. Только рыба-то больно мелка: одни пескари, окуньки да ерши.

«Нужно пораньше встать, на утренней зорьке, крупная попадётся», — сказал дедушка.

Вот мальчики и решили попробовать.

Миновали деревню. По узенькой стёжке вышли в высокий конопляник, будто в густые зелёные джунгли. Воздух здесь душный, спёртый, как в настоящих джунглях. С конопляных головок прямо за шиворот сыплутся капли росы.

Смеясь и поёживаясь, ребяташки выбрались наконец к реке. По кладышкам возле мельницы перебрались на другой берег, в луга; пошли напрямик через луг, к видневшимся издали старым ветлам. Там, возле них, крутояр, там и ловить нужно.

— Вот бы мне леца отхватить! — сказал Петя. — Ловко бы получилось!

Петя был старше Васи на целых два года и во всём обгонял товарища. Пойдут в лес за

ягодами — Петя мигом полную корзиночку наберёт да ещё найдёт что-нибудь диковинное: то птичье гнездо разыщет, то лисью или барсучью нору, а вчера вовсе лосиный рог нашёл — прямо счастливец! Глаза у него уж очень зоркие, так и шныряют по кустам, по траве. Сразу что-нибудь да заметят.

А у Васи никак не получается: пока он раскачается, товарищ уже все кусты облазил, всё обглядел. Ничего не поделаешь, приходится Васе сзади плестись.

Ребята почти миновали луг, спустились в болотистую низинку.

Трава здесь особенно густая, высокая. Из неё зелёными шапками поднимаются кусты ольшаника.

Петя дошёл уже до середины низины и вдруг остановился.

Впереди из густой травы послышался громкий, сердитый крик. «Др-р-р!..» — скрипел кто-то невидимый в траве под густым кустом.

Ребята затаив дыхание переглянулись. Что за зверь?

— Давай поймаем, — шепнул Петя.

Вася одобрительно кивнул головой. Правда, ему было чуточку жутковато: ведь неизвестно, какой зверёк притаился в кустах. А ну как бросится да как цапнет! Но любопытство и охотничий азарт взяли верх.

Ребята постояли с минуту.

Снова из-под кустов послышался тот же сердитый, скрипучий крик. Видно, зверёк засел в кустах и сердился на то, что ребята его побеспокоили. А может быть, у него в кустах, в траве, было гнездо и в нём детёныши.

Петя с Васей осторожно, крадучись, обошли с двух сторон намеченный куст и начали к нему приближаться. Вот уже совсем близко. Ребята приостановились, зорко вглядываясь в зелёную чащу травяных стеблей.

«Др-р-р, др-р-р!..» — раздалось из-под куста.

— Лови! — крикнул Петя, первый бросаюсь в куст.

Вася кинулся с другой стороны.

Кустик густой, но маленький, под ним не затаишься. «Сейчас поймаем».

Ребята мигом осмотрели всё под кустом.

Вот так диво: никого нет. Наверное, спрятался в норку, успел улизнуть.

Стали на колени, раздвинули руками ветви, траву, оглядели каждый клочок земли — нет ни норы, ни зверька, будто сквозь землю провалился.

— Наверное, удрал, пока мы бежали. В траве не заметили, — сказал Петя.

Вася хотел что-то ответить, но тут вдруг из-под соседнего кустика снова: «Др-р!.. Др-р!..»

— Ах, вон он где! — обрадовались ребята и сразу туда, на крик.

Подбежали, глядят — опять нет никого. Что же это за зверь такой? Прямо зверёк-невидимка!

Пока шарили в траве, возле куста, невидимка ещё дальше, в самом болотце, начал скрипеть, будто над ловцами потешается.

Сколько ни гонялись за ним ребята, так невидимку и не увидели. Уже солнце высоко на небе поднялось, начало припекать. Тогда вдруг ребяташки вспомнили про рыбную ловлю на ранней зорьке. Но какая уж тут заря! Только зря время потеряли. Подобрали брошенные на краю низины удочки и пошли домой.

Дома мальчики сразу же рассказали дедушке про зверька-невидимку.

Старичок хитро улыбнулся:

— Ну ладно, ребятки, завтра сам вместе с вами на луг схожу, может, того сердитого невидимку и выследим.

Петя с Васей насилу дождались следующего дня. Опять встали на зорьке и теперь уже втроём, с дедушкой, отправились выслеживать таинственного зверька. Собственно, пошли даже не трое, а четверо: дедушка прихватил с собой своего старого охотничьего пса Каррошку. Тот очень обрадовался этой

прогулке. Давно уже дедушка не хаживал с ним на охоту.

Тем же путём, как и вчера, перешли по кладышкам через речку и направились по лугу к ветлам у самого крутояра.

Вот и болотистая низина посреди луга.

Дедушка сделал знак ребятам, чтобы не шумели, громко не разговаривали. Все трое потихоньку уселись на пригорочке и стали ждать, когда невидимка подаст свой голос. Карро улёгся тут же, рядом с хозяином.

Ждали совсем недолго. Почти в том же месте, где и вчера, из густой травы раздался громкий, сердитый скрип.

Старичок быстро встал и скомандовал Каррошке:

— Ищи, брат, выгоняй его из травы.

— А он не укусит собаку? — забеспокоился Вася.

— Не укусит. Ему и кусаться-то нечем, — ответил старичок.

Между тем Каррошка опрометью помчался в низину, заискал возле кустов и вдруг так и замер на месте. Вытянулся, дрожит весь, глазами в траву уставился.

Дедушка крикнул:

— Вперёд!

Каррошка бросился, заметался по сторонам. Никого нет. Значит, и от собаки удрал невидимка.

Пока Каррошка лазил, искал возле куста,

невидимка как ни в чём не бывало опять за скрипел в сторонке. Прямо, видать, насмехается и над людьми и над собакой. Попробуйте разыщите меня в траве.

— Слышишь, где он кричит? — сказал старичок собаке. — Беги-ка скорей туда.

Каррошка, будто понял слова хозяина, помчался на крик невидимки, снова заискал, вынюхивая траву, и снова замер на месте, по охотничьему — «стал на стойку». Но на этот раз уткнулся мордой прямо в куст. Значит, невидимка сидел именно там. А чтобы он снова не смог удрать и одурачить всех, ребята и дедушка окружили куст с трёх сторон. С четвёртой караулил Каррошка.

— Вперёд! — скомандовал дедушка.

Собака бросилась в куст. И вдруг из-под него, из густой травы, тяжело взлетела небольшая рыжеватая птица. С виду она походила на голенастого подростка-цыплёнка — такая нескладная. Полетела над самым лугом, вытянув шею, а ноги повисли вниз и болтались, словно она забыла их подобрать.

Вообще весь вид этой забавной птицы был на редкость смешной и нелепый. И летать-то она как следует не умела: отлетела к ближайшим кустам и снова ткнулась в густую траву.

Ребята проводили её глазами. Пускай летит. Их ведь интересовала совсем не она.

— Видали? — спросил дедушка и посвистал Каррошке, чтобы тот вылезал из кустов.

— Видали. А где же скрипун?

— Это скрипун и есть.

— Как же так? Да разве он не зверёк?

Дедушка рассмеялся:

— Нет, ребята! Скрипун не зверь, а птица.

И зовут её коростель, или иначе — дергач. Прозвали так потому, что, когда она заскрипит, кажется, будто кто-то дёргает — разывает материю.

— Птица? А почему же она, как мышь, в траве бегаёт и прячется, а лететь не летит?— недоумевал Петя. — Какая же это птица?

— Птица совсем особенная, — ответил дедушка, — прямо, можно сказать, необыкновенная птица. Осенью, когда перелётные птицы в южные страны полетят, коростели тоже к югу направятся, только не на крыльях, а пешком. Побегут за сотни километров, через луга, через болота. А там, где нельзя бежать, на крылья поднимутся. Но не думайте, что коростели плохо летают, вовсе нет. Вот доберутся они до берега моря — через море не перебежишь и не переплывёшь его, да и плавать коростели не умеют, — тогда волей-неволей приходится лететь, чтобы в южные страны перебраться. А весной обратно опять через море в наши края летят. Перелетят на родной берег, тут и разбредутся по нашим лугам, по болотам.

Пока дедушка рассказывал о коростеле-

дергаче, тот уже снова заскрипел в траве возле соседних кустов.

— А почему он так громко кричит? — спросил Вася. — На нас сердится? Или дразнит?

— Совсем нет, — ответил старичок. — Он вовсе не сердится и никого не дразнит, а просто поёт.

— Поёт?! — в один голос воскликнули мальчишки.

— Да, поёт, — спокойно ответил дедушка. — Вам не нравится? Что ж поделаешь, он ведь совсем не для вас и старается. Весной каждая птица поёт по-своему. Жаворонок, соловей, малиновка... да мало ли ещё отличных певцов? А вот кукушка только кукует, а перепел только выкрикивает: «Пить-полоть! Пить-полоть!» Это и есть его песенка. Вот и коростель поёт весной и в начале лета по заречным лугам. Поёт так, как умеет. Плохо ли, хорошо — об этом судить не нам.

Дедушка примолк, прислушался к скрипу коростеля и, улыбнувшись, добавил:

— А по-моему, совсем неплохо у него получается. Нужно только как следует почувствовать его песенку.

И ребята, усевшись в густой траве, тоже начали слушать.

Занималось погожее утро. Солнце уже поднялось над землёй и светило сквозь лёгкие,

прозрачные облака, словно сквозь прозрачную занавеску. В прохладном небе звенели жаворонки. С болота доносилось громкое кваканье лягушек. А где-то совсем близко, в кустах, в густой траве, им басовито вторил таинственный певец-невидимка.

Ребята сидели тихо-тихо. Они слушали все эти столь различные голоса, слушали и удивлялись: а ведь никто из певцов не мешал другому. Наоборот, их голоса дополняли друг друга и все вместе сливались в общий чудесный хор, хор заречных певцов летнего утра.

— Хорошо поют! — сказал Вася.

— И коростель хорошо, — так же тихо ответил Петя.

Дедушка одобрительно кивнул головой. Он не хотел говорить — он слушал.

ДОМИК В ЛЕСУ

Уже начинало смеркаться. Еле волоча от усталости ноги и отбиваясь от несметного количества комаров, я поднялся на возвышенность и огляделся. В полумгле уходящего дня всюду виднелся лес и лес, и только очень далеко впереди из-за деревьев что-то синело — не то вода, не то дымка тумана над лесным болотом.

Куда же идти?

Местность была совсем незнакомая. А ведь карельская тайга — это не шутка. Можно пройти по ней десятки километров, не встретив ни души. Можно забраться в такие лесные топи, что обратно и не выберешься. А я, как на грех, на этот раз не взял с собой ни еды, ни спичек и, главное, не захватил компаса. Вышел утром побродить немного за древней по лесу, да сам и не заметил, как заблудился.

Я ругал себя за такую неосторожность, но что же теперь делать? Идти по тайге среди бурелома и страшных болотных топей, идти неизвестно куда или ночевать прямо в лесу, без огня, без еды, в этом комарином аду? Нет, ночевать здесь невозможно.

«Пойду, пока хватит сил, — решил я. — Пойду туда, где синее вода или туман. Может, там озеро и я выберусь к какому-нибудь жилью».

Вновь спустившись с возвышенности и стараясь не потерять взятого направления, я пошёл вперёд.

Кругом был сосновый заболоченный лес. Ноги тонули в толстом покрове мха, как в глубоком снегу, поминутно натыкались то на кочки, то на остатки сгнивших деревьев. С каждой минутой становилось всё темнее и темнее. Потянуло вечерней сыростью, сильнее запахло багульником и другими болотными травами. Надвигалась глухая таёжная

ночь. Привычные звуки дня сменились таинственными шорохами ночи.

Я — старый охотник, не раз ночевал в лесу, а главное, со мною надёжный спутник — ружьё. Чего же бояться? Но, признаюсь, в этот раз мне становилось всё более и более жутко. Одно дело — ночлег у костра, в знакомом лесу, а другое дело — ночёвка в глухой тайге, без огня, без еды... и это томящее чувство, что ты заблудился.

Я шёл наугад, то спотыкаясь о корни, то вновь неслышно ступая по мягкому моховому покрову. Кругом было совсем тихо. Ни один звук не нарушал покоя бесконечных лесных просторов.

От этой мертвящей тишины становилось ещё тоскливее и тревожнее. Казалось, кто-то страшный затаился в болотистых топях и вот-вот сейчас выскочит из них с диким, злоеющим криком.

Настораживаясь от малейшего шороха и держа наготове ружьё, я вошёл в окраину болота.

Неожиданно раздался громкий треск валежника. Я невольно вскинул ружьё. Прочь от меня стремительно понёсся кто-то большой, тяжёлый. Было слышно, как под ним с треском ломались сухие сучья.

Я перевёл дух и опустил ружьё. Да это же лось, безобидный гигант таёжных лесов! Вот он уже мчится где-то далеко, его еле слышно. И вновь всё смолкает, погружается в тишину.

Я совсем потерял в темноте направление, по которому вначале шёл. Потерял и всякую надежду куда-нибудь добраться. Шёл с одной только мыслью: во что бы то ни стало выбраться из этой мрачной, заболоченной низины на какую-нибудь возвышенность, а там лечь под дерево, укутать голову курткой от комаров и ждать рассвета.

От сильной усталости мне даже не хотелось есть. Только бы поскорее лечь, отдохнуть, никуда больше не идти и ни о чём не думать.

Но вот впереди что-то темнеет — должно быть лесной холм. Собрав остаток сил, я взобрался на него и чуть не вскрикнул от радости. Внизу, за холмом, ярко светил огонёк.

Забыв об усталости, я почти бегом спустился с холма и, пробравшись через колючие кусты можжевельника, вышел на поляну.

На краю её, под старыми соснами, виднелся маленький домик — наверное промысловая избушка или сторожка лесника. А перед домиком ярко горел костёр. Как только я показался на поляне, от костра поднялась высокая фигура человека.

Я подошёл к огню:

— Здравствуйте! Можно у вас переночевать?

— Конечно, можно, — ответил рослый

человек в какой-то странной широкополой шляпе.

Он внимательно оглядел меня:

— Вы что — охотник, наверное?

— Да, охотник из Заонежья. Заблудился немного. — Я назвал свою деревню.

— Ого, и занесло же вас в такую даль! Это километров тридцать отсюда будет. Измучились? Хотите поесть? Сейчас уха и чай поспеют. Отдыхайте пока.

Я поблагодарил и совсем без сил опустился рядом с костром.

В него было набросано много сосновых шишек, и их едкий дым разгонял комаров.

Вот когда я наконец вздохнул от всего сердца! До чего же хорош костёр в лесу, когда доберёшься до него после долгих, томительных скитаний... Сколько тепла и жизни в этих перебегающих золотых огоньках!.. А как уютно, хорошо бурлит, закипая, чайник, будто напевает песню об отдыхе после далёкого, трудного пути.

Мой новый знакомец отошёл от костра и скрылся в домике.

Я огляделся кругом. Огонь мешал рассмотреть, что находится за поляной. С одной стороны, прямо за домиком, слабо виднелся лес, а с другой стороны поляна словно обрывалась куда-то в темноту, и оттуда слышался лёгкий монотонный плеск волн. Наверное, там было озеро или река.

Хозяин вышел из домика, неся деревянную миску, ложки и хлеб.

— Ну, давайте закусим, — пригласил он, наливая из котелка в миску дымящуюся уху.

Кажется, никогда в жизни не ел я такой чудесной ухи и не пил такого душистого чая с малиной.

— Кушайте, кушайте, не стесняйтесь, у нас этой ягоды прѳпать по горям растѳт, — говорил мне хозяин, пододвигая кузовок, доверху наполненный крупными спелыми ягодами. — Здорово вам повезло, что сюда забрели, а то могли бы в этих лесах проплутать. Вы что же, нездешний, верно?

Я рассказал, что приехал сюда на лето из Москвы.

— А вы здешний? Это ваш домик? — в свою очередь спросил я у него.

— Нет, я тоже из Москвы. Я художник, зовут меня Павел Сергеевич, — представился мой собеседник. — Вот уж никак не думал здесь, в тайге, москвича встретить! — засмеялся он. — Я-то в Карелии не первый год, третье лето провожу. Так мне, знаете, этот край по душе пришѳлся, будто век тут прожил. У меня в Петрозаводске и лодка своя есть. Как приезжаю из Москвы, сейчас все пожитки в лодку — и поплыву. Сперва по озеру, а потом по этому заливу. Он ведь прямо в Онегу выходит. Первый раз я случайно сюда заплыл. У меня палатка с собой была, в ней и жил. А потом на ту хижину наткнулся и обосновался в ней.

— Что же это за хижина?

— Кто её знает! Верно, когда-нибудь лесная сторожка была или рыбацья избушка. Только никто здесь не бывает. Может, охотники зимой заходят. А вот летом я здесь живу, пишу этюды да рыбку ловлю.

— А вы не охотник? — спросил я его.

— Нет, не охотник, — ответил Павел Сергеевич. — Я, наоборот, стараюсь всякую живность сюда приманить. И чур, первое условие: возле этого домика не стрелять, а то сразу поссоримся.

— Что вы, зачем же я буду здесь стрелять! Лес велик, места хватит.

— Ну, значит, так и договорились. А теперь идёмте спать, — пригласил меня хозяин.

Мы вошли в домик. Павел Сергеевич засветил электрический фонарь и направил его в угол. Там я увидел широкие нары, завешенные пологом от комаров.

Мы забрались под полог, разделись и улеглись на мягкой постели из толстого слоя мха, укрытого чистой простынёй. Подушки были тоже набиты мхом. От этой постели и от всей хижины удивительно хорошо пахло лесной свежестью. Окно и дверь были открыты настежь. Под пологом было прохладно и совсем не кусали комары. С зловещим завыванием носились они вокруг нас, но достать никак не могли, сколько ни пытались.

— Посмотрите-ка, что делается, — сказал Павел Сергеевич, вновь зажигая фонарик и направляя его на полог.

Я взглянул на освещённый круг прозрачной материи, и мне сделалось жутко: вся она казалась живой от сплошной массы облепивших её снаружи комаров. «Без полога за ночь нас совсем бы съели. Какое счастье, что я набрёл на эту лесную избушку!»

— Ну, а теперь послушаем, что говорит Москва, да и спать, — сказал Павел Сергеевич, доставая из угла полога маленький детекторный приёмник и наушники.

— Как, у вас и радио есть? — удивился я.

— А то как же! Газет здесь нет — надо же знать, что на свете делается. Да и хорошую музыку неплохо послушать. Как-то на днях Чайковского передавали, концерт для скрипки. Я положил наушники рядом на подушку и весь вечер слушал. Чудесно! Вы только представьте себе: кругом тайга, сосны шумят, озеро плещется — и тут же скрипка поёт... Знаете, слушаю, и кажется мне, что это вовсе не скрипка, а ветер — сама тайга поёт... Так хорошо — всю ночь бы не отрываясь слушал! — Павел Сергеевич достал папиросу и закурил. — А на будущий год обязательно привезу сюда маленькую динамку, установлю на потоке и проведу себе в домик электричество. Тогда и осенью здесь подольше ос-

таваться можно, до самого ледостава. Буду писать тайгу в осеннем уборе.

Павел Сергеевич настроил радио и положил наушники между нами на подушку. Слышно было прекрасно, но я так устал, что ничего уже не мог слушать. Я повернулся к стене и заснул как убитый.

Проснулся я оттого, что кто-то легонько тряс меня за плечо.

— Привстаньте потише, — шептал Павел Сергеевич. — Поглядите на моих гостей.

Край полога был приподнят, и я выглянул из-за него.

Уже совсем рассвело. В раскрытую настежь дверь была видна полянка и за ней неширокий лесной затон. У самого берега покачивалась привязанная лодка.

Но что это? На берегу возле лодки, как у себя дома, разгуливала семья медведей: медведица и два уже подросших медвежонка. Они что-то подбирали с земли и ели.

Я смотрел на них, боясь шевельнуться, боясь неосторожным движением спугнуть этих чутких лесных зверей, так доверчиво подошедших к самому жилью человека.

А медведи всё продолжали свой утренний завтрак. Потом, видимо наевшись, медвежата начали возню. Они кувыркались и боролись друг с другом. Вдруг один из медвежат подбежал к берегу и мигом залез в лодку. Второй сейчас же последовал его примеру.

Медвежата поместились в лодке и принялись её раскачивать. А старая медведица уселась тут же на бережок и следила за детворой.

Медвежата и в лодке затеяли борьбу. Они возились до тех пор, пока не свалились в воду. Фыркая и отряхиваясь, оба выскочили на берег и продолжали свою игру.

Не знаю, сколько времени длилось это необычайное зрелище — может, час, а может, и больше. Наконец медвежья семья убралась обратно в лес.

— Ну что, поглядели моих гостей? Хороши? — весело спросил Павел Сергеевич.

— Очень хороши. Неужели они не первый раз сюда приходят?

— Нет, очень часто, почти каждое утро. Я как сварю уху, бульон отцежу, а всю вываренную рыбу на бережку оставляю. Это им угощение. Первый раз медведица ещё в начале лета ко мне в гости пришла — видно, рыбу учуяла. С тех пор и навещает. Я и медвежат рыбой в лодку заманил. Начал туда класть, вот они лазить и повадились. А какие зарисовки я с этого медвежьего семейства сделал! Хотите поглядеть?

Я с радостью согласился.

Мы быстро оделись и выбрались из-под полога.

Домик состоял из одной комнаты. Под окном находился чисто выструганный стол, заваленный кусками холста, кистями, красками и разными рыболовными принадлежностями. В углу виднелись удочки, спиннинг, подсáчек. Вообще сразу чувствовалось, что в этом домике живёт рыболов и художник.

— Ну, вот плоды моих трудов, — шутливо сказал Павел Сергеевич, подходя к столу, и

начал показывать мне свою работу. Это были небольшие, незаконченные наброски.

Павел Сергеевич осторожно, с любовью брал их один за другим и ставил к стене. И передо мной начала раскрываться жизнь лесных обитателей карельской тайги. Тут были и знакомые мне медвежата — на залитой солнцем полянке, и лосиха с лосёнком, бродившие по моховому болоту, и лисье семейство у своей норы, и зайцы, и множество различных птиц — тетерева, глухари, рябчики... Звери и птицы, как живые, то, чутко настожившись, глядели на меня, то мирно разгуливали среди зелёных кустов.

А какие чудесные уголки природы! Вот горный поток несётся среди серых гранитных скал и вдруг разливается в небольшой водоём...

— Здесь я форелей всегда ловлю, — говорит Павел Сергеевич. — А это Онежское озеро, когда выплываешь из залива. — И он показывает небольшой этюд: вода, солнце, лесистые берега, и у самого берега возле камышей — две гагары.

Как всё это живо и как знакомо! Словно сам бродил по глухой тайге, а потом выбрался на широкий водный простор Онеги.

Я пересмотрел все этюды. Каждый из них был хорош по-своему, и в каждом было что-то новое, своё, а главное — чувствовалась

душа самого художника, горячо любящего этот суровый лесной край.

— Очень, очень хорошо! — сказал я, когда мы пересмотрели всё. — Счастливцев, вам можно и не охотиться. Всё равно повезёте домой такие трофеи, которые нам, охотникам, и не снятся.

Павел Сергеевич улыбнулся:

— Да, карандаш и кисть мне вполне заменяют ружьё. И, кажется, ни я, ни дичь от этого не в убытке.

Мы вышли из домика. Было утро. Солнце только ещё поднялось, и лёгкий ночной туман розовым облаком плыл над тайгой.

Разведя костёр, мы напились чаю, и Павел Сергеевич подробно объяснил мне обратную дорогу к дому.

— Приходите ещё! — сказал он на прощание, когда я уже поднимался на холм.

Я обернулся. Весь домик был виден как на ладони, а перед ним — полянка, залив и дальше лес, лес до самого горизонта.

— Обязательно приду! — ответил я и спустился с холма в лесную чащу.

РЕЧНОЙ ВОЛК

Есть один интересный способ ловли хищной рыбы: щуки, окуня, судака... Это ловля на кружки.

Кружок делается из сухого дерева или из

пробки. Сверху он окрашен в красный цвет, а снизу — в белый. Посредине кружка вставлена палочка. Через неё перекидывается намотанная на кружок прочная леска, а на конце привязывают грузило и тройной крючок на тонкой проволоке, чтобы попавшаяся хищная рыба не могла перекусить леску.

Ловля на кружки очень увлекательна, особенно там, где много крупной рыбы. Поэтому я, отправляясь в свою летнюю поездку в Карелию, захватил с собой в числе прочих рыболовных принадлежностей и десяток кружков.

Я много слышал о рыбных богатствах карельских озёр, мне не терпелось поскорее самому половить там рыбу.

И вот наконец я на месте.

Переночевав в маленькой деревушке на самом берегу озера, рано утром я отправился на рыбалку.

Старичок хозяин, у которого я ночевал, одолжил мне свою лодку. Я положил в неё кружки, подсачек, ведёрко с заранее наловленными живцами, потом взял вёсла и отплыл от берега.

Утро было тёплое, серенькое. Дул лёгкий ветерок, подёргивая поверхность озера серебристой рябью. А у самых берегов вода была совершенно спокойная, и в ней отражались угрюмые скалы, местами поросшие мхом, и чахлые, полужасохшие сосны.

Сизые чайки носились над озером. Порой они падали в воду, схватывали мелких рыбёшек и вновь взлетали с добычей, роняя в озеро частые капли воды.

Я плыл недалеко от берега, отыскивая место, о котором говорил мне хозяин лодки.

Вот и заливчик. В этом месте скалы и лес отступают от озера, и далеко в глубь берега вдаётся узкая полоса воды, а по сторонам густой зелёной щёткой топорщатся камыши.

Я вынул из сумки глубомер — гирьку на длинной бечёвке — и измерил глубину: восемь с половиной метров. Немного отплыл и измерил ещё несколько раз. Так я нащупал края подводной ямы. Потом заплыл с таким расчётом, чтобы ветер гнал мои кружки через яму, насадил на крючки наживку и начал ловить.

Ветер дул вдоль берега, и мои кружки, словно стайка красных птиц, поплыли мимо зелёных зарослей камыша.

Начало ловли — хорошие минуты для рыбака. Что-то даст сегодняшнее утро?

Слегка направляя вёслами лодку, я медленно плыл вслед за кружками. Было совсем тихо, только изредка покрикивали летавшие над озером чайки.

Неожиданно где-то недалеко от меня послышался сильный всплеск воды, потом отчаянный утиный крик, и из камышей выскочила, хлопая крыльями, дикая утка, а

вслед за ней целый выводок утят. Они, как тёмные пушистые шарики, катились по воде следом за матерью.

Выбравшись на чистую воду, старая утка поплыла вдоль заливчика, испуганно оглядываясь и тревожными криками подзывая к себе утят.

Я сидел неподвижно, чтобы не напугать утиное семейство, пока оно вновь не скрылось в камышовых зарослях по другую сторону заливчика.

Мне очень хотелось узнать, что напугало утку-мать. Наверное, какой-нибудь зверь подобрался к утятам. Но кто же именно? Лиса не могла забраться так глубоко в воду, да и было бы слышно, если бы она пробиралась среди камышей. Может, выдра?

Я подождал ещё немного, не покажется ли кто-нибудь на чистую воду. Но никто не показывался, и я вновь занялся своими кружками.

Вдруг один из них прямо на моих глазах перевернулся белой стороной вверх и, как волчонок, закружился в воде. Значит, рыба схватила живца и потащила в глубину, быстро разматывая леску.

Стараясь не плескать вёслами, чтобы не спугнуть рыбу, я повёл лодку к перевернувшемуся кружку. А он, то наклоняясь набок, то погружаясь в воду, уходил от меня. Рыба тянула снасть прочь от берега. Но вот я уже

настигаю бегущий по воде кружок. Он уже у самой лодки. Я бросаю вёсла, быстро перегибаюсь через борт, хватаю кружок, потом леску. Резко дёргаю, чтобы подсесть рыбу, и чувствую, как кто-то невидимый в глубине вырывает её у меня из рук.

Я перехватил леску поудобнее и стал слегка подтягивать. Но рыба не поддавалась. Она тянула так сильно, что леска резала руку. «Ого, даже лодку тащит! Значит, хороша попалась!» От волнения я едва переводил дух, напрягая все силы, чтобы не упустить крупную добычу.

Туго натянутая леска впивалась в воду и чертила по ней своим концом. Рыба то тянула прочь от берега, то поворачивала к камышам. Я старался не дать ей затащить леску под лодку, а то зацепит за дно и сразу оборвёт.

Постепенно рыба стала уставать. Я начал подтягивать её к лодке. И вот не далее двух-трёх метров от борта из глубины показалось что-то большое, тёмное, словно я поднимал со дна затонувшее бревно. «Щука! Какая огромная! Разве такую вытянешь?»

У самого борта рыба точно опомнилась. Она шарахнулась так, что закачалась лодка. Я едва успел, распуская леску, дать ей ходу.

Отпустив щуку метров на двадцать, я стал вновь придерживать её и, приостановив, опять потащил к лодке. Прошло не менее часа напряжённой борьбы.

Наконец, подтянув добычу к самому борту, я опустил в воду острый багор и подвёл его к рыбе.

Рывок — и багор вонзился щуке под самые жабры. Она отчаянно забилась, обдавая меня с ног до головы водой. Я изо всех сил потянул за багор и едва втащил в лодку тяжёлую рыбу. Борьба закончилась. Пойманная щука лежала на дне лодки, изредка открывая свою страшную зубастую пасть. Ну и рыбина! В её пасть свободно входит ступня моего сапога. А зубы-то, зубы какие огромные! Как у хорошей дворовой собаки. И острые, как шило. Наверное, такая «рыбка» весит не меньше двадцати килограммов. А сколько ей может быть лет — полвека или побольше? Вся она была тёмно-бронзовая, с зеленоватым отливом. Настоящее водяное чудовище — гроза и бич всего живого, что только плавает в воде.

После такой удачи мне в это утро ловить рыбу больше уже не хотелось. Лучше поскорее вернуться в деревню, показать всем свою добычу, сфотографировать её, рассказать, как поймал, и при этом, хотя в слабой степени, ещё раз мысленно пережить все волнующие минуты редкой охоты.

Приплыв домой, я первым делом взвесил на колхозных весах пойманную щуку. В ней оказалось двадцать два килограмма.

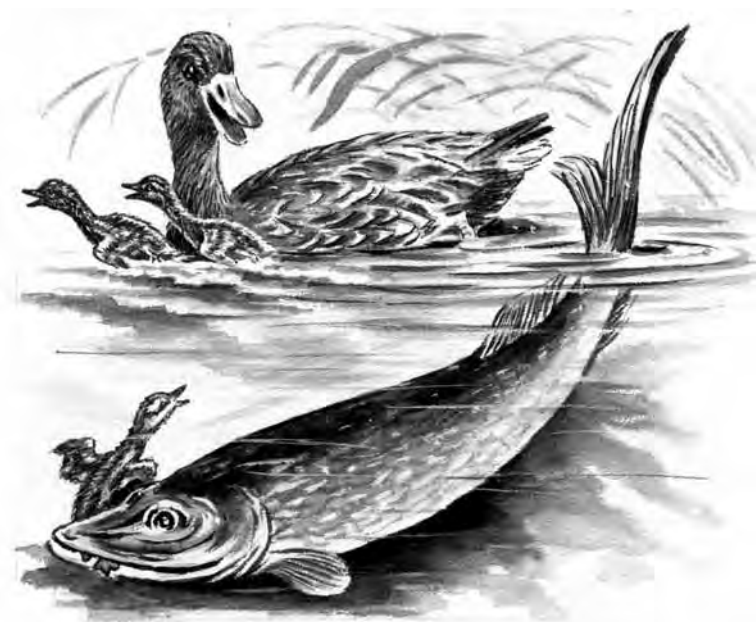
Потом я рассказал по порядку всё, как было, собравшимся приятелям-рыбакам.

— Надо её выпотрошить, а то жарко, как бы не испортилась, — сказал мой хозяин. — Посмотрим, что у неё в желудке, чем сегодня позавтракала.

Он начал потрошить щуку, вынул желудок и разрезал его.

— Ба-ба-ба, да ведь она сегодня не рыбу кушала! — промолвил он, вынимая из рыбьего желудка что-то покрытое не то слипшейся шерстью, не то пухом. — Утёнок... А вот и ещё один... Ах, разбойница! Значит, она утят на воде ловила.

Тут я и вспомнил о всплеске воды в камышах и о дикой утке, выскочившей оттуда со

своим семейством. Значит, вот кто охотился за утятами!

Я поглядел на щуку, на её огромную пасть. Да, такой пастью можно схватить не только утёнка, но и взрослую утку. Сколько живого переловит этот прожорливый водяной хищник! Недаром щука зовётся «речной волк».

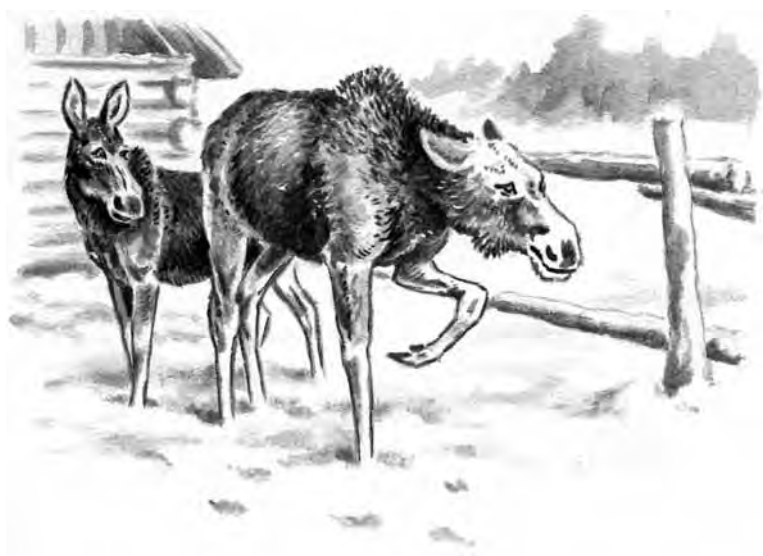
МИТИНЫ ДРУЗЬЯ

Зимой, в декабрьскую стужу, лосиха с лосёнком ночевали в густом осиннике. Начало светать. Порозовело небо, а лес, засыпанный снегом, стоял весь белый, притихший. Мелкий блестящий иней оседал на ветви, на спины лосей. Лоси дремали.

Вдруг где-то совсем близко послышался хруст снега. Лосиха насторожилась. Что-то серое мелькнуло среди заснеженных деревьев. Один миг — и лоси уже мчались прочь, ломая ледяную кору наста и увязая по колени в глубоком снегу. Следом за ними гнались волки. Они были легче лосей и скакали по насту не проваливаясь. С каждой секундой звери всё ближе и ближе.

Лосиха уже не могла бежать. Лосёнок держался возле матери. Ещё немного — и серые разбойники нагонят, разорвут обоих.

Впереди — поляна, плетень возле лесной сторожки, широко раскрытые ворота.

Лоси остановились: куда деваться? Но сзади, совсем рядом, послышался хруст снега — волки настигали. Тогда лосиха, собрав остаток сил, бросилась прямо в ворота, лосёнок — за ней.

Сын лесника Митя разгрёбал во дворе снег. Он еле отскочил в сторону — лоси чуть не сбили его с ног.

Лоси!.. Что с ними, откуда они?

Митя подбежал к воротам и невольно отшатнулся: у самых ворот — волки.

Дрожь пробежала по спине мальчика, но он тут же замахнулся лопатой и закричал: — Вот я вас!

Звери шархнулись прочь.

— Ату, ату!.. — кричал им вдогонку Митя, выскакивая за ворота.

Отогнав волков, мальчик заглянул во двор. Лосиха с лосёнком стояли, забившись в дальний угол, к сараю.

— Ишь как испугались, дрожат всё...— ласково сказал Митя. — Не бойтесь. Теперь не тронут.

И он, осторожно отойдя от ворот, побежал домой — рассказать, какие к ним во двор примчались гости.

А лоси постояли во дворе, оправившись от испуга и ушли обратно в лес. С тех пор они всю зиму так и держались в лесу возле сторожки.

Утром, идя по дороге в школу, Митя часто издали видел лосей на лесной опушке.

Заметив мальчика, они не бросались прочь, а только внимательно следили за ним, насторожив свои огромные уши.

Митя весело кивал им головой, как старым друзьям, и бежал дальше, в село.

ЛЕБЕДИ

В начале мая приехал я из Москвы на Белое море. За одни сутки скорый поезд пронёсся более тысячи километров, и мы обогнали весну, которая не спеша, по старинке, со всеми своими гусями, лебедями и бесчисленной птичьей мелочью тоже двигалась с юга на север.

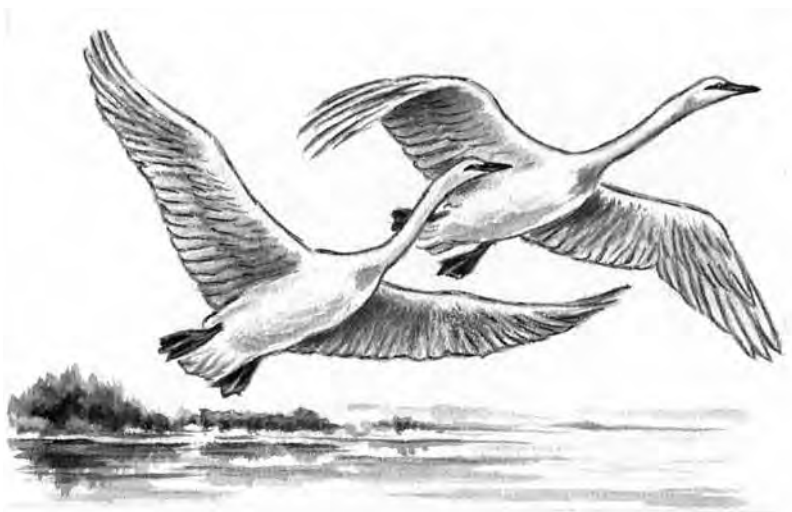
Так и посчастливилось мне в тот год два раза встретить весну: один раз в Москве, а другой раз — у Белого моря.

И до чего же хорошо в эту пору в суровом лесном краю! Вот где природа действительно ликует после долгого зимнего сна. День прибывает не так, как у нас — «на воробьиный шаг». Весной на севере ночь словно тает, как остатки льда по рекам и озёрам. Да, природе есть куда и торопиться. От сплошной темноты зимой нужно перейти к летнему круглосуточному дню. Солнцу надо успеть растопить глубокие зимние снега и хорошенько прогреть землю, чтобы всё кругом зацвело, зазеленело. Ведь недолго гостят на севере весна и лето. Вот солнце и спешит в этот короткий срок отдать земле побольше тепла и света.

Я наблюдал за ходом весны прямо из окна домика, где остановился по приезду. Перед моим окном был палисадник. В нём росло несколько молодых березок, и через их тонкие ветви мне была видна просторная гладь Белого моря.

Оно уже очистилось ото льда. Огромные стаи гусей и уток неслись над водой. Птица летела с юга больше ночами, когда в небе разливались прозрачные сумерки, а море серебрилось и поблёскивало, отражая свет негаснущей зари.

Иногда утки, гуси и даже лебеди опускались на море отдохнуть. Они плавали и ку-

пались в ледяной воде, радостным криком оглашая тишину весенней ночи. А как только край неба над морем начинал розоветь, птицы вновь поднимались в воздух и летели навстречу свету, куда-то в ясную предутреннюю даль.

Но вот однажды утром, выглянув, как обычно, в окно, я увидел на море, совсем недалеко от берега, большую снежно-белую птицу. Она беспокойно плавала взад-вперёд, высоко подняв голову на длинной шее, и тоскливо кричала.

Да ведь это же лебедь-кликун!

Но почему эта осторожная птица держится здесь, на открытой воде, у самого рыбацкого посёлка, никуда не улетает? Может быть, она ранена и не в состоянии лететь?

Я поскорее оделся, взял бинокль и пошёл на берег, чтобы выяснить, в чём дело.

На берегу возле огромных рыбацких лодок играли ребяташки. Тут же лежали ещё не убранные мокрые сети. Очевидно, рыбаки только недавно вернулись с моря, и дети играли, выбирая оставшихся на песке мелких рыбёшек.

Я подошёл к самой воде и поглядел в бинокль на лебедя. Ребяташки окружили меня.

— Дядя, поймайте его. Он не улетит, — заговорили они.

— Почему не улетит? — спросил я.

— Рыбаки его пару словили. Вот только сейчас домой унесли.

— А как он за ними гнался! — воскликнул один мальчуган. — Чуть сам в лодку не влетел. Так следом и плывёт, кричит, крыльями по воде хлопает... До самого берега проводил...

— Подождите, — перебил я, — кто лебедя поймал?

— Иван Васильевич Федотов поймал, — ответили дети.

Узнав от ребят, где живёт Федотов, я тут же отправился в слободу. Отыскать рыбака было нетрудно. Вся слобода уже знала о случившемся, и мне сразу показали его дом.

Хозяина я застал за завтраком. Это был молодой парень огромного роста, белокурый, сероглазый. Он, видимо, только что сбросил

рыбацкую одежду, переделся по-домашнему во всё чистое и, сидя за столом, с аппетитом ел кашу.

Я поздоровался и спросил:

— Вы сегодня поймали лебедя?

— Да, я. Вот добыча-то попалась! — широко улыбаясь, ответил он.

— Как же вы его поймали?

— Я и не ловил, он сам в сеть запутался. Ставная сеть у меня на мели стояла, он лапой за верхние ячеи и зацепился. А уж перепутал всё — не разберёшь. Насилу я его высвободил. Да не даётся ещё, крыльями, клювом бьёт. Всего измочил до нитки. Здоровенный такой! Хотите поглядеть? Он у меня в чулане сидит.

— Очень хочу, — сказал я. — А что же вы будете с ним делать?

Хозяин поглядел на меня удивлённо:

— Как — что? Отвезу в город, отдам в музей. Там, наверное, возьмут. Ведь лебедя не так-то легко поймать.

— Это верно, — согласился я, — только зря вы его всё-таки взяли, а тем более лебёдку, да ещё весной. Сами подумайте: сейчас дикая птица летит с юга на родину — вить гнёзда, птенцов выводить, а вы вот пару разбили.

Парень внимательно слушал меня и, видимо, был в некоторой растерянности.

— Что ж теперь делать-то? — спросил

он. — Ежели её обратно в море пустить — найдёт она своего дружка?

— Его и искать нечего, — ответил я, — он всё на том же месте плавает.

— Так я сейчас её на берег снесу и выпущу, — заторопился парень. — Я мигом сбегаю.

И он, не доев кашу, быстро встал из-за стола, надел куртку и прямо без шапки, с распахнутым воротом шагнул за порог. Я последовал за ним.

Часть сеней была отгорожена в виде тёмного чуланчика. Хозяин осторожно приоткрыл дверь и, загородив лицо рукой, чтобы лебедь не ударил его клювом, вошёл внутрь. Я придерживал дверь. В чуланчике послышался шум, и через секунду рыбак появился оттуда, неся пойманную птицу. Крылья у неё были связаны.

Мы вышли на крылечко.

Увидя солнце и море, лебедь начал рваться из рук, пытаюсь высвободить связанные крылья, и вдруг протяжно закричал. И сейчас же откуда-то издали, с золотистых морских отмелей, раздался такой же протяжный ответный крик.

Мы взглянули туда. Низко, над самой водой, прямо к берегу летела огромная белая птица. Она сделала круг и опустилась на воду почти у рыбацких лодок.

— Эх, дружище, сколько я тебе беды натворил! — сокрушённо сказал рыбак. —

Ну, потерпи чуток, сейчас твою подружку отдам.

И он зашагал ещё быстрее, так что я еле поспевал за ним.

— Пойдите, Иван Васильевич, — сказал я, когда мы проходили мимо моего домика. — Уж раз вы поймали лебедя, я вас с ним сфотографирую.

— Вот это хорошо! — обрадовался рыбак.

Я зашёл домой, взял фотоаппарат, и мы пошли на берег.

— Несут! Охотники лебедя несут! — закричали у лодок ребяташки. — Сейчас другого подманывать и ловить будут!

— Тише вы, чего загалдели? — добродушно прикрикнул на них Иван Васильевич. — Никого мы ловить не будем.

— Вот сфотографирую вас всех, и выпустим лебедя на волю, — добавил я.

Ребята сейчас же окружили рыбака и стали гладить пойманную птицу.

Так я и снял их всех вместе.

— А теперь, Иван Васильевич, давайте я вас одного сниму, как вы лебедя выпускать будете.

Иван Васильевич подошёл к самой воде. Я навёл аппарат... Какой хороший получился снимок! Берег моря и на переднем плане — высокий, широкоплечий рыбак, настоящий русский богатырь, а в руках у него пойманная лебёдка. Передо мной словно ожила старая русская сказка про Иванушку и царевну Лебедь.

Рыбак развязал крылья пойманной птицы и осторожно опустил её на землю.

Почувствовав себя вновь на свободе, лебёдка бросилась в море, замахала крыльями, точно побежала по воде, потом оторвалась от неё и полетела вдаль, оглашая воздух радостным криком. А навстречу ей уже летел давно поджидавший её лебедь.

Вот обе птицы встретились в воздухе и, плавно махая огромными белыми крыльями, полетели вместе над морем всё дальше и дальше, туда, где на самом горизонте темнели низкие пологие острова.

ЛЮБИТЕЛЬ ПЕСНИ

Отправляясь на север, художник Никитин очень торопился. Он задумал написать картину «Весна у Белого моря». Ему хотелось, чтобы в этой картине прозвучала тема обновлённой природы, которая проснулась после долгого зимнего сна. Поэтому он и боялся пропустить самое начало весны.

Конец марта — апрель; на севере в эту пору земля и вода ещё в крепком плену у зимы, но с неба уже полились огненные потоки света и будто зажгли снега. Всё кругом — вековые леса и безбрежный простор Белого моря — сверкает, плавится в нестерпимом блеске весеннего солнца.

Свет и тепло тревожат, будят всё живое. В залитых солнцем вершинах деревьев уже зазвенела первая песня синицы, затрещал лесной барабанщик — дятел; а пройдёт неделя, другая, и по зорям на открытых полянах забормочут краснобровые петухи-тетерева.

И в это же время за тысячи километров, на юге, у берегов Чёрного и Каспийского морей, волнуются, готовясь к отлёту, несметные полчища перелётных птиц. Тронулись первые косяки уток, гусей, лебедей и поплыли в небе стая за стаей с юга на север в далёкие, но родные края.

Птицы летят оттуда, где всё уже зацвело, зазеленело, летят к холодной, ещё покрытой снегом земле, и, будто встречая их, земля оживает, сбрасывает снежный покров, сверкает живым серебром первых весенних потоков.

Никитин успел приехать на место как раз вовремя. На севере уже начиналась весна.

Заскрипели, загрохотали тяжёлые льды; в просветах между ними показалась вода. Солнце и ветер взялись за дело: начали ломать и крушить ледяные оковы зимы.

Художник старался ничего не пропустить в ходе весны. С утра он забирал ящик с красками и отправлялся на берег моря. Там он зарисовывал всё, что замечал нового в природе. Он следил за тем, как оживает земля, как море очищается ото льда, как возвращаются на места гнездовой перелётные птицы.

Утки, чайки, всевозможные кулики — сколько жизни вносили они в общую радостную картину весны!

Но Никитин особенно любил наблюдать не птиц, а забавных морских зверей — тюленей.

В эту весеннюю пору они держались не вдалеке от берегов и часто в погожие дни выползали на прибрежные камни погреться на солнышке.

Никитину хотелось подкрасться поближе, чтобы получше разглядеть этих своеобразных животных, да никак не удавалось.

Слух у тюленя очень тонок. Только, бывало, хрустнет под ногою береговая галька, зверя и след простыл: соскользнёт с камня и нырнёт в море. А потом где-нибудь вдалеке высунет из воды свою чёрную голову и смотрит на человека.

С берега кажется, будто это и не тюлень, а так — столбик какой-то в море чернеет. Вот и исчез совсем, и осталась перед глазами только сверкающая на солнце водная гладь.

Чтобы подкараулить осторожных зверей, художник пробовал часами лежать в засаде у самого берега

возле камней, на которые чаще всего вылезали тюлени. Но звери будто чуяли присутствие человека и не показывались поблизости.

Однажды, ещё издали заметив тюленя, лежавшего у самой воды, Никитин положил на землю коробок с красками и пополз, прячась за камни.

Вот и берег. Замирая от волнения, художник выглянул из-за камня. На месте, где только что лежал тюлень, уже никого не было. Зато вдалеке из воды торчал коротенький тёмный столбик — чуткий зверь с любопытством следил за человеком.

Никитин встал, отряхнул прилипшую к одежде гальку и обернулся, чтобы идти за красками.

Возле коробка стоял какой-то парнишка. Он, очевидно, давно наблюдал за незадачливым следопытом.

Никитин подошёл к мальчугану.

— Здорово, приятель! — весело сказал он. — Ты что, смотрел, как я к тюленю подбирался? Никак не могу подкрасться поближе. Уж больно чуткий.

— А ведь у тебя и ружья нет, — ответил мальчик. — Зачем тебе к нему подбираться?

Никитин показал на краски:

— Я не стрелять, а нарисовать его хочу. Только вот разглядеть никак не удаётся.

— Ну, это дело простое, — радостно отозвался парнишка. — Это мы враз устроим. Идём к берегу, ложись за камень.

Никитин покорно лёг, не представляя, однако, что же будет дальше.

Тем временем мальчуган отбежал от берега и вдруг громко запел на известный мотив «Буря мглою...» Но слова песни были совсем иные. Парнишка протяжно пел:

Тюля, тюля, тюля, тюля,
Покажи из моря нос,
Вылезай на берег, тюля,
Я трески тебе принёс.

Никитин невольно улыбнулся, слушая эту доморощенную импровизацию.

Мальчик продолжал распевать свою забавную песенку. Потом он вынул из кармана губную гармошку и стал наигрывать тот же мотив.

«Сомнительно, чтобы тюлень пошёл на такое музыкальное приглашение», — подумал художник, лёжа за камнем.

Но вдруг невдалеке от берега из воды совершенно бесшумно вынырнула тёмная блестящая голова, и большие, будто удивлённые глаза морского зверя устремились на весёлого музыканта.

А мальчик, то распевая песню, то наигрывая её на гармошке, не спеша уходил от берега всё дальше и дальше.

По мере того как певец удалялся, тюлень больше и больше вытягивал кверху шею. Кажалось, он и вправду слушает пение и следит за певцом.

Но вот мальчик скрылся за ближайшими деревьями, и его пение и музыка, приглашающие тюлю выйти на бережок, слышатся уже вдалеке и звонко разносятся по окрестному лесу.

Тюлень фыркнул, закрутил головой и, подплыв к берегу, быстро пополз из воды.

Он полз, как огромная гусеница, опираясь то на грудь, то на заднюю часть туловища и выгибая горбом своё гибкое, эластичное тело.

Взобравшись на широкий пологий камень, зверь улёгся на нём, нежась на солнышке и, видимо, продолжая прислушиваться к звукам песни.

Никитин находился от тюленя не далее десяти шагов. Зорким глазом художника он разглядывал морского зверя, стараясь запомнить его позу на камне, цвет шерсти, освещённой солнцем, его внешний облик, не похожий ни на кого из наземных животных.

Весь он был такой гладкий, скользкий, так хорошо приспособлен самою природой к тому, чтоб нырять и плавать, чтобы жить в воде.

Разглядывая тюленя, Никитин слегка шевельнулся и хрустнул галькой.

В тот же миг зверь соскользнул с камня и исчез в морской глубине.

Никитин встал, окликнул мальчика. Тот сразу же показался из-за деревьев и во весь дух побежал к художнику.

— Разглядели? — спросил он.

— Спасибо тебе. Так разглядел — лучше и не придумаешь, — весело отвечал Никитин. — Только никак не пойму: почему он из воды вылез?

— Как — почему? Я ж его на песню выманил, — отвечал мальчуган. — Мы, ребята, иной раз придём сюда с настоящей гармонией, с баяном, да как заиграем, как запоём!.. А они из моря головы выставят и слушают, особенно если попротяжней затянем. Тюлень до песни большой охотник!

Никитин попрощался с парнишкой и быстро пошёл домой, чтобы по свежему впечатлению сделать набросок всего, что он сейчас увидел.

Он шёл вдоль берега по мелкой хрустящей гальке, слушая весенние голоса птиц и ленивые всплески моря.

Все эти звуки удивительно подходили друг к другу, будто сливались в одну общую чудесную песню, баюкающую, зовущую куда-то вдаль.

«Песня моря, — подумал Никитин. — И так ведь поёт оно с весны до глубокой осени. Поёт по-разному — то ласково, то сурово, но всегда одинаково прекрасно».

И вдруг Никитину пришла в голову одна занятная мысль: «А кто знает, может быть, именно само вечно поющее море и научило этих морских зверей полюбить песню человека?»

ОН ПОДНЯЛСЯ СО ДНА МОРЯ

Наша экспедиция обследовала на моторном боте побережье нового моря. Это море создали люди, преградив Волгу под городом Рыбинском гигантской плотинной.

Воды могучей реки разлились на десятки километров, затопили луга, леса и болота. На месте прежней земли заплескалось новое, безбрежное море. А с северо-запада к нему подступили вплотную такие же безбрежные просторы северных таёжных лесов. Часть их залила вода.

Угрюмы, неприветливы эти места. Повсюду у берегов торчат из воды голые вершины затопленных деревьев; местами темнеют плавающие острова — торфяники. Огромные площади торфа всплыли со дна.

Некоторые из островов уже поросли осоклой, другие — ещё совсем голые, полужидкие.

Но такой угрюмой, безжизненной эта местность кажется только на первый взгляд. А приглядитесь получше, и вы увидите, что здесь всюду кипит жизнь. Затопленные леса — чудесные убежища для водоплавающих птиц. Тут они находят себе отличный корм и надёжное укрытие от врагов. А в воде, среди затонувших кустов и деревьев, плавают, кормятся стаи различных рыб. Птицы и рыбы совместно осваивают, обживают за-

топленные водою леса — нигде в мире не виданные «водные джунгли».

Вся эта местность — северо-западная часть побережья — объявлена государственным заповедником. Её-то растительный и животный мир и обследовала наша экспедиция.

Однажды под вечер мы вместе с научным сотрудником заповедника Вячеславом Васильевичем отправились с нашего бота поплавать в лодке среди затопленных лесов, понаблюдать их жизнь.

Погода была ясная, тихая, вода как зеркало.

Мы выплыли на открытый плёс. Позади остались хмурые, залитые водою леса, а перед нами раскинулась безбрежная морская гладь. Только кое-где среди этих водных просторов темнели отдельные островки. К ним-то мы и направили наше судёнышко. Проплыли уже с километр.

Неожиданно я увидел, что поверхность воды впереди нас начала как-то странно пузыриться. Вячеслав Васильевич тоже заметил это. Он сейчас же повернул лодку и сильными взмахами вёсел отплыл в сторону.

— Глядите, глядите! — взволнованно сказал он, указывая на воду.

Пузырей на её поверхности с каждой минутой появлялось всё больше и больше — вероятно, это выделялся со дна болотный газ. Но почему же его было так много именно в

данном месте? Казалось, что вся поверхность воды на площади в несколько сотен квадратных метров постепенно вскипала; в других же, соседних, участках она была совершенно спокойна.

Зато в этом месте «кипение воды» всё усиливалось, вот она прямо клокочет, и вдруг... Я не поверил своим глазам: из воды, как в сказке, показались верхушки всплывающих корявых сосенок. Их сучья были сплошь увешаны гирляндами зелёных водорослей. Ещё секунда, и на том месте, где только что кипела вода, со дна моря поднялся новый торфяной островок.

Он весь был ещё полужидкий, насквозь пропитанный влагой. Струи воды стекали по стволам сосенок; частые капли падали с увешанных водорослями ветвей; большие лужи разливались в ложбинах. Но удивительней всего было то, что поднявшийся островок принёс с собою из глубины моря живую подводную жизнь: сотни, тысячи мелких и даже довольно крупных рыб бились, прыгали, трепыхались в лужах и на земле между деревьями. Даже на сучьях, в водорослях, будто в зелёных сетях, запутались отдельные рыбёшки.

Из-за сизой вечерней тучки показалось солнце. Оно осветило гладь моря и этот новый, только что появившийся на свет клочок земли. Зрелище было сказочное: весь островок, ещё покрытый водою, — и зелёные водоросли на его

деревцах, и частые капли, падавшие дождём с мокрых ветвей, и живое серебро скачущих, шевелящихся всюду рыб — всё это вдруг заискрилось, засверкало.

А от берега и с других островов со всех сторон к новому островку, как по команде, слетались тысячи птиц: чаек, крачек, ворон, коршунов; даже огромные орланы пожаловали сюда за лёгкой поживой.

Птицы бросались на землю, хватали рыбу и уносили её, а многие тут же на островке поедали свою добычу.

В воздухе стоял невероятный крик и писк.

— Вот вам рождение новой земли! — возбуждённо сказал Вячеслав Васильевич. — Ну где ещё, кроме нашего моря, вы сможете это увидеть?

— Нигде, — уверенно ответил я.

Долго ещё стояли мы в стороне и наблюдали за тем, как пируют птицы.

— А почему вы, когда увидели, что вода пузырится, сейчас же отплыли подальше от этого места? — спросил я.

— То есть как — почему отплыл? — изумился Вячеслав Васильевич. — Да вы представляете, что бы случилось, если бы остров всплыл прямо под нами и мы вместе с лодкой очутились на нём? Мы бы погибли. Ведь по его поверхности ни ходить, ни плавать нельзя. Она как жидкое тесто. Ну как бы мы с вами оттуда выбрались? Я уж не в первый

раз вижу такое зрелище. Но попасть туда, — он указал на островок, — ни за что на свете бы не хотел.

Уже начинало темнеть, когда мы наконец вернулись к боту. Рассказав о том, что видели, мы поужинали и улеглись спать тут же на палубе.

Наступила ночь, тихая, тёплая. Всё небо усыпали неяркие летние звёзды. Море слегка поблёскивало вдаль, и на фоне воды низкими тёмными силуэтами выделялись отдельные острова.

Несмотря на усталость, я долго не мог заснуть, всё глядел вдаль, на воду, на силуэты едва видневшихся островов, глядел и думал о том, что, может быть, там, в этой безбрежной водной пустыне, вот сейчас рождается новый остров, и тысячи серебристых рыб скачут и прыгают на влажной земле, освещённые тусклым сиянием летних звёзд.

КУЙКА

Лето прошлого года я провёл в Карелии. Приехав в Петрозаводск, я зашёл в охотничье общество, сказал, что я охотник-натуралист, и попросил посоветовать, куда бы поехать, чтобы познакомиться с природой этого края.

Тут же на маленьком дружеском совете

было решено, что лучше всего мне поехать в Заонежье, то есть на другую сторону Онежского озера.

На следующий день я сел на пароход, переплыл озеро и поселился в небольшой деревушке Мальково на самом берегу.

В этих местах озеро всё сплошь покрыто мелкими облесёнными островками. Островков так много (больше сотни), что они получили у местных жителей общее название — Уйма.

Трудно передать, какое чудесное зрелище представляют собой эти острова, в особенности когда плывёшь по озеру в тихую, ясную погоду. Над головой синее безоблачное небо, а кругом такая же синяя, сверкающая гладь воды, и из неё тут и там поднимаются зелёные, покрытые лесом острова.

Между островами извиваются протоки, то широкие, открытые, то узкие, поросшие тростником и камышами, — настоящий рай для уток, гагар и другой водоплавающей дичи.

Невдалеке от нашей деревни, на одном из соседних островов, находилось селение Кижы — несколько домиков, разбросанных по берегу, пароходная пристань, а прямо над нею на высоком пригорке — старинная, рубленая из брёвен церковь о двадцати трёх куполах.

Эта церковь — замечательный образец древнерусской архитектуры — бережно охраняется как памятник старины.

Селение Кижы было видно прямо из моего

окна, и я, сидя дома, часто любовался им.

Но особенно красиво бывало по утрам, когда я ещё задолго до восхода солнца отправлялся на рыбалку.

На прозрачном нежно-розовом фоне зари чётко вырисовывались контуры древнего храма и силуэты кражистых северных домов.

И как удивительно всё это гармонировало с огромными серыми камнями на берегу, прозрачной далью, старыми, поредевшими соснами, с плеском воды, криками гагар на озере, со всей картиной угрюмого дальнего Севера...

Стоя на берегу возле своего ботничка, я смотрел, как над озером, над островами, над всем этим суровым краем тихо занималась заря.

Вот край неба разгорается всё ярче и ярче, на него уже больно смотреть, и вдруг словно поток огненной лавы выльется из-за горизонта, хлынет на озеро и зажжёт его вспышками голубых огней.

Как раскалённые угли, светятся окна домов. Из-за лесистой Уймы медленно поднимается солнце.

Я поспешно сажусь в ботник, черпаю вёслами прозрачную, как первые льдинки, воду и выплываю в озеро навстречу солнцу, навстречу новому, едва зародившемуся дню.

Живя в Заонежье, я почти каждое утро выезжал в озеро на рыбалку и удил до тех

пор, пока солнце не начинало сильно припекать. Тогда я возвращался домой.

Но однажды я заехал дальше обыкновенного. Рыба в это утро бралась хорошо, и мне не хотелось возвращаться домой.

Неподалёку от меня виднелся маленький, весь заросший деревьями островок. Из зелени ветвей выглядывал деревянный домик.

«Подъеду к нему. Может, мне удастся купить молока и хлеба, — подумал я. — Поем, а потом ещё половлю». И, снявшись с якоря, направил свой ботник прямо к домику.

Подплыв к островку, у самой воды я увидел пожилую женщину. Она полоскала бельё. Женщина приветливо поздоровалась со мной и охотно согласилась принести молока и хлеба.

Не прошло и десяти минут, как она уже вернулась назад с крынкой молока и изрядной краюшкой хлеба. Но взять за всё это плату решительно отказалась.

— Да что вы, за что же тут платить! — засмеялась она, разглядывая в ведёрке мой улов.

На дне лодки у меня валялось несколько мёртвых рыбёшек.

Я взял этих рыбёшек и выбросил в воду.

— Жаль, что нашей Куйки нет, — сказала женщина, — она бы их сразу подобрала.

— Какой Куйки? — переспросил я.

— А вы разве не знаете? Вы не здешний?

— Нет, я из Москвы.

— Ах, вот что! Ну тогда понятно, — кивнула она головой. — Куйкой в нашем крае гагару зовут. Видели, конечно, их много по озеру плавают.

— Да, гагар я здесь много видел.

— А вот у нас совсем ручная была, — сказала женщина, — тут около мостков всё время и находилась. Мы её ещё маленьким птенцом взяли, так и выросла среди людей и никого не боялась.

Это меня очень заинтересовало. Я в своей жизни видел немало ручных птиц — скворцов, сорók, галок, ястребов... Но ручных гагар никогда не видел да и не слышал об этом.

Я попросил женщину поподробнее рассказать о своей столь необычной крылатой воспитаннице.

— Ну что же, я с удовольствием, — согласилась она. — Мы тут с Колей, с сыном, каждое лето на даче живём. Он у меня тоже рыболов-любитель, всякую живность в дом тащит.

Вот как-то раз летом поехали мы с ним на лодке за ягодами километров за восемь, на остров Игловский Хвост. Весь этот остров в сосняке, в полянах, ягод там бывает видимо-невидимо.

Плывём мы мимо небольшой луды¹. Толь-

---

¹Луда — каменистый открытый островок.

ко поравнялись, вдруг с неё гагара бултых в воду и удирать от нас. А за ней следом гагарёнок, совсем ещё маленький, тёмненький весь, тоже с берега соскочил и поплыл за матерью.

Подъехали мы к той луде, глядим — у самой воды гнездо гагары. Собственно, и гнезда-то настоящего нет — просто кучка сухого, прошлогоднего камыша, а сверху ямка. В гнезде птенец сидит. Коля его в руки взял, а он и не боится — видно, мал ещё, ничего не понимает. Смешной такой, несуразный, вроде гусёнка. А лапки совсем не в том месте, где у других птиц, — где-то сзади, около хвоста. Ему и бегать-то на них никак нельзя.

Поглядели мы на него и посадили обратно в гнездо.

Вдруг видим: гагарёнок лапками оттолкнулся и, как лягушонок, из гнезда — прыг, прыг — и в воду! Шлёпнулся да и поплыл себе как ни в чём не бывало.

Мы с сыном тоже своим путём к острову направились. Смотрим — а гагарёнок следом за нами плывёт. Мы отгонять, в ладоши хлопать, а он никак отставать не хочет. Коля ему весло протянул. Гагарёнок грудкой на него навалился и вскарабкался.

Взяли мы его в лодку, посадили в корзинку для ягод. Так и привезли домой.

Дома прежде всего забота — чем его кормить? Дали каши, хлеба мочёного, творогу и

варёное яйцо порубили — ничего не ест. Посадили его в клетку, так целые сутки без еды и сидел. А потом Коля малявок вот у этих же сходен наловил и дал гагарёнку. Тот сразу три штуки съел. С тех пор с кормёжкой дело пошло на лад. Но зато в клетке сидеть гагарёнок ни за что не хотел. Поставили мы ему туда миску с водой. Он её опрокинул, воду пролил. Вымок, выпачкался, так по клетке и мечется, между прутиками голову просовывает, того гляди, задушится.

Я и говорю Коле: «Не мучай ты его. Это птица водяная, она в клетке всё равно жить не сможет. Выпусти его лучше у нашего островка возле сходен. Гагар тут много неподалёку плавает, может, он к ним и уплывёт».

Коля сбегал ещё раз на озеро, наловил малявок, накормил получше гагарёнка, а потом отнёс и выпустил вот в этот заливчик.

На следующее утро пошёл Коля купаться, гляжу — что такое, уж он назад бежит! «Мама, мама, — кричит, — гагарёнок-то наш никуда и не уплыл! Только я на берег пришёл, а он из кустов выплывает и прямо ко мне: «Пик, пик, пик...» Пищит, рыбки просит. Я за сеткой прибежал. Сейчас наловлю и покормлю его».

Так гагарёнок и остался жить в заливчике возле сходен. Коля раза три-четыре в день ему малявок ловил. Бывало, позовёт его: «Куйка, Куйка!» — гагарёнок сейчас к нему

плывёт и прямо в руки заглядывает, а сам пищит — покорми, мол.

Сначала Коле занятно было с ним возиться, а потом, видно, надоело. Гагарёнок вырос, ему еду только подавай.

И досаднее всего: кругом в заливчике малявок видимо-невидимо плавают, особенно когда солнышко пригреет, а гагарёнок и не думает их ловить. Вот и решил Коля его приучить нырять, чтобы он сам за рыбой охотился. Ну и забавно это было!

Коля разденется, поплывёт — и гагарёнок за ним. Коля отплывёт немного и нырнёт. Тут гагарёнок начнёт по воде метаться, ищет — куда же его приятель делся? Затем голову в воду опустит, перекувыркнётся, а лапы и хвост снаружи.

Никак сначала нырять не хотел, потом приучился. Но только делу это ничуть не помогло. Рыбу он всё равно ловить не стал, по-прежнему просил, чтобы его из рук кормили. А если ему мало рыбы наловят, не наестся он, тогда прямо на берег лезет, так и прыгает за Колей, как лягушонок.

Один раз пришла на сходни кошка. Она туда часто ходила. Коля ей тоже там рыбки давал. Пришла она, а гагарёнок на бережку был. Кошка к нему — что, мол, за птица, давай-ка познакомимся. Она у меня и с курами, и с утками, со всеми дружила.

Только подошла к гагарёнку, а тот как шею вытянет, как зашипит да клювом её — цоп! —

ущипнул не хуже гуся. Кошка перепугалась, со всех ног прямо домой. С тех пор уж её к сходням и не заманишь.

Через месяц гагарёнок заметно вырос, но от мостков никуда не уплывал. И ведь дикие гагары тут же, бывало, неподалёку плавают, кричат, а он на них даже внимания не обращает.

Из заливики он выплывал только за лодкой. Вот поплыву я на соседний остров корову доить. Она у меня там всё лето паслась. Я плыву, а гагарёнок за мной. Пока я на острове коровую дою, он возле лодки плавает, а как вернусь, прямо ко мне лезет. Возьму его на руки, он усядется поудобнее и сидит, плоский такой, как пирожок. Поглажу его и опять в воду пушу. Так обратно домой и приплывём.

Мы с Колей к Игловскому Хвосту плавали, к той луде, откуда гагарёнка взяли, и он следом за нами, всю дорогу за лодкой плыл.

Мы думали — может, мать-гагара его увидит и позовёт к себе. Но никакой гагары там уже не оказалось.

Я и предложила Коле: «Давай-ка мы нашу Куйку всё-таки оставим. Здесь она скорее к диким гагарам пристанет, а то что мы с ней зимой делать будем, без воды она ведь погибнет».

Вот подождали мы, пока Куйка подальше от лодки отплыла, а потом налегли на вёсла и покатали во весь дух. Только вода за бортом журчит.

Куйка увидела — и ну догонять нас! Да, видно, не может — смотрим, отстаёт всё дальше, дальше. А потом вдруг нырнула, глядь — вынырнула уже ближе к лодке, ещё и ещё... Под водой нас и догнала. Значит, ей под водой удобнее плыть, чем по поверхности.

Так мы домой опять все втроём и приплыли.

Прошло ещё недели две. Куйка совсем большая выросла и такая обжора стала — давай и давай рыбу. Просто хоть с берега не уходи. А сама никак её не ловит. Уж Коля с ней совсем замучился.

Один раз приплыли к нашему островку рыбаки, сетью рыбу ловить. День был жаркий, мелочь у них уснула; они её и выкинули в воду.

Куйка как заметила это, сразу всю рыбу с воды подобрала. С тех пор, бывало, только увидит рыбаков на лодке с сетью, прямо плывёт к ним, рыбу клянчит. Нашу Куйку здесь в округе все рыбаки знали и все её кормили.

Тут моему Коле полегче стало: Куйка ему уж не так досаждала. Только мы всё беспокоились, что ж мы с ней зимой делать будем.

А делать-то ничего и не пришлось. Не дождала у нас Куйка до зимы.

Как-то приплыл к нам рыбак с Волк-острова. Куйка за ним и увязалась. С тех пор и конец, как в воду канула. Уж мы и на

Волк-остров плавали узнать, нет ли её там. Не близкое это дело — километров двадцать от нас по воде-то будет. Только нигде нашей Куйки не нашли. Наверное, к диким гагарам всё-таки наконец прибилась и уплыла на волю.

Вот про нашу Куйку и вся история, — улыбнулась женщина.

Я поблагодарил её и хотел уже плыть обратно на озеро ловить рыбу.

— А скажите, пожалуйста, — вдруг спросила меня рассказчица, — не знаете ли вы, сколько лет гагары жить могут?

— Не знаю, правда.

— Жалко, — сказала она. — А то я третью весну всё нашу Куйку обратно жду — думаю, не вернётся ли откуда-нибудь. Да нет, уж, видно, больше не вернётся. Ну прощайте пока, заезжайте ещё, когда будете близко рыбу удить.

Она взяла пустую крынку и пошла к дому.

А я поплыл обратно на озеро.

Уже начало как следует припекать. Дул лёгкий попутный ветерок.

Я решил больше не ловить рыбу, поставил парус и поплыл домой.

Вокруг меня, всё в солнечном блеске, сверкало и переливалось озеро. У поверхности играла рыба. А возле островов, у самых камышей, вытянув шеи и высоко подняв остроносые головы, плавали рябухи-гагары. И, глядя

на этих птиц, я невольно думал: нет ли среди них той самой Куйки, которую так любовно растили Коля и его мать?

ЛЕСНОЙ ПРАДЕДУШКА

Охота не удалась. Снег от мороза сильно хрустел, и зайцы вскакивали с лёжки, не подпуская на выстрел.

Я решил вернуться обратно в город, выбрался на лесную дорожку и зашагал к станции.

Неожиданно из-за поворота навстречу показался какой-то человек. Он был одет по охотничьему, в короткую меховую куртку и валенки, к поясу привязаны лыжи, но ружья у него не было.

Поравнявшись со мною, прохожий приподнял шапку, поздоровался.

— Ну, как охота? — спросил он.

— Плохо, хочу домой ехать, — отвечал я. — А вы что-то тоже в охотничьем костюме, а без ружья?

— Для моей охоты ружья не требуется, — улыбнулся он.

— Вот как! Какая же это охота?

— Самая безвредная для дичи, — ответил, всё так же улыбаясь, незнакомец, — и самая, доложу вам, интересная. Я ботаник, — пояснил он, — сотрудник краеведческого музея. Летом охочусь за разными травками, корешками, цветочками, а вот

сейчас хочу проведать нашего лесного прадедушку.

— Это кто же такой? — спросил я.

— Хотите, я вас с ним познакомлю? — предложил мой собеседник. — Всё равно охота у вас не вышла, а в город ещё успеете, лучше денёк в лесу провести.

Я согласился и пошёл обратно в лес вместе со своим новым знакомым.

— Меня зовут Михаил Петрович, — сказал он дорогой. — Я уже двадцать шесть лет в здешнем городке в музее работаю. Хорошая работа. — Он даже потёр руки от удовольствия. — Весь этот край, как свой дом, изучил, каждый уголок знаю.

Мы свернули с дороги и направились по лесной тропе среди укрытых снегом кустов и деревьев.

Солнце сюда не проникало, и мы шли будто по голубому хрустальному коридору.

Подул ветерок, вершины высоких сосен слегка зашумели.

— Люблю, когда лес шумит, — сказал, обернувшись ко мне, Михаил Петрович, — особенно летом. Иду и слушаю, о чём деревья переговариваются. Ведь это целый лесной разговор. Его понимать надо. Иной раз деревья тихонько шумят, будто шепчутся между собою. Это значит — погожий день устоялся. Иди смело, куда задумал. А то в другой раз как загудят, заволнуются — ну, жди ненастья, грозы. Им-то сверху видней, что на небе делается, ещё издали тучку увидят и начнут

друг другу весть подавать. А самые старые заохают да застонут, будто страшно им, что не выдержат, сломает их ветер. Зато как пройдёт гроза, выглянет солнышко, тут уж такой по лесу радостный разговор пойдёт, прямо заслушаешься... Ну, вот и пришли, — неожиданно добавил Михаил Петрович.

Мы выбрались на небольшую полянку и сразу из голубого сумрака попали на яркий свет. Всё кругом — и земля, и кусты, и деревья, укрытые снегом, — всё сверкало в морозном блеске зимнего солнца.

Посреди поляны стоял огромный, раскидистый дуб, на целую голову выше других деревьев.

— Познакомьтесь, это и есть наш лесной прадедушка, — указал на него мой спутник.

Мы подошли поближе к лесному гиганту. Сучья его были так велики, что сами походили на толстые стволы деревьев.

— Сколько же ему может быть лет? — спросил я.

— Да полтысячи будет, а то и побольше, — ответил Михаил Петрович. — Это знаменитое дерево, — с гордостью пояснил он, — о нём даже написано в летописи местного края. В тысяча восемьсот двенадцатом году наши партизаны-разведчики следили с него за французами. Так и написано: «...с дуба на Лысой горке...» Вот она, Лысая горка, и есть. А спустя ровно сто тридцать лет этот дедуш-

ка опять службу нам сослужил: наши партизаны с него за фашистами наблюдали.

Мы обошли вокруг дуба, оглядели его со всех сторон.

Вдруг мне показалось, что ствол дерева будто скован железом. Я подошёл поближе — так и есть. На ствол был надет огромный железный обруч.

— А это что же такое? — спросил я у Михаила Петровича.

— Тоже следы войны, — ответил он. — Дедушка ведь тоже ранен был: фашистским снарядом в него угодило. Только крепок старик, устоял, не поддался. Треснул немного, а устоял. Так пять лет и прожил с этой раной. А в сорок седьмом году сильная буря у нас была: много деревьев с корнем повырвало, поломало. Ну на другой день пошли наши пионеры в лес, поглядеть, что там буря наделала. Только, гляжу, бегут обратно, прямо ко мне в музей: «Михаил Петрович, беда! У старого дуба трещина совсем разошлась». Я с ними — в лес. Гляжу, верно: ещё немного — и погибнет наш дедушка. Что делать? Мы — в лесничество. Рассказал я там обо всём. Говорю — спасать надо. А они и внимания не обращают. «Спилим, — говорят, — на дрова, вот и всё». Да разве можно такое дерево на дрова пилить?! Вышли мы из лесничества. Кто-то из ребят и предложил: «Возьмёмка шефство над нашим лесным прадедушкой. Ведь это дерево историческое, во что бы то ни

стало сохраним его!» Пошли мы в Дом пионеров к заведующему. Он тоже одобрил. А оттуда — в исполком, прямо к самому председателю. Тот всё выслушал. «Молодцы! — говорит. — Исторические памятники обязательно охранять надо». И тут же дал предписание, чтобы в мастерской обруч сделали и ствол дерева им оковали. Вот уж оно с тех пор четвёртый год стоит; ещё полтысячи лет проживёт. А это его правнуки здесь растут, — добавил Михаил Петрович, указывая на землю.

И тут только я заметил, что по всей поляне из-под снега торчат, как сухие травинки, совсем молоденькие дубки.

— Всё друзья мои, пионеры, посадку делали, — с невольной гордостью объяснил Михаил Петрович. — В тот же год жёлуди с этого дуба собрали и рассадили по всей поляне. Вот теперь, значит, внучата возле дедушки и растут. А он их от ветра, от холода прикрывает.

Михаил Петрович помолчал немного и снова заговорил:

— Придёт весна, оденется этот дуб листвою, стоит такой огромный, тенистый, а они возле него на полянке — как ребятишки около дедушки. Я часто сюда под вечер захожу. Сяду в сторонке, а сам смотрю на них да слушаю. Внизу под деревьями тихо, трава стоит — не колышется, только поверху ветерок вечерний гуляет, трогает листья дуба. Шумят они, а мне кажется, будто это старик

своим внучатам про всю свою жизнь рассказывает.

Михаил Петрович взглянул на меня и, улыбнувшись, добавил:

— Хорошо весною под вечер его беседу послушать! А вот о чём она, словами и не расскажешь.

ГОЛУБОЙ ДВОРЕЦ

Бывают такие люди: простые, радушные — встретишь человека впервые, а кажется, будто ты давным-давно знаешь его, давно уже дружишь с ним.

Вот таким именно и был старый лесник Пётр Захарович, по прозвищу «мил человек».

А прозвали его так за то, что это была его любимая присказка. И, по правде говоря, больше всего она подходила именно к нему самому.

Я познакомился с Петром Захаровичем совершенно случайно. Шёл как-то летом с охоты поздно вечером; лес чужой, путь до деревни, где я остановился, неблизкий. Устал я. А уж начало смеркаться.

«Не заночевать ли, — думаю, — прямо в лесу? Развести костёр, вздремнуть тут же, под ёлкой. А как начнёт светать, поохотиться на утренней зорьке — и в деревню».

Только вот беда — уж очень комары донимают. Так и лезут в лицо. Пожалуй, за ночь совсем съедят. Что же делать?

Иду, раздумываю. Вдруг вижу — в стороне огонёк блеснул. Я — туда. Выхожу на поляну. Посредине её деревянный домик — лесная сторожка. В окне свет горит.

Вот тебе и ночлег. Наверное, пустят на ночь в избушку.

Захожу: просторная комната, у окна стол, лампа горит, на столе самовар, а за ним в уголке старичок сидит, чай пьёт. Увидал меня, говорит:

— Откуда-то гость ко мне пожаловал? Заходи, мил человек. Чайком с мёдом, с малиною угощу.

— Спасибо, дедушка. — Я поставил в угол ружьё, повесил на гвоздь сумку, куртку и подсел к столу. — Я, дедушка, в вашем лесу первый раз. Вчера только в деревню Дубки в отпуск приехал. Хочу поохотиться, порыбачить.

— Так-так, — кивнул старик. Он налил мне чаю, пододвинул деревянную чашку с мёдом, кузовок с малиной. — Пей, мил человек, на здоровье, отдыхай, устал небось.

Выпили мы по стаканчику, по второму, разговорились. Вернее, я больше слушал, а Пётр Захарович рассказывал про свой лес, где какая дичь водится, куда сходить по грибы, по малину.

— Да чего тебе, мил человек, в деревне сидеть. От Дубков и лес и речка не так уж близко. А у меня всё под боком. Сходи завтра в деревню, возьми своё добро и ко мне возвра-

щайся. Живи хоть месяц, хоть два, сколько душе пожелается. И тебе на охоту ходить способнее, и мне, старику, веселей.

Так я и сделал. На следующий же день отправился в Дубки, забрал свои вещи и переселился к деду в сторожку. Весь отпуск у него прожил. Какое это было чудесное время! Дни выдались все как на подбор — ясные, солнечные, настоящие летние дни.

Вставали мы с Петром Захаровичем вместе с солнышком, пили чай, брали немного еды и отправлялись на целый день в лес.

Дедушка захватывал с собой кузовок. Он его сам сделал. Ловко так смастерил, с перегородкой на два отделения. Одно — для грибов, другое, поменьше, — для ягод.

Я же брал с собой ружьё или удочку. Так мы сразу распределили обязанности: я должен был заботиться о дичи и рыбе, а Пётр Захарович — о ягодах и грибах.

Выйдем, бывало, на зорьке в лес. Воздух прохладный, чистый, пахнет свежескошенным сеном. Все поляны седые от обильной ночной росы. А до кустов, до деревьев лучше и не дотрагивайся: чуть заденешь плечом — сразу дождь на тебя польётся.

— Не беда, мил человек, — улыбнётся, бывало, дедушка. — Солнышко выйдет — разом высушит.

Мы уходили от дома далеко в лес, бродили по заросшим черникой сухим болотам. В таких болотах нога тонула, будто в перине, в

глубоком мху, а в воздухе крепко пахло пьянящим запахом багульника. Потом мы выби-
рались на лесные поляны, сплошь заросшие
душистым клевером и белыми глазастыми ро-
машками. Мы заглядывали в густые малин-
ники и рвали тёмно-красные спелые ягоды.
Рвать их приходилось очень осторожно — ина-
че они осыпались на землю, оставляя после
себя на концах ветвей короткие белые «паль-
чики».

Нередко мы посещали и старую вырубку.
На ней тут и там торчали широкие полу-
сгнившие пни. На этих пнях на солнцепёке
грелись юркие ящерицы и сидели, распутив
крылья, красивые бабочки, с тёмными, по-
чти чёрными крыльями, — траурницы и ярко
расписные адмиралы.

При нашем приближении ящерицы тот-
час исчезали в расщелинах пней, а бабочки
взлетали и кружились над вырубкой.

Иногда возле старого пня нам удавалось
найти совсем перезревшую ягоду земляники.
Она походила на густую, засахаренную кап-
лю варенья и пахла так аппетитно, будто и
впрямь была только что сварена здесь на сол-
нышке.

Потом мы шли в прохладные березняки и
осинники, искали в траве среди прошлогодних
листьев подберёзовики с тёмно-коричневыми
бархатными шляпками и красноголовые подо-
синовики. Очень часто во время наших скита-
ний я совсем забывал про охоту и про рыбалку.

Мне нравилось, больше чем удить или стрелять, ходить вместе с дедушкой и наблюдать за тем, с каким вниманием, с какой любовью осматривал он всё, что нас окружало.

Пётр Захарович знал всех птиц, мог определить их по голосу, по внешнему виду, знал, какая из них где гнездится, чем кормит птенцов, какую пользу приносит лесу, помнил все барсучьи и лисьи норы, мог точно сказать, где водятся белки, куницы, где летом держатся лоси со своими лосятами. Он знал лес не хуже, чем свой собственный дом. Да, пожалуй, лес-то и был его настоящим домом.

Сколько раз мы с ним забирались в самую глушь и бродили там до глубокой ночи. Дедушка никогда не плутал в лесу, всегда безошибочно находил дорогу к сторожке.

Ходим, бродим, бывало, весь день, наберём ягод, грибов, а вот дичи нет.

— Не беда, мил человек, — улыбнётся дедушка. — На что нам мясо? Мясо — вещь вредная. Мы сейчас картошку почистим, с грибками наварим — самое хорошее кушанье.

Всё живое: зверей, птиц, ящериц, лягушек — любил и берёг Пётр Захарович.

Старик зорко следил за тем, чтобы никто из ребят, пришедших по ягоды, по грибы, не ломал кустов и деревьев, не разорял птичьих гнёзд, вообще не вредил лесу.

Сам Пётр Захарович выполнял свою работу, как говорят, не за страх, а за совесть.

С утра до ночи пропадали они в лесу. На десятки километров знал каждое дерево. И всё, бывало, хлопочет: то молодые саженцы проверяет, следит — не напали ли на них вредители, то сушняк соберёт да и сожжёт, чтобы в нём не развелись короеды, то пойдёт старые деревья осмотрит — не треснул ли где ствол, не поломало ли ветром сучья.

А уж за птицами, за всякой живностью так наблюдает, будто это не простой лес, а заповедник.

Но, заботясь обо всех обитателях леса, Пётр Захарович имел особую привязанность к крохотным лесным труженикам — муравьям.

Целыми часами дедушка мог сидеть возле муравейника и следить за этими занятными существами.

— Нет, ты приглядись-ка получше, — бывало, говорил он, — это вот работники! С утра до ночи трудятся: кто соломинку тащит, кто листочек несёт, а кто на охоту отправился за слизняками, за гусеницами. Сколько погани разной уничтожат, не сочтёшь. Большую пользу лесу приносят.

Если Пётр Захарович видел, что муравей не может справиться со своей ношей, старик брал прутик или травинку и осторожно помогал маленькому труженику преодолеть препятствие. При этом Пётр Захарович ласково приговаривал:

— Ты не бойся, дурашка, я ж тебе вреда не сделаю, я ж помогаю тебе.

И должен сказать, что нигде я не видел таких огромных, никем не тронутых муравейников, как в лесу у Петра Захаровича. Это были настоящие лесные дворцы, сказочные терем-терема.

Да разве одни муравейники говорили о том, с какой ду-

шой выполняет дедушка своё любимое дело.

Нигде ещё не встречал я такого множества разных птиц и всякой другой живности, такого будто всегда улыбающегося леса. Этот старый весёлый лес всем своим видом напоминал мне самого дедушку.

Незаметно пролетел мой отпуск в лесной сторожке. Пришло время возвращаться в город. Я простился с Петром Захаровичем, обещая будущим летом опять приехать на отпуск в его лесную избушку.

Увы, в следующее лето началась война. Наступили тяжёлые годы. Люди даже забыли о том, что такое покой и отдых.

Только спустя десять лет мне вновь довелось побывать в знакомых местах.

И вот я опять бреду по той же лесной дороге, прямо к сторожке Петра Захаровича. Наверное, старика давно уже нет в живых. Кто же теперь там живёт, кто охраняет лес с его зверями, птицами, со сказочными дворцами-муравейниками? Деревья редуют. Впереди поляна. На ней сторожка. Но где же она? Может, я ошибся, попал на другое место? Нет, не ошибся. Вот здесь, под соснами, стоял деревянный домик. Полуразрушенный остов из кирпича — основание печи — да обломки сгнивших брёвен, целый ворох гнилушек — это всё, что осталось от домика Петра Захаровича, всё, что осталось как память о нём самом.

Но нет, не всё! Есть и ещё одна памятка. И кто же её смастерил? Именно те хлопотли-

вые лесные труженики, о которых дедушка всегда так заботился.

Под старой сосной, где раньше была скамеечка, на которой старик сиживал по вечерам, на этом месте муравьи выстроили свой огромный лесной дворец.

Я подошёл к нему и даже улыбнулся. Как хорошо! Лесной дворец был построен из тех самых гнилушек, которые остались от домика лесника.

«Наверное, дедушка был бы доволен, если бы знал, как лесные жители используют остатки его старенького жилища», — подумал я.

Долго сидел я на лесной поляне и наблюдал за муравьями. А они всё тащили гнилушки, всё отстраивали из них своё удивительное жилище.

Потом я пошёл бродить по лесу, по тем местам, где мы хаживали вместе с Петром Захаровичем. Хотелось повидать и старый дуб, и барсучьи норы, и заросший черёмухой берег лесного ручья.

Уже стало темнеть, когда я наконец спохватился: ведь придётся идти обратно в деревню километров двенадцать, а то и больше. «Не беда, в этом лесу мне знакомы все дорожки, все тропы. Правда, за десять лет многие совсем заросли. Ничего, доберусь как-нибудь».

Не без труда выбрался я наконец на дорогу и пошёл по ней. Вот и поляна, где стояла сторожка. Но что же там светится, неужели

остатки костра? Может, кто-нибудь тут ночует? Нет, свет какой-то странный, голубоватый.

Я свернул на поляну и остановился. За всю свою жизнь я не видел такого зрелища. Это светился лесной дворец-муравейник. Он весь казался сделанным из голубого стекла и был освещён откуда-то изнутри.

Да и не он один. Вся поляна кругом была точно усыпана тысячами крохотных голубых огоньков. Будто это совсем не земля, а тёмная ночная вода и в ней отражаются мириады тусклых лесных звёзд.

Сразу я ничего не понял. Но вскоре догадался. Да это же светятся рассыпанные по земле гнилушки. И муравейник тоже построен из них, из остатков лесной сторожки.

Я ещё раз взглянул на светящийся, будто вылитый из хрусталя, лесной дворец и подумал: «Вот достойная награда тому, кто всей душой любил родную природу».

**СКАЗКИ
СЛЕДОПЫТА**

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Это случилось давным-давно. Прилетела с юга в наши края Весна Красна. Собралась она леса зелёной листвою обрядить, на лугах пёстрый ковёр из трав и цветов раскинуть. Да вот беда: Зима никак уходить не хочет, видно, понравилось ей у нас гостить; что ни день, то задорней становится: закрутит пургу, метель, во всю мочь разгуляется...

— Когда ж ты к себе на север уйдёшь? — спрашивает её Весна.

— Подожди, — отвечает Зима, — твоё время ещё не пришло.

Ждала, ждала Весна и ждать устала. А тут ещё все птицы и звери — всё живое взмолилось к ней:

— Прогони Зиму, заморозила нас совсем, дай хоть погреться на солнышке, поваляться в зелёной траве.

Опять Весна спрашивает Зиму:

— Скоро ли ты уйдёшь?

А Зима хитра, вот что придумала.

— Стара я стала, — отвечает Весне. — Все месяцы перепутала, не помню, когда мне срок настаёт в дальний путь собираться. Давай так решим: как запоёт по-весеннему первая птица, так, значит, я и отправлюсь на север.

Согласилась Весна. Полетела она по полям, по лесам, созвала всех птиц, которые в этих краях зимовали, и говорит им:

— Запойте скорее весёлые песни! Зима как услышит их, так и уйдёт отсюда.

— Это нетрудно! — с радостью согласились птицы. — Мы завтра же утром, как только выглянет солнце, так сразу и запоём.

Настало утро, поднялось солнце. Хотело на землю взглянуть, да не тут-то было: Зима затянула всё небо серыми тучами и ну давай посыпать поля и леса хлопьями снега. А потом как закрутит метелью, света белого не видать.

Все птицы попрятались кто куда. А Зима и рада. Говорит Весне:

— Что-то не слышу я птичьей весёлой песенки? Значит, рано мне уходить. Поживу ещё месяц, а то и два.

И на другой, и на третий день всё непогода: то снег идёт, а то и дождь вместе со снегом.

«Как же Зиму прогнать?» — думают пти-

цы. Наконец самые озорные из них — воробьи — решили запеть. Не беда, что на воле холодно, сыро. Расчирикались воробьи за деревенской околицей, прямо удержу нет. Крылышки распускают, хвостики растопырили, наскакивают друг на друга, кричат, шумят, из кожи лезут вон — так стараются.

— Слышишь, как весело воробьи поют? — говорит Весна Зиме.

Но та и слушать не стала.

— Да разве это пение?! — ответила она. — У меня снегири да клесты с утра до ночи в лесу кричат. Я это за пение и не считаю...

Услышал их разговор пёстрый дятел и говорит Весне:

— Видно, без моей помощи никак не обойдётся. Завтра же я за дело примусь: такой концерт в лесу устрою, любо-дорого будет послушать.

Согласилась Весна, ждёт с нетерпением, какой весенний концерт устроит в лесу пёстрый дятел.

Только долго ждать ей не пришлось. Едва рассвело, взлетел дятел на верхушку сухой сосны, уселся там поудобнее на её ствол, цепкими коготками за кору ухватился, опёрся на растопыренный хвост да как застучит клювом по сухому дереву.

Далеко по лесу разнесло эхо барабанную дробь лесного барабанщика — дятла. И сейчас же с разных концов послышалась ответная трескотня. Все дятлы, как по команде,

принялись барабанить, приветствуя приход Весны.

— Слышишь, как радостно дятлы меня встречают? Пора тебе уходить! — говорит Весна Зиме.

А Зима только рукой махнула.

— Послушай-ка, — отвечает, — как скрипят в бурю старые сосны и ели, ещё забавнее получается. Дятлы твои совсем петь не умеют, только носами стучат. Какая же это песня?!

«Что правда, то правда...» — вздохнула Весна. Решила она других певцов поискать.

— Давай-ка я попробую, — предложила синица, — мне ни снег, ни мороз не страшны. Пусть только солнышко выглянет, я сразу и запою.

Дождалась синица, когда солнце выбралось из-за туч. Начала она перепархивать с ветки на ветку, а сама звонким голоском распевает: «Чи-чи-ку, чи-чи-ку...» Ловко так у неё получается, будто серебряный колокольчик звенит.

— Слышишь, как хорошо синица поёт? — спросила Весна у Зимы. — Или ты и это за песенку не считаешь?

— Конечно нет, — отвечает Зима. — Пойдём-ка со мною в лес, послушай лучше, как звенят сосульки на ветках, когда их качает ветер. Куда лучше выходит. Нет, это совсем не песня.

Хитрит Зима. Не хочет синицу настоящим певцом признавать. Что поделаешь, придётся искать другого.

— А если я попытаю счастья? — предложила свои услуги длиннохвостая серенькая овсянка. — Я всю зиму с воробьями на деревенских гумнах жила, а теперь перебралась на лесную поляну. Там я и спою свою первую песенку.

— Ну что ж, попробуй, — согласилась Весна.

И вот как только настало утро, овсянка уселась на верхушку дерева и тоненьким голоском запела: «Зинь-зинь-зинь-зи-и-и-и-и».

Помолчала, передохнула немножко и снова: «Зинь-зинь-зинь-зиинии-иинии».

Простенькая получилась песенка, но зато такая хорошая, задушевная.

— Слышишь, как славно овсянка поёт? — сказала Весна Зиме. — Значит, пришла пора тебе в дальний путь отправляться.

Рассмеялась Зима:

— Ну и песенка, ну и певец! Да у меня в лесу корольки и пищухи с утра до ночи пищат. Я это за песню никак не считаю.

Загрустила Весна. К какому же ей певцу ещё обратиться? Уж и не знает, кого просить.

А тут, глядь, откуда ни возьмись — тетерев-косач прилетел. С виду красавец: перья чёрные с сизым отливом, брови красные, хвост косицами на две стороны завивается. Сразу видно — лесной артист.

— Давно бы меня попросили, — сказал он Весне. — Я завтра чуть свет усядусь на сук старой берёзы да на весь лес и запою. И пти-

цы, и звери — все моё пение хорошо знают.

Обрадовалась Весна: «Наконец-то настоящий певец нашёлся! Теперь Зиме уж не отговориться».

И вот только настало утро, с высокой берёзы раздался задорный крик тетерева. «Чу-фшшшшшшш! Чу-фшшшшшшш!» — шипел он, да так громко, что было слышно не только в лесу, но и в полях, и во всей округе.

— Ишь тетерев зачуфыкал, — говорили люди в соседней деревне, — значит, скоро тепло настанет.

Полетела Весна к Зиме.

— Слышишь, как громко поёт в лесу тетерев? Люди в деревне толкуют, что это к теплу он так распелся, значит, пора тебе уходить восвояси.

— А какое дело мне до людей? — заносчиво отвечает Зима. — Ты заставь птиц петь по-весеннему, тогда я и уйду. А тетерев совсем не поёт, только шипит, как змея. Разве это можно песней назвать!

Ничего не ответила ей Весна. Улетела прочь, думает: что же дальше ей делать, какого певца найти, чтобы Зима опять не сумела отговориться? Много певцов имеется: славки, малиновки, соловьи... всех и не перечесть, только все они зимуют на юге. Теперь эти птицы ждут не дождутся, когда наконец в их родных краях растает снег, зазеленеет трава и можно будет снова к себе домой вернуться.

Но пока вся земля покрыта снегом, пока в полях и лесах хозяйничает Зима, перелётные птицы боятся возвратиться на родину.

Так ничего и не смогла придумать Весна за весь день.

Опять наступила ночь, а за нею утро. Из-за дальнего леса медленно выплыло солнце. Оно осветило леса и поля, все белые — покрытые снегом. Только кое-где на пригорке ветер сдул белый наряд Зимы. Там темнела мёрзлая, укрытая бурой прошлогодней травой земля.

Вдруг с одного из таких пригорков взлетела небольшая серая птичка — жаворонок. Взлетела, но не умчалась вдаль, вовсе нет. Она затрепетала крылышками и стала медленно подниматься всё выше и выше. И вот оттуда, с голубой высоты, полилась на землю радостная звенящая песня.

В этой песне слышался и тихий звон весенней капли, и журчание хлопотливого ручейка, и ещё что-то такое светлое, радостное, чего словами и передать нельзя.

Далеко-далеко разнеслась песня жаворонка по полям, по лугам и даже по глухим лесным трущобам.

Заслышав эту весеннюю песню, торопливо полезли из своих норок, из щёлок, из трещинок все, кто скрывался от лютого зимнего холода. Жучки, паучки, букашки выбирались на солнышко, грелись там, расправляли крылышки, усики, ножки...

Вылез из норы и толстый лентяй барсук. Даже огромный медведь заворочался с боку на бок в своей берлоге.

Все звери, и птицы, и крохотные букашки слушали песню жаворонка, и все, наверное, думали об одном: о том, что сейчас уже не страшна лютая стужа, что нечего было её и бояться, потому что всегда вслед за зимним ненастьем наступают светлые вешние дни.

А жаворонок всё пел, поднимаясь выше и выше. Яркое солнце осветило его, и теперь он уже казался с земли не серенькой птичкой, а золотой звёздочкой, вторым крохотным солнышком, рождённым самой землёй.

— Что же, и это не песня? — спросила Весна Зиму.

Но Зима ничего ей не ответила, только рукой махнула. Она уже отправлялась в далёкий путь.

САМЫЙ УПРЯМЫЙ

Ранним апрельским утром проснулось солнышко, отдёрнуло лёгкую кисею облаков и взглянуло на землю. А там за ночь зима да мороз свои порядки повели: свежим снегом равнины, холмы укрыли, а в лесу, на сучьях деревьев, развесили гирляндами ледяные сосульки.

Ребятишки последнему снегу радуются, смеются, шалят, в снежки играют.

Поглядело солнышко на эти проказы зимы и говорит: «Ну, погоди, теперь-то с тобой я живо управлюсь!» Да как начало землю прогревать, сразу и снег и лёд растопило.

Вот в лесу по ложбинке побежал весёлый говорливый ручеёк, побежал и запел свою звонкую песенку:

Я лежал в лесу и в поле
Белоснежной пеленой.
Не сидится детям в школе,
Прибегут играть со мной.

Я в мороз висел сосулькой,
Был колючий, как кинжал,
А теперь запел, забулькал,
По ложбинкам побежал.

Вдруг на своём пути ручеёк заметил под корнями старой берёзы глубокую норку. «Дай-ка я загляну в неё!» — решил ручеёк и тихонько зажурчал, пробираясь между корнями.

А в глубине этой норки сладко спал, свернувшись в клубок, сердитый колючий ёжик.

Он ещё с осени разыскал это укромное местечко между корнями, натаскал туда моху, опавших листьев, закутался в них поплотнее да заснул на всю зиму.

Он бы, наверное, ещё поспал недельку-другую, да только не удалось: холодный ручеёк забрался в его тёплую сухую постель, сразу разбудил ежа.

— Это ещё что за безобразие, кто меня будит, поспать не даёт?! — сердито заворчал ёж.

Но ручеёк его вовсе не испугался: ведь ёжик никак не мог уколоть его острыми колючками.

Вот поэтому ручеёк так же весело продолжал петь озорную песенку:

Загляну в лесные хатки,
В заповедный уголок.
Кто играл с зимою в прятки,
Полно прятаться, дружок.

Просыпайся поскорее,
Вылезай на вольный свет.
Солнце греет горячее,
Злой зимы растаял след.

— Ох, какой ты несносный! — продолжал ворчать ёжик. — Бр-ррр, какой ты мокрый, холодный! — И ёж поскорее выбрался на волю из своего зимнего убежища.

А в это время в лесу уже хозяйничала весна. Вместе с солнышком они прогнали на север злую зиму и убрали лес по-новому, по-весеннему. Всюду темнела влажная оттаявшая земля. А на открытых полянах, на самом припёке, даже начинала зеленеть первая молодая травка.

По кустам и деревьям распевали птицы: зяблики, дрозды, скворцы... И свежий ветерок разносил по лесу тончайшие весенние запахи. Пахло согретой землёй, набухшими древесными почками и свежей, едва появившейся зеленью.

Ёжик выбрался на лесную поляну, почесал лапкой один бок, потом другой, стряхнул с себя приставшие за зиму сухие листья и с удивлением огляделся по сторонам.

— Ничего не пойму, — проворчал он. — Вчера, когда я ложился спать, лес был совсем не такой: на земле лежали опавшие листья, трава была серой, засохшей. И небо совсем другим, всё в низких, дождливых тучах. А теперь — солнышко светит, птицы поют, трава зеленеет. Чудеса, да и только! Наверное, я со вчерашнего дня хорошо поспал.

— Да, ты поспал на славу! — рассмеялась, прыгнув с ближайшей сосны, весёлая белка.

Но ёж и её не сразу узнал: какая-то на ней была странная, будто изорванная одёжка, вся в разных заплатках — то ли серая, то ли рыженькая.

— Что это ты сегодня как плохо оделась? — спросил он белку. — Всё лето была такая гладенькая, рыженькая, а теперь будто кто тебя пощипал. Уж не побывала ли в зубах у лисицы или в когтях у ястреба?

— Нет, — весело отвечала белка, — это я линияю: хочу поскорее сменить зимнюю серую шубку на летнюю рыженькую одёжку! В такой одёжке ты меня раньше и видел. Она попрохладнее зимней.

— А зачем же ты в тёплую шубку переодевалась? — не понял ёж.

— Как — зачем? — в свою очередь уди-

вилась белка. — Да в летней одежке зимой замёрзнешь. Ты даже не знаешь, как зимою бывает холодно, когда начнутся морозы, метели и всю землю укроет глубокий снег. — Б-ррр, как тогда плохо в лесу!

— Зима, снег!.. — улыбнулся ёжик. — Ну чего ты только, врунишка, не выдумаешь. Ничего подобного я не видывал. Это тебе всё, верно, приснилось.

— Ах ты, глупый! — всплеснула лапками белка. — Вы только, друзья, послушайте, что он говорит: зима мне приснилась! Да она не мне, а тебе, лентяю, присниться могла. Ты же с осени до самой весны в норе проспал.

— А ты разве никогда не спишь? — хитро улыбнулся ёжик. — А помнишь, как ты на солнышке пригрелась, уснула да чуть было ястребу на обед не попала. Я бы тоже мог тогда рассказать, что, пока ты спала, зима приходила и снегом землю укрывала. Мало ли что я бы смог сочинить. Только я таких глупостей никогда не делаю, потому что я умней и солидней вас всех и врать не люблю.

И ёжик, чтобы придать себе ещё больше важности, запыхтел и захрюкал, как поросёнок.

— Ну и чудак! — не унималась белка. — Ты умней всех, а меня и слушать не хочешь. Хорошо же, сейчас я твоего приятеля — зайца сюда позову, может, он тебя убедить сумеет.

Белка вскочила на соседнюю сосенку, огляделась кругом и закричала:

— Зайка, зайка, беги скорей, послушай, что тут глупый ёжик рассказывает!

Заяц в два прыжка прискакал на лесную поляну. Присел, насторожил уши.

— В чём тут дело?

Поглядел на него ёжик и даже рассмеялся. У зайца на боках, поверх бурой одежды, виднелись какие-то белые заплаты.

— Ну и хорош франт, нечего сказать! — воскликнул ёж.

— Не смейся надо мной, — слегка обиделся заяц. — Это я линяю: белую зимнюю шубку сбрасываю, в летнюю одежду переодеваюсь. Зимой белая тёплая шубка меня от мороза, от ветра спасала и от глаз врагов прятала. Улягусь, бывало, под кустиком, лежу тихо, не шевелюсь, вот меня, белого, на белом снегу и незаметно.

— И он про какую-то зиму, про белый снег сказки рассказывает! — возмутился ёжик. — Вы, верно, приятели, сговорились меня дурачить. Только меня не обманешь. Раз я, ёжик, ни зимы, ни морозов, ни снега не видал — значит, их и не бывает. Всё это сущие выдумки.

— Что ты, ёжик, что ты! — возмутилась, прыгая с ветки на ветку, непоседа синичка. — Да как же ты говоришь, что зимы не бывает? Зима — это самое страшное время. Зимой очень

холодно, голодно. Я в этом году чуть-чуть с голодухи не умерла. Спасибо деревенским ребятам: они устроили для меня бесплатную столовую. Я каждый день к ним в деревню летала обедать, поклюю хлебных крошек, зёрнышек конопли и обратно в лес улетаю. Так всю зиму и прожила, не голодала.

— Всё это выдумки, всё это вздор! — упрямо твердил ёжик. — Какую ты там столовую ещё придумала. Вот я ловлю себе на обед разных жучков, червячков, личинок. Наемся и сыт, и никакая столовая мне не нужна, значит, её и не бывает.

И ёжик, очень довольный тем, что он умней всех, что он так ловко отделал этих глупых лесных врунишек, не спеша потрусил по поляне поискать себе на обед жучков, червячков.

А синичка задорно запела ему вслед:

Ты самый упрямый,
Ты самый смешной,
Ты спал под корнями
Холодной зимой.

Метели не видел,
Мороза не знал,
Не будь же в обиде,
Что зиму проспал.

Но ёжик её и слушать не захотел. Он бежал не спеша по лесной поляне.

И вдруг... что за диво?! Прямо перед ним из круглой земляной норки начала выпирать свеженарытая земля. Выпирает и тут же рассыпается, всё больше и больше. Глядь, уж над самой норкой целый земляной холм вырос.

«Кто же это так трудится, землю из глубины на поверхность выталкивает?» — заинтересовался ёжик. Он приблизился к самому холмику, заглянул в норку и громко окликнул:

— Эй, кто там под землёй работает?

— Это я, зверёк-землекоп, — ответил ему голос из норки.

— А как тебя зовут? — спросил ёжик. — И зачем ты землю наружу выбрасываешь?

— Зовут меня крот, — отвечал зверёк-невидимка. — А землю выбрасываю я затем, чтобы прочистить свои охотничьи ходы. Я день и ночь по ним под землёю бегаю, охочусь на разных жучков, червячков, которые тоже в земле живут. Они заползут невзначай в мою норку, а я их поймаю и съем.

— И я червячков и жучков ловлю! — радостно ответил ёжик. — Только ловлю их не в норке, а прямо среди травы.

— Вот и отлично, — одобрил крот. — Значит, мы друг другу сродни приходимся: оба охотники за жучками, за червячками.

— Верно, верно, — согласился ёжик. — Давай, приятель, поближе с тобой познакомимся. Вылезай ко мне на полянку.

— Ох, не люблю я из норы вылезать, — отвечал крот. — Ну да уж ладно, сейчас выберусь. — И он выполз из своего подземного убежища.

Ёжик стал разглядывать нового знакомого.

— Какие у тебя забавные передние лапы, — удивился он, — широкие, будто лопаточки, и вывернуты в разные стороны! Как же ты на таких лапах по земле бегаешь? Наверное, сразу в траве запутаешься?

— Поэтому я и не люблю на поверхность земли выбираться, — ответил крот. — Мои лапы служат мне совсем для другого. Бегать на них по земле трудновато, зато рыть ими

землю очень удобно. Ты, ёжик, ещё на рыльце моё погляди. Смотри, какое оно длинное, узенькое. Я им, словно буравчиком, в мягкую землю врываюсь, а потом её передними лапами в стороны отгребаю. Так и рою свои подземные ходы, в них днём и ночью добычу ловлю.

«Вот это настоящий охотник, настоящий, солидный зверёк! — с уважением подумал ёжик. — Это не то что врунишки заяц и белка или непоседа синичка. Спрошу-ка его — видел ли он когда-нибудь зиму и белый снег?»

— Какой такой белый снег? — удивился слепой крот. — У меня в норе всегда темно и кругом только одна земля. Никакого снега я и знать не знаю.

— А знаешь ли ты, что такое ледяной ветер, метель? — спрашивал ёжик.

— И об этом я слышу в первый раз, — отвечал крот. — У меня в норе никогда не бывает ни метели, ни ветра.

«Ну, наконец-то я встретил солидного, умного зверька!» — вздохнул с облегчением ёжик.

— С тобой и поговорить приятно, — сказал он кроту. — Мы с тобой, братец, всё видим, всё знаем, я — на земле, а ты — под землёй. Нас никто не обманет.

И ёжик, простившись со своим новым знакомым, затрусил дальше по полянке. Он совсем и не слушал того, что ему свистели, тре-

щали и пели разные птицы: синицы, щеглы, корольки. А они, сидя на ветках кустов и деревьев, распевали ежу свою задорную песенку:

Эту песенку должны мы
Спеть тебе, упрямый ёж.
Ты, лентяй, проспал всю зиму
И зимы не признаёшь.

Крот слепой — плохой советчик,
Белый свет он не видал,
Но тому поверить легче,
Кто тебе не возражал.

Ох, упрямство — это горе,
До добра не доведёт,
Кто без толку вечно спорит,
В наказание слёзы льёт.

Но ёжик всех лесных обитателей, кроме своего нового друга — крота, считал либо дурачками, либо врунишками.

Ёж подбегал уже к кустам на другой стороне поляны, как вдруг из них навстречу ему не спеша, как бы нехотя, вышла плутовка Лиса Патрикеевна. Она давно караулила добычу и была очень голодна.

Сидя в кустах, лиса отлично слышала, как ёжик спорил с белкой, с зайцем, с синицей. Плутовка слушала да подсмеивалась над глупым ежом. «Ну, попадись мне только этот упрямец, я ему такой «снежок» покажу, что сразу глазки зажмурит!»

Увидя подбегавшего к кустам ежа, лиса скорёхонько вышла к нему навстречу.

— Добрый вечер, дружочек, — ласково сказала она. — Куда спешишь, зачем торопишься, разве не знаешь пословицы: «Поспешишь — зверей насмешишь».

— Ничего и знать не хочу, — заворчал ёжик, сворачиваясь в колючий клубок. — Уходи от меня, лиса, а то весь нос исколю.

— Ох, какой ты сердитый! — таким же певучим, ласковым голосом протянула лисица. — Да ты, дружочек, не бойся меня: я тебя не съем, я сегодня сытая-пресытая.

Она села возле ежа и продолжала:

— Лежала я вот тут, под кустиком, дремала после обеда да слушала болтовню глу-

пых птиц и зверей, как они тебя одурачить хотели, про какую-то зиму, про белый снег рассказывали. — Лиса на минуту примолкла, вздохнула и заговорила сладким голоском: — Здорово ты им, дружок, отвечал, всех переспорил, вот уж умница, вот молодец!

Ёж был очень доволен похвалой лисицы. Он даже перестал сердито пыхтеть, но разворачиваться всё же побаивался.

А лисица, передохнув минутку, опять продолжала:

— Переспорить-то их ты переспорил, а всё-таки не доказал, что они всё врут и над тобой подсмеиваются.

— А как же им ещё доказать? — спросил ёж.

— Очень просто, — отвечала лиса. — Они тебе что говорили? Когда зима наступает? Когда белый снег на землю ложится? Тогда, когда ты уснёшь. А почему, говорят они, ты, дружок, ни зимы, ни снега не видел? Потому, что спишь под корнями в норе, да ещё в листьях, в мох закутаешься, да ещё в клубочек свернёшься. А я вот что тебе посоветую: попробуй сейчас задремать. Только в норку не залезай, листьями не укрывайся и в плотный клубок не сворачивайся. Ляг на спинку, вот тут на поляне, животик на солнышко выстави и усни. Если твои дружки не врут, значит, как ты только уснёшь, так зима и заявится, холодный снег тебе на животик посыплет, ты

и проснёшься. А коли дружки твои всё наврали, коли зимы никакой и в помине нет, ты на солнышке выспишься, вот и всё. А я пока в лес побегу, некогда мне. Прощай, дружочек! — И лиса, облизнувшись, скрылась в кустах.

— Это, пожалуй, дело Патрикеевна говорит, — решил глупый ёж. — Не буду в колючий клубок сворачиваться, лягу на спину и засну. Посмотрим, придёт ли зима, посыплет ли мне на брюшко холодный снег? Конечно, она не придёт! То-то буду я потом над всеми лесными врунишками и дурачками подсмеиваться!

Ёж развернулся, лёг на спину, подставив вечернему солнцу своё брюшко, и задремал.

Напрасно с ближайших кустов и деревьев на разные голоса ему пели, кричали, чирикали и свистели птицы:

Ёж, не верь словам лисицы,
Лучше верь друзьям своим.
Дятлы, сойки и синицы —
Мы добра тебе хотим.

Ты плутовки злой не слушай,
Поплотней свернись в клубок,
А не то лисе на ужин
Попадёшь, как колобок.

Но ёжик их даже и не слышал. Он сладко заснул, растянувшись на солнышке.

А вот пришла ли к нему во сне зима или не приходила, об этом наш ёжик так никогда

и не узнал. Потому не узнал, что к утру от него осталась только одна колючая шкурка.

ХИТРАЯ ПТИЦА

Пришла весна. Растаял снег. Из южных стран вернулись перелётные птицы.

— Скорей, скорей домой! — кричали они на все лады, торопясь в родные края.

С их прилётом поля и леса сразу ожили. Сколько повсюду песен, свиста, крика!

Над полем высоко в небе, словно серебряные колокольчики, звенели жаворонки. В лесу заливались пеночки, зяблики, соловьи... Всех певцов и не перечесть.

У некоторых птиц и голоса-то для пения нет, но и они тоже от других не отстают, стараются кто как умеет.

Длинноносый кулик-бекас взлетел над болотистой низиной, а оттуда — стрелою вниз. Несётся к земле, сам хвост веером растопырил. Перья в хвосте у него жёсткие, колеблет их ветер, будто на струнах играет. Здорово получается, словно барашек в небе заблеял: бе-э-э-э!.. Так бекас на собственном хвосте и разыгрывает в воздухе свою весеннюю песенку.

А пёстрый дятел уселся на самый верх сухой, сломанной ёлки да как начнёт колотить клювом по дереву: тррррр, тррррр! Далеко разносится по лесу частая барабанная дробь.

Так разные птицы, каждая по-своему, но все одинаково радостно приветствовали весну.

Но, радуясь приходу весны, птицы не забывали и о другом, о самом главном: что настала пора вить гнёзда, нести в них яйца и выводить птенцов.

Разлетелись птицы по рощам, садам и лесам, каждая присмотрела себе для гнезда подходящее место.

Одни кукушки совсем и не думали об устройстве гнёзд. Прилетели они в наши края довольно поздно, уж почки на берёзах полопались. Но, возвратившись в родные леса, кукушки не торопились заняться делом. С утра до вечера они только и знали, что играть

друг с другом в прятки. Одна спрячется в самую чащу и кричит оттуда: «Ку-ку, ку-ку!» А другая летает по лесу, ищет её.

В таких играх и не заметили, как весна почти уж прошла; скоро пора детей выводить, а у них и гнёзд ещё нет. Как быть?

Посоветовались кукушки между собой и решили: «К чему нам зря трудиться, гнёзда вить? Попросим лучше других птиц, чтобы те разрешили подложить яйца в их гнёзда. Не всё ли птицам равно, сколько яиц насиживать? Одним больше, одним меньше, никакой разницы нет».

Вот одна из кукушек и полетела чужие гнёзда разыскивать. Подлетела к старой берёзе, глядит — на толстом суку возле ствола что-то темнеет, будто древесный нарост. Начала кукушка его разглядывать — да это вовсе и не нарост, а птичье гнездо. Ловко оно устроено: свито из тонких прутиков, из сухих прошлогодних стеблей. А чтобы кто-нибудь из врагов гнездо не заметил, в стенки его вплетены лишайники разные, те самые, что на деревьях растут; и ленточки берёзовой шкурки тоже в стенки гнезда вплетены. Хорошо замаскировано гнёздышко, не скоро его заметишь.

«Чьё же это жилище?» — заинтересовалась кукушка и подлетела совсем близко к берёзе.

— Тебе что здесь нужно? — недовольно

спросила птичка зяблик, выглядывая из гнезда.

— Мне надо яйцо снести, а гнезда нет, — отвечала кукушка. — Разреши снести яйцо в твоё гнездо. Ты всё равно свои яйца высиживаешь, птенцов выводил, заодно и моего вместе с другими выведешь.

— Что ты, что ты! — запротестовала птичка зяблик. — У меня и так в гнезде много яиц. Я еле-еле с ними справляюсь, а ты ещё хочешь добавить. Нет, лети лучше подальше в лес, может, кого-нибудь из птиц и уговоришь вывести за тебя детей.

Нечего делать, полетела кукушка дальше.

Смотрит — на полянке густая липа стоит, а на концах ветвей у неё покачивается плетёная корзиночка.

«Вот так находка! — обрадовалась кукушка. — Значит, и трудиться строить гнездо не нужно». И она уже хотела забраться внутрь.

Вдруг из «корзиночки» показалась головка иволги.

— Ты зачем к моему гнезду подбираешься? — рассердилась она.

— А я и не знала, что это твоё гнездо, — отозвалась кукушка. — Не бойся, я не собираюсь у тебя его отнимать. Позволь мне только снести туда одно яичко.

— Не позволю! — возмущённо ответила иволга. — Потрудись-ка лучше, сама устрой гнездо, тогда и носи в него свои яйца.

— Нет, мне что-то не хочется своё гнездо устраивать, — покачала головкой кукушка и умчалась прочь.

Летает она по лесу, каждое дерево, каждый кустик осматривает. Глядит — на склоне оврага растёт дикая яблоня, во все стороны сучья раскинула. А в самой развилке сучков темнеет птичье гнездо. Да так хорошо, прочно оно устроено, все стенки даже глиной промазаны.

Хотела кукушка поближе к нему подобраться, но тут ей навстречу дрозд. Летит, а сам шумит, трещит на весь лес:

— Уходи отсюда! Зачем прилетела? Разве не видишь, здесь наше гнездо!

Стала просить кукушка дрозда разрешить ей снести в его гнездо своё яичко. Но дрозд и слушать не хочет. Знай кричит:

— Почему ты сама гнездо не вьёшь, зачем по чужим шатаешься?!

Так и прогнал.

Не знает кукушка, куда же ей дальше лететь, кого ещё попросить. Уж очень не хочется ей самой за устройство гнезда приниматься. Полетела она ещё дальше по лесу да и присела слегка отдохнуть на сухую осину.

Смотрит — в стволе круглая дырочка. Заглянула туда, а внутри ствола дупло выдолблено, а в нём тоже гнездо. Сидит в гнезде пёстрая птица дятел, сидит, яйца насиживает.

— Здравствуй, дятел! — сказала кукушка. — Разреши мне в твоё гнездо яйцо подложить.

— А почему ты сама дупло не выдолбишь? — спросил дятел. — Здесь много сухих деревьев. Хочешь, я тебе покажу?

— Нет, я дупла долбить не умею, — недовольно ответила кукушка. — К чему мне трудиться? Я и так в чужие гнёзда свои яйца пристрою.

— Ну тогда убирайся отсюда, если ты такая лентяйка! — рассердился дятел. — А то я как вылечу из дупла, живо тебя прогоню!

Но кукушка не стала этого дожидаться и быстро шмыгнула в кусты орешника.

А под кустом, на земле, среди сухой травы и прошлогодних опавших листьев, тоже гнездо устроено, да такое уютное, аккуратненькое, свито оно из сухих стебельков.

В гнезде сидит буроватая птичка. Прижалась, и не видать её, будто тёмный прошлогодний листок; рядом пройдёшь — не заметишь. Но зоркая кукушка вмиг разглядела затаившуюся в гнезде птичку и подлетела к ней.

— Как тебя звать? — спросила она.

— Меня зовут соловей, — ответила птичка. — А что тебе от меня нужно?

— Совсем пустяки, — небрежно ответила ей кукушка. — Будь добра, слети на минутку с гнезда, а я туда своё яйцо положу. Яйцо у

меня маленькое, никакого места в твоём гнезде не займёт, зато ты окажешь мне большую услугу — вместе со своими птенцами и моего кукушонка выведешь.

— Но позволь, — удивилась птичка, — а почему же ты сама не вьёшь гнезда и не водишь детей?

— Я, знаешь, не очень люблю с этим делом возиться, — призналась кукушка.

— Не любишь о детях заботиться? — возмутилась птичка. — Делай тогда как знаешь, а я и слушать тебя не хочу! — И она отвернулась прочь.

«Куда же теперь лететь, кого же ещё просить? — даже растерялась кукушка. — Видно, никто из птиц добровольно не согласится насиживать мои яйца, выкармливать моих кукушат, придётся пуститься на хитрость».

И вот кукушка начала осторожно перелетать с дерева на дерево, прячась за ветки. Перелетает, а сама выглядывает, нет ли такого гнезда, с которого птичка-хозяйка слетела, чтобы поесть или крылышки поразмять. Летала, летала и натолкнулась наконец на пустое гнездо. Оно было устроено в широком дупле старой ольхи. Кукушка воровато оглянулась по сторонам: птички — хозяйки гнезда — поблизости не было видно.

«Ну, нечего время даром терять», — решила плутовка.

Снесла яйцо и быстро подложила его в

гнездо. В нём уже лежало несколько яичек.

«Пускай выводит и моего птенца, — подумала кукушка, — а я тем временем поищу другие гнёзда и в них тоже положу по яичку».

Так она и сделала. Выбрала удобное время, когда птицы отлучались от гнёзд, и разложила по ним свои яйца. Теперь всё было в порядке: яйца по чужим гнёздам разложены, значит, другие птицы выведут из них кукушат, будут кормить их, охранять от врагов, а кукушке не о чем и заботиться, может снова летать по всему лесу и ловить на завтрак и на обед мохнатых гусениц. Этих гусениц прочие птицы почти не ловят. Одни кукушки до них охотницы.

Разбросав яйца по чужим гнёздам, кукушка ни разу и не подумала о том, что с ними будет дальше, ну хотя бы с самым первым из них, которое она отложила в дупло старой ольхи.

А случилось с ним вот что.

Хозяйка гнезда в дупле — серая мухоловка — вскоре вернулась насиживать яйца. Она, конечно, и не заметила, что у неё в гнезде прибавилось ещё одно яичко. Ведь кукушкины яйца маленькие, пёстренькие, очень похожи на яйца других мелких птиц.

Много дней серая мухоловка упорно сидела в гнезде. Наконец из яиц вылупились голые, слепые птенцы.

Сперва они только беспомощно копоши-

лись в гнезде, но потом чуточку поокрепли и начали поднимать головки, широко раскрывали рты и пищали, прося, чтобы родители их накормили.

Немного позднее других из пёстренького яйца вылупился последний птенец. Он был крупнее других и ужасный непоседа: всё время ворочался в гнезде, расталкивая своих сестёр и братьев.

— Ах, какой он бедовый! — говорила, любясь птенцом, птичка-мать своему дружку, серому мухолову.

— Очень шустрый! — одобрительно кивнул головкой папа-мухолов. — Вот посмотришь, он самый первый начнёт летать, ловить мушек и комаров. Но и другие детки тоже молодцы, — добавил он. — Видишь, как они поднимают головки и открывают рты!

Однако любоваться птенцами родителям было некогда. Попробуй-ка накорми этих горластых обжор!

С утра до ночи взрослые мухоловки летали по окрестным рощам, ловили мушек и кормили своих ненасытных птенцов. А в гнезде тем временем творилось что-то неладное — птенцов в нём оставалось всё меньше и меньше. Но птички-родители не умели считать и не примечали каждого птенчика, да и где тут приметить, успевай только подлетать к гнезду и совать в открытые рты комаров да мо-

шек. А сколько открылось ртов — кто их знает.

Но куда же девались птенцы из гнезда? Уж не повадился ли туда какой-нибудь хищный зверёк? Нет, в гнездо мухоловок никто из зверьков не лазил. Происходило в нём вот что. Шустрый птенец, тот, что вылупился из яйца самым последним, оказался отчаянный буян. Он всё время возился в гнезде и подлезал под других птенцов. Подлезет, а потом поднатужится, приподнимется да и выпихнет птенчика за край гнезда. Одного выпихнул, другого, третьего... Попадали они на землю в густую траву, а там их сразу же разыскал обжора ёж. Ему только подавай еду: лягушка ли попадётся, мышонок или птенец — всё равно съест.

Вскоре непоседа птенец повытолкал из гнезда всех своих сестёр и братьев. Один остался. Но птички-родители и тут ничего не заметили. Подлетают к гнезду, а оттуда навстречу высовывается огромный рот птенца-великана.

— Есть, есть, давайте еду! — кричит птенец.

Птички из сил выбиваются, никак обжору своего не накормят. Сами диву даются: «Вот так сынок растёт! Богатырь, да и только». Уж он еле-еле один в гнезде умещается. Родителям даже сесть негде, чтобы птенца покормить. Приходится садиться ему прямо

на спину. А он голову задерёт, рот разинет: корми, мол, меня, очень есть хочется.

Прошла неделя, другая, оперился птенец-великан да и марш из гнезда. Сел на ветку, опять есть просит.

Кормят его птички-родители, кормят да радуются — какого сынка вырастили: втрое больше самих!

Только однажды пролетал мимо зяблик, присел на веточку отдохнуть, мухоловки ему и хвастаются:

— Взгляни-ка на нашего малыша, каков молодец!

Взглянул на птенца зяблик и ахнул:

— Да ведь это же кукушонок! Кормили-то вы не своего птенца, а подкидыша.

— А ты почём знаешь? — заволновались мухоловки.

— Как мне не знать — и со мною кукушка такую же штуку выкинула, и я вместо своих птенцов кукушонка кормил!

Рассердились птички, бросились к дереву, где их птенец-великан сидел, а его и след простыл. Окреп он за эти дни, возмужал да и улетел себе в лес ловить страшных мохнатых гусениц.

Собрались все птицы вместе, и решили они: как увидят кукушку, гнать её прочь из леса. Только попробуй-ка прогони — кукушка ведь хитрая, заберётся в самую чащу да оттуда ещё и дразнится: «Ку-ку, ку-ку!»

Никак её птицы найти не могут.

СЧАСТЛИВЫЙ ЖУЧОК

Был тёплый весенний вечер. Бабушка Дарья вышла из дома и уселась на крылечко. Этого только и ждали ребята. Будто воробьи, слетелись они с разных концов деревни.

— Бабушка, расскажи что-нибудь поинтереснее, — затараторили они.

Старушка поглядела на ребят ласковыми, поблёкшими, как осенние цветы, глазами, подумала и сказала:

— Хорошо, я расскажу вам сказку про счастливого жучка-червячка. А вы сидите и слушайте. Вот как это было.

Прилетела на землю Весна. Принесла с собой много-много разноцветных шелков, чтобы украсить ими леса и луга, чтобы одеть бабочек и жучков, чтобы всё кругом выглядело нарядно и празднично.

Попросила Весна Красное Солнышко:

— Согрей получше землю. Разбуди всех, кто спал крепким сном всю долгую зиму. Пусть выбираются из своих трещинок, щёлочек.

Пригрело Солнышко землю. Вылезли разные насекомые, кто из щели, кто из земляной норки, кто из-под древесной коры, и все поползли, побежали, полетели на просторную лесную поляну. Там их ждала Весна со своими разноцветными шелками, золотыми,

серебряными нитями и другим убранством.

Явились бабочки и жуки на полянку. Увидела их Весна и говорит:

— Вот я к вам прилетела с тёплого юга. Какие хотите вы получить от меня подарки, чтобы они доставили вам радость и счастье, чтобы вы могли весело летать и бегать по полям и лесам?

Тут все бабочки и жуки сразу заговорили:

— Видишь, Весна, как потёрлись, испачкались за осень и зиму наши крылышки, какие мы все некрасивые. Дай нам яркие, нарядные одежды, тогда мы разлетимся в разные стороны, будем кружить над цветами, радоваться твоему приходу, тогда мы будем по-настоящему веселы и счастливы.

— Хорошо, — ответила им Весна и начала наряжать каждого из пришельцев.

Бабочке-белянке дала она ярко-белое платье. Лимоннице — нежно-жёлтое, как золотистый осенний листок. Бабочку-траурницу убрала в чёрный бархат с белой каёмкой по концам крыльев. Мотыльков, что кружатся возле весенних луж, одела она в голубую лёгкую кисею. А вот весёлая бабочка-крапивница выбрала себе пёстренькое платье, красновато-рыжее, с тёмными и голубыми крапинками.

Решили принарядиться и важные, степенные жуки. Майский жук оделся в костюм

шоколадного цвета, жук-носорог — в коричневый да ещё присадил себе в виде украшения на голову длинный рог. Навозный жук выбрал тёмно-синий костюм. Дольше всех никак не мог подыскать подходящую одежду жучок-бронзовка. Наконец надел на себя золотисто-зелёный кафтан, такой нарядный, что как только выбрался в нём на солнце, так и заблестел в его лучах.

Много ещё красивых одежд раздала Весна разным бабочкам, жукам, проворным стрекозам и весёлым скакунам кузнечикам. Кузнечики захотели одеться во фраки под цвет травы. А сердитые шмели и осы нарядились в жёлтые курточки с чёрными поясками.

— Ну, кажется, всем я угодила, — сказала Весна, — теперь все довольны, могут летать кто куда хочет и радоваться солнечному теплу.

В это время набежал ветерок, зашелестел в ветках деревьев, приподнял с земли прошлогодний завядший лист.

Заглянула Весна под листок и увидела там маленького невзрачного жучка. Он и на жучка-то был не похож, скорее походил на какого-то бурого червячка.

— Кто ты такой? — спросила его Весна. — Как тебя звать?

— Меня зовут ивановым червячком, — ответил ей незнакомец.

— Почему же ты сидишь под листом, не вылезаете оттуда? Разве ты не хочешь получить от меня красивый наряд? Разве не хочешь быть довольным и счастливым?

Жучок-червячок взглянул на Весну, подумал и ответил:

— А мне и так хорошо, я и так счастлив, счастлив тем, что наступило тепло и всё кругом ожило, радуется твоему приходу. Мне не надо яркого платья — я ведь ночной жучок, я выползаю из-под листы, когда уже стемнеет и в небе зажгутся первые звёзды. Зачем мне красивый наряд? Я счастлив тем, что живу в родном лесу. Спасибо тебе, Весна, что ты так красиво его одела. Больше мне от тебя ничего не нужно.

Удивилась Весна, что этот скромный жучок ничего для себя от неё не просит. А потом подумала и поняла: да ведь он-то и есть самый счастливый. Он радуется не за себя одного, а за всех, радуется и живёт одним общим счастьем.

И тут же решила Весна: «Подарю я ему крохотный голубой фонарик. Пусть он зажигает его каждый вечер и светит всю ночь. Пусть этот фонарик горит, как яркая звёздочка в тёмной ночной траве, и напоминает обитателям леса о том, что счастье никогда не меркнет, даже в самую тёмную ночь...»

Вот и сказке конец, — улыбнулась бабушка Дарья. Она замолчала, глядя вдаль за око-

лицу. Там за рекой, над синим простором лугов, уже загорались первые звёзды.

Ребята тоже притихли. О чём они думали? Может быть, о счастливом ивановом червячке, который, наверное, уже выбрался из-под увядшей листвы и зажигает в ночном лесу свой неяркий голубой огонёк. А может, о том, как хорошо уметь в жизни радоваться за других, радоваться и знать, что твоя звёздочка освещает не только твоё, но и чужое счастье.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Вот уже много лет нет моего отца. А мне часто кажется, что вот он сейчас откроет дверь и скажет: «Гудбай, ты дома?» Почему-то, точно не помню, он называл меня Гудбай. Он вообще всем любил давать какие-нибудь прозвища. Моего младшего брата Ваню он называл Афанасием. Почему Афанасий? А себя он именовал Шишикун, потому что «шишикал», когда хотел, чтобы помолчали.

Сохранились фотографии последних лет, очень хорошо передающие его образ: высокого роста, полный, с каким-то удивительно приятным, располагающим к себе лицом, седой... Обычно где-нибудь на речке с удочками или в лесу, часто с собаками, улыбающийся, добродушный. Таким он бывал на природе, таким его знали друзья.

Читателям он известен главным образом как прозаик, как писатель-натуралист. Однако он писал также и стихи. Стихи эти передают разные оттенки его настроений, и поэтому, рассказывая об отце, я позволю себе привести некоторые строки.

Родившись в Москве и проведя детство в провинциальном городе Чернь, Тульской губернии, отец на всю жизнь полюбил пейзажи средней полосы России. На него не производили большого впечатления яркие

И наконец последняя наша собака — спаниель Джальма, она же Лисица, Прелестница и Страдалица.

Собаки пользовались в нашем доме огромными правами. Джальма ходила за отцом по пятам, и упаси Бог было чем-нибудь её обидеть. Она тут же жаловалась хозяину — и суд его был строг.

Помнится мне один случай, связанный с Джальмой, но имеющий отношение не столько к ней, сколько к увлечению в нашей семье классической музыкой. Надо сказать, что отец как-то ещё с молодых лет убедил себя в том, что серьёзную музыку он не понимает. Я много раз слышал от него жалобы на отсутствие музыкальной памяти, на неспособность запомнить ни одной сложной мелодии и т. д.

Всё изменилось после покупки им проигрывателя и нескольких хороших пластинок. Началось с Шестой симфонии Чайковского. Прослушал её отец один раз, покачал головой и пожал плечами — не дошло; прослушал другой раз — как-то вроде заинтересовался, а прослушав в четвёртый и пятый раз, пришёл в полный восторг и сказал, что никогда такого удовольствия не получал, разве что когда в первый раз «Войну и мир» прочёл.

С этого и пошло. Сначала слушал он в основном русских композиторов, всё больше те произведения, в которых тема природы звучит. Потом уж от этой темы природы отошёл и взялся за более сложную музыку. Не прошло и месяца, как он заявил, что самые любимые его произведения — это Десятая симфония Шостаковича и Седьмая Прокофьева. Я тоже тогда увлекался Прокофьевым, и особенно нравилась мне виолончельная симфония-концерт. Там в конце есть одно такое место, где как будто с жизнью прощаешься, и какая-то бездна разверзается перед тобой... И летишь в эту бездну. А что там на дне?

Мне очень хотелось, чтобы отцу тоже эта вещь понравилась. А он всё как-то упирался, оттого, по-моему, что толком ни разу её не послушал. Наконец устроили мы это прослушивание: пришёл отец, сел в кресло, и Джальма зачем-то тоже пришла и тоже села на стул. Мне показалось, что Джальма-то вроде тут лишняя, но спорить уж не стал. И вот слушаем мы концерт, и подходит то самое место, где «бездна разверзается», и я сижу, обмираю весь, и только случайно попалась мне на глаза эта Джальма, и вижу я, что что-то не то с ней происходит: головой она как-то странно вертит, шею вытягивает... Посмотрел я на отца, а он, как маленький мальчик, тут же замер, как будто очень прилежно музыку слушает. Но я-то успел заметить, что он только что перед этим Джальме страшные глаза делал и одной рукой дирижировал, а она вроде как бы напевала потихоньку. И это всё в те самые минуты, когда казалось, что с жизнью прощаешься.

Ужасно я тогда обозлился и сказал, что в следующий раз запрю отца наедине с Прокофьевым, а Джальму выгоню вон.

Давно это было, а я, как сейчас, помню, как отец говорил: «Ну как же можно Джальму вон выгнать, она же тоже хочет музыку слушать. Смотри, какой у неё вид музыкальный!»

Чем старше становился отец, тем меньше в охоте его интересовало застрелить зверя или птицу. Сохранив прежнюю любовь к охоте, он часто отказывался выстрелить в вальдшнепа на тяге или глухаря на току. Не то чтобы он становился сентиментальным, этого не было. Не мудрствуя по этому поводу, могу честно сказать, что не знал человека, который бы так любил животных: и больших, и маленьких, и полезных, и бесполезных. Он относился к ним с уважением. И в то же время он любил

охоту, любил удачный выстрел, сам был отличный стрелок... Но с годами азарт охоты начал в нём угасать. С не меньшим удовольствием он стал ходить за грибами или ездить на охоту за компанию, иногда даже без ружья.

И в походы за грибами, и в подготовке к охоте он проявлял столько интереса, столько увлечения, что было невозможно всем этим не загореться. С Ваней, например, он всегда состязался, заключал пари: кто будет чемпионом в охоте, кто сколько поймает рыбы... Всё это придавало и охоте, и рыбалке особую прелесть.

Ничего не поймав и не застрелив, он никогда не падал духом, никогда не считал это время проведённым зря, и сам же первый над собой подшучивал. Его увлекало всё, что было связано с природой. И даже мимо подлёдной рыбной ловли — этой далеко не всем понятной страсти — он не прошёл.

Бывало, зимой, ночью, когда на дворе такой холод, что хороший хозяин собаку на улицу не выпустит, у нас в квартире сматывались мормышки, вытаскивались валенки и огромных размеров галоши, кипятился чай для термосов, звонил телефон, и отец уверял кого-то, что хотя в прошлое воскресенье на Большой Волге и был хороший клёв, но ехать надо на Сенеж, что, мол, если где и будет «браться», так это только на Сенеже. «А впрочем, — заканчивал он, — я куда угодно поеду, так что решайте сами, только давайте не канителиться, а то уже скоро светать начнёт!»

А уж «бралось-то» что! «Бралось-то» что! Мелочь. Вот такие рыбки с палец величиной — и всего несколько штук. Правда, «в прошлое воскресенье, на этом самом месте, Алёша сам видел, один рыбак таскал огромных окуней». Но я что-то не помню, чтобы наши рыбаки когда-нибудь попадали в это «прошлое воскресенье».

Зато приезжал отец с зимней рыбалки еле живой от усталости, но очень довольный. Я как-то у него спросил: «Что же в этом хорошего? Ну, я понимаю летом: закат, тишина, запахи, это понятно. Но зимой, когда холод, ветер, зимой-то что хорошего?» — «Как ты не понимаешь! — сказал он мне. — Зимой — это же совсем другое дело. Рыба же подходит совсем близко к поверхности воды. Ты же видишь, как она хватает мормышку... А как спишь потом хорошо...» Вот и всё объяснение.

Рыбы тоже жили у нас в доме. Не в аквариуме, не живородящие, не с красными хвостами — этого никогда не было, — а просто в ведре; жили ерши, караси. Плавали важно, занятые своими интересами, иногда поднимались на поверхность и открывали рты, требуя еду. Если отец куда-нибудь уезжал, он оставлял подробные инструкции, когда и чем этих рыб кормить. Куда они потом девались, я даже толком не знаю: наверное, их выпускали назад, в прорубь.

Отец был прекрасный рассказчик. Вот любимая история отца про двух его друзей: Георгия Петровича Меньшикова и Егор Палыча. Оба они были в течение многих лет частыми спутниками отца в его охотничьих скитаниях.

Георгий Петрович на вид был очень похож на писателя Пришвина: такая же благородная внешность, большой лоб, бородка клинышком — настоящий московский профессор. Он и на самом деле был известный профессор биохимии. Егор Палыч же был простой человек, из крестьян, не шибко образованный, но с исключительными душевными качествами. Несмотря на трудную жизнь, на то, что большинство его детей погибло на войне, он обладал большим

запасом жизнерадостности и оптимизма. Георгий Петрович был лет на десять старше отца, а Егор Палыч лет на десять старше Георгия Петровича. И тем не менее, когда им случалось куда-нибудь втроем идти, он в два счёта загонял и того и другого.

Считался он в их компании за главного. Только и слышалось: «Палыч приказал, Палыч велел». А на самом деле Палыч был мягкий, деликатнейший человек, которому ни велеть, ни приказывать было совсем несвойственно. Но такая уж у них была игра: «Сам Палыч сказал!»

Поехали они однажды куда-то втроем на пароходе. И выйти им нужно было на пристани, на которой одни пароходы останавливались, а другие нет. По дороге выяснилось, что тот пароход, на котором они едут, как раз и не останавливается. Решили идти просить капитана. Первым отправился Георгий Петрович. Пошёл, представился: дескать, профессор такой-то, лауреат, еду отдыхать с друзьями, нельзя ли, в порядке исключения, приостановить пароход. Видимо, разговор у них получился очень корректный, очень вежливый, но только совершенно безрезультатный: капитан сказал, что график менять не имеет права и, к сожалению, ничего для него сделать не сможет.

Вторым пошёл отец. Разговор свой с капитаном он описывал так. Тоже пришёл представился: писатель такой-то, с такой-то просьбой. Капитан ему говорит: «Знаю, знаю. Вот уж и профессор Меньшиков приходил... Рад бы я вам помочь, да сделать ничего не могу. Не положено это». Тогда отец ему говорит: «Да дело тут не во мне и не в профессоре Меньшикове, а может быть, вы не знаете, ведь с нами сам Палыч едет. Мы ведь только так, вроде как его сопровождающие». Тут капитан сразу в лице переменялся. Заволновался, сообра-

жать что-то стал. Хотел в первый момент, видимо, спросить: да кто же это такой-то? Да потом, наверное, решил, что уж раз «сам», так неудобно не знать-то.

«Ну что ж, — говорит, — ведь я и в самом деле ничего не знал. Раз так, конечно, сейчас остановимся. Пожалуйста, идите подготавливайтесь».

Когда они уже спускались на причал (с ними ещё несколько человек сошло), то капитан всё стоял на своём мостике, всё приглядывался: кто же из них этот «сам Палыч», из-за которого ему пришлось пароход остановить.

Не знаю, всё ли тут было так, как отец рассказывал, или он присочинил что-нибудь, но только все всегда любили эту историю слушать, и он с удовольствием её по многу раз повторял.

«Что вы! Палыча все боятся. Если Палыч скажет...»

Когда отец выступал перед детьми, они слушали его как зачарованные. Потом сами делились с ним своими первыми наблюдениями за жизнью природы. Дома у нас хранится целая коллекция трогательных детских писем. Вот, например, письмо одного мальчика из Белоруссии.

Дорогой Георгий Алексеевич!

Я очень люблю диких животных и птиц. Летом я целыми днями просиживаю в лесу за наблюдением птиц. Я очень люблю читать книги о диких животных.

Самыми лучшими мне книгами о диких животных и птицах являются Ваши, а Вы являетесь моим любимым писателем...

Писали, конечно, не только дети, но и взрослые. Были среди них родители, рассказывавшие о том впечат-

лении, какое производили книги отца на их малышек, были начинающие писатели, искавшие поддержки и совета, были просто любители природы. Получая эти письма, отец часто говорил, что ему очень повезло в жизни: он имел возможность рассказывать о том, что самому было так близко и дорого — о русской природе, рассказывать самому благодарному на свете слушателю — детям.

...Отцу очень хорошо писалось в Доме творчества в Малеевке весной 1962 года. Там за очень короткий срок была написана первая часть его автобиографической повести: «От первых проталин до первой грозы», которую он обдумывал и вынашивал в течение многих лет.

Он вернулся в Малеевку осенью того же года, и это время было отмечено целым циклом «осенних стихов».

Опять пойду бродить
Среди берез и сосен,
Как некогда бродил
Тропою тишины.

Люблю твой грустный вид,
Малеевская осень,
Как, встретив, полюбил
Тепло твоей весны...

17 июня 1964 года у отца случился инфаркт, его отвезли больницу. Здесь он, по возможности, заканчивал вторую часть своей автобиографической повести: «У птенцов подрастают крылья». Прошёл месяц, отец чувствовал себя уже значительно лучше, но 18 августа внезапно, мгновенно его не стало.

В записных книжках отца много разных стихотворений: и весёлых, и грустных, и жизнеутверждающих, и мрачных — в них ощущались настроения неравно-

душного человека. И я хотел бы закончить этот короткий рассказ о моём отце стихотворением, которое стоит последним в его записных книжках, стихотворением, обращённым к юности.

Ты молод,
    в теле бродит сила.
Все двери
    жизнь тебе открыла.
Иди же, друг,
    в любую дверь,
Удачлив будь
    и в счастье верь.

Владимир Скребицкий

СОДЕРЖАНИЕ

Вл. Архангельский. О моём друге 5

РАССКАЗЫ

Чему научила сказка	10
Белый кораблик.....	17
День рождения	25
Заботливая мамаша	37
Воришка	39
Джек	43
Сиротка.....	55
Пушок	59
На пороге весны	62
Здравствуй, весна!	66
За селезнями	78
Длиннохвостые разбойники	82
Зелёный шум	84
Чир Чирыч	87
Загадочная находка	96
Наседка	101
Ранние гости	106
Соловьиная дудочка	112
Дружба	118
На разливе	120
Курочка-камышница	130
Неожиданное знакомство	132
Старый блиндаж	139
Чудо техники	145
Лесной голосок	149
Полуночник	151

Белая шубка	156
Аистята	159
Скрипун-невидимка	163
Домик в лесу	172
Речной волк	184
Митины друзья	191
Лебеди	193
Любитель песни	200
Он поднялся со дна моря	207
Куйка	211
Лесной прадедушка	222
Голубой дворец	227

СКАЗКИ СЛЕДОПЫТА

Весенняя песня	238
Самый упрямый	245
Хитрая птица	259
Счастливый жучок	270
<i>В. Скребицкий. Воспоминания об отце</i>	275

Литературно-художественное издание

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Скребицкий Георгий Алексеевич

ДЛИННОХВОСТЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Рассказы и сказки

Ответственный редактор *Н. Е. Дубань*

Художественный редактор *Е. М. Ларская*

Технический редактор *Н. Ю. Крапоткина*

Корректор *В. В. Борисова*

Компьютерный набор и верстка *В. Л. Богомазовой*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.07.09.

Формат 84 x 108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Шрифт «Школьный».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 9,44.

Тираж 5000 экз. Заказ № .

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов

ОАО «Издательство «Детская литература».

125319, Москва, ул. Черняховского, 4

www.detlit.ru